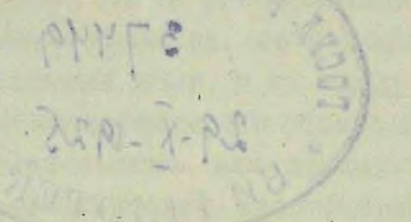

Г 81 1/58

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И НРАВЫ

ВЪ РОССІИ XVIII ВѢКА.

В. Гольцева.



МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., д. № 5
1886.

Предисловіе.

Предисловіе къ книгѣ является обыкновенно ея послѣсловіемъ. Окончивши работу и сознавая ея недостатки, авторъ естественно желаетъ облегчить пониманіе своихъ мыслей и устранить нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть у читателя.

Еще со временъ Цицерона указываютъ на безсиліе закона, когда ему не соотвѣтствуютъ нравы. Не было недостатка и въ защитникахъ противоположнаго взгляда, по которому законодатель можетъ творить нравы. Правильное рѣшеніе этого вопроса немыслимо безъ историческаго изученія взаимодѣйствія между нравами и законодательствомъ и безъ соображеній, опирающихся на психологическія данныя. Никто не споритъ противъ той мысли, что путемъ воспитанія можно ослабить въ человѣкѣ одни инстинкты, развить другіе, придать его міропониманію тотъ или иной характеръ. Въ жизни народа роль, сходная съ ролью воспитателя, выпадаетъ на долю правительства. Являясь въ однихъ случаяхъ выразителемъ народныхъ стремленій, а въ другихъ случаяхъ служа орудіемъ для защиты интересовъ завоевателей или отдѣльныхъ сословій, власть путемъ законодательства, суда и управленія, въ большей или меньшей степени, вліяетъ на народъ. Въ ея распоряженіи находятся матеріальныя и духовныя средства, съ помощью которыхъ достигаются опредѣленныя цѣли, и къ числу этихъ цѣлей относится воздѣйствіе на характеръ и образъ мыслей гражданъ, конечно, въ желательномъ для правительства смыслѣ. Помимо личныхъ особенностей властителей, направленіе правительственнаго воздѣйствія обусловливается формою общежитія, тѣми основными началами, которыя въ

нее заложены и которыя власть защищаетъ отъ вторженій и ограниченій со стороны иныхъ началъ. Когда нравы перерастаютъ данную государственную форму, то можетъ пройти длинный и тягостный промежутокъ времени, пока установится надлежащее соотвѣтствіе между новыми потребностями и новымъ общественнымъ строемъ. Власть можетъ или идти впереди историческаго движенія, или противодѣйствовать ему. И то, и другое возможно въ разное время и у разныхъ народовъ въ различной степени, но нѣкоторая доля простора въ этомъ отношеніи для власти всегда остается. Огюстенъ Шалламель говоритъ, что законы *рѣдко* бываютъ дѣйствительными *противъ* нравовъ; но достаточно и такого признанія, чтобы убѣдиться въ важности изученія правительственнаго вліянія на народныя воззрѣнія и привычки *). Еще важнѣе то соображеніе, что подобное вліяніе можетъ быть въ особенности значительно тогда, когда оно идетъ не противъ народныхъ нравовъ вообще, а лишь противъ нравовъ извѣстнаго только рода или особенностей опредѣленной только группы людей. Опираясь на иные инстинкты и привычки и развивая эти послѣдніе, правительство можетъ оказаться весьма замѣтнымъ факторомъ измѣненія общественныхъ нравовъ.

Въ своей работѣ я старался доказать, что русское законодательство въ теченіе прошлаго вѣка значительно вліяло на высшія сословія, а черезъ нихъ (въ меньшей степени и прямо) на всѣ остальные слои населенія. Вліяніе это въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было благодѣтельно, а въ другихъ вредно. Послѣднему содѣйствовала и непроизводительная трата народныхъ средствъ на предпріятія и затѣи или безполезныя, или вредныя для народа. Соловьевъ говоритъ **), что „русскій человѣкъ XVIII вѣка явился совершенно чистымъ, вполнѣ готовымъ къ воспріятію новаго, однимъ словомъ явился ребенкомъ, ребенкомъ чрезвычайно способнымъ, воспріимчивымъ, но ребенкомъ, для котораго наступила пора ученія, пора подражанія, — ибо что такое ученіе, какъ не подражаніе"? Но и въ ребенкѣ воспитатель находитъ ин-

---

*) „Légiférer suffit rarement, à l'encontre des moeurs établis" (*Augustin-Challamel*: *Mémoires du peuple français*, VI, 523).

**) *Соловьевъ*: *Шлецеръ и Анти историческое направленіе*, *Русскій Вѣстникъ*, 1857 г., т. VIII, 466.

стинкты и способности, съ которыми необходимо считаться; тѣмъ болѣе затрудненій возникаетъ для правительства, которое принимаетъ на себя отвѣтственную задачу перевоспитывать народъ съ долгимъ историческимъ прошлымъ. Болтинъ справедливо замѣтилъ, что „исправляя обычаи и нравы, должно быть весьма осторожну; надобно имѣть великое познаніе человѣческаго сердца“.

Въ первой главѣ моей книги приведены теоретическія соображенія, которыя легли въ основу изслѣдованія. Во второй—представлена характеристика нравовъ русскаго общества при Петрѣ Великомъ; въ третьей—такая же характеристика за время царствованія преемниковъ перваго императора до Екатерины второй; въ четвертой характеризуются нравы въ управленіе этой послѣдней императрицы. Глава пятая посвящена обзору нашего законодательства съ *Уложенія* до конца прошлаго столѣтія, а глава шестая заключаетъ въ себѣ общія соображенія и выводы.

Приступая къ собиранію и разработкѣ историческихъ данныхъ, я былъ предубѣжденъ въ пользу такъ называемаго петербургскаго періода нашей исторіи. Дѣятельность Петра Великаго и шедшихъ по его слѣдамъ русскихъ правителей XVIII вѣка представлялась мнѣ гораздо болѣе благотворною, чѣмъ это оказалось для меня по окончаніи моего труда.

Изложеніе книги я старался по мѣрѣ возможности сжать, памятуя завѣтъ великаго мыслителя: „Il ne faut pas toujours tellement épuiser un sujet qu'on ne laise rien à faire au lecteur. Il ne s'agit pas de faire lire, mais de faire penser“.

Оглавленіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вопросъ о вліяніи законодательства на нравы, правительства на народъ, давно уже составляетъ предметъ многосторонняго и тщательнаго изученія. По мнѣнію однихъ мыслителей, вліяніе это очень велико и рѣшаетъ даже участь народа; другіе писатели утверждаютъ противоположное, доходя до отрицанія всякаго благотворнаго значенія за правительствомъ, которое пытается быть самостоятельнымъ факторомъ въ историческомъ развитіи. Въ прошломъ столѣтіи мысль о всемогуществѣ законодательства получила особенно широкое распространеніе. Характернымъ представителемъ этого взгляда является Гельвецiусъ. Знаменитый энциклопедистъ считаетъ законодательство причиною общественныхъ пороковъ и ему же приписываетъ силу высоко поднять нравственный уровень народа. Народныя массы, говоритъ Гельвецiусъ, приводятся въ движеніе лишь законодательствомъ. Законодатель подобенъ ваятелю: какъ этотъ послѣдній изъ куска дерева можетъ создать статую бога или скамейку, такъ и законодатель образуетъ по своей волѣ героевъ, геніевъ, добродѣтельныхъ людей. Но для этого необходимо знать сердце человѣческое. Все искусство законодателя заключается въ томъ, чтобы побудить людей, изъ любви къ самимъ себѣ, быть всегда справедливыми по отношенію къ другимъ. Мудрое законодательство, связывающее личные интересы съ общественнымъ благомъ, несокрушимо. Но возможно ли подобное законодательство? спрашиваетъ Гельвецiусъ и даетъ утвердительный отвѣтъ: развитіе идей, поступательный ходъ цивилизаціи обезпечиваетъ осуществимость идеальныхъ законовъ, проникнутыхъ нравственнымъ началомъ. Во всякомъ случаѣ преобразованіе нравовъ должно начинать съ преобразованія законовъ. Вознагражде-

нія, наказанія, слава и безчестіе, которыя находятся въ распоряженіи правителей страны, при разумномъ пользованіи ими всегда создадутъ даровитыхъ людей для каждой отрасли общественной дѣятельности, всегда приведутъ къ общественному благу [1]). Въ противоположномъ случаѣ, когда правители преслѣдуютъ своекорыстныя цѣли или когда неудовлетворительна самая форма правленія, нравы народа терпятъ въ сильной степени и могутъ быть извращены въ конецъ [2]).

Несчастіе и отдѣльныхъ людей, и народовъ, говоритъ Гельвеціусъ въ другомъ мѣстѣ, зависитъ не отъ одного несовершенства законовъ, но и отъ слишкомъ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ [3]). Французскій мыслитель не разсчитываетъ на возможность мгновеннаго пересозданія законовъ и нравовъ: истина двигается медленно, говоритъ онъ. Не слѣдуетъ кромѣ того забывать, что человѣкъ получаетъ двоякое воспитаніе: въ дѣтствѣ онъ воспитывается семьею, наставниками; въ юности на воспитаніе дѣйствуютъ форма правленія и общественные нравы. Если начала обоихъ этихъ видовъ воспитанія противорѣчатъ другъ другу, то первое воспитаніе, въ возрастѣ дѣтства, не будетъ имѣть никакого значенія [4]).

Противъ мнѣнія, которое защищалъ Гельвеціусъ, въ наше время выступаютъ выдающіеся писатели. Бокль, напримѣръ, утверждаетъ, что „стараться измѣнить извѣстныя мнѣнія посредствомъ законодательства—дѣло болѣе нежели безполезное. Подобныя усилія не только остаются тщетными, но вызываютъ реакцію, которая придаетъ этимъ мнѣніямъ больше прочности, нежели они могли бы когда либо имѣть. Сперва измѣните понятія людей, а потомъ можете измѣнять законы“ [5]). „Никакая реформа, утверждаетъ Бокль далѣе, не можетъ принести дѣйствительнаго блага, если она не является дѣломъ общественнаго мнѣнія и если народъ самъ не беретъ на себя инціативу ея проведенія“ [6]). Но англійскій историкъ, отрицая у законодательной власти значеніе въ добромъ смыслѣ, настаиваетъ на томъ, что правительственное вмѣшательство можетъ принести большой вредъ народному развитію. „Такъ какъ ни одно изъ европейскихъ правительствъ, говоритъ Бокль, не сознавало своихъ настоящихъ границъ, то очевидно, что они нанесли значитель-

ный вредъ своимъ подданнымъ, хотя это почти всегда дѣлалось съ лучшими намѣреніями" [7]). Эта мысль развивается въ сочиненіи, и Бокль доказываетъ, что усиленіе лицемѣрія, напримѣръ, есть необходимое послѣдствіе назначенія какого либо наказанія за выраженіе личнаго мнѣнія, что большинству бываетъ трудно сопротивляться искушенію со стороны правительства, и т. д. Все, что можетъ сдѣлать правительство,— по мнѣнію англійскаго мыслителя, заключается въ возможности „доставить удобства развитію, а само развитіе зависитъ отъ другихъ причинъ". „Мы можемъ благодарить отдѣльныхъ законодателей, — читаемъ мы на страницѣ 204-й первой части его знаменитаго сочиненія,—но не за что благодарить все сословіе законодателей: потому что, если самыя важныя улучшенія въ законодательствѣ суть отмѣны прежнихъ законовъ, то ясно, что перевѣсъ добра не на ихъ сторонѣ".

Въ большинствѣ случаевъ писатели, касавшіеся вопроса о вліяніи законодательства на нравы, какъ историки, такъ и юристы, признаютъ взаимодѣйствіе между этими двумя факторами, причемъ одни придаютъ преобладающее значеніе первому изъ нихъ (меньшинство), другіе отводятъ главное мѣсто второму (большинство). Намъ извѣстно только одно сочиненіе, посвященное теоретической и исторической разработкѣ исключительно этого вопроса,—книга Маттера: *О вліяніи нравовъ на законы и о вліяніи законовъ на нравы* [8]). Подъ нравами авторъ разумѣетъ съ одной стороны всѣ вообще вкусы и навыки, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего народа, а съ другой стороны, въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, *степень нравственности* (degré de moralité). Множество причинъ дѣйствуютъ на образованіе нравовъ, и въ ихъ числѣ видное мѣсто, говоритъ Маттеръ, занимаютъ законы данной страны, которые, однако, существенно отличаются отъ нравовъ, потому что мало обращаютъ вниманія на отдѣльную личность, имѣя въ виду общество, жертвуя частными интересами ради интересовъ общественныхъ. Поэтому наши нравы могутъ быть плохими, не возбуждая въ насъ самихъ никакого неудовольствія, и если законодатель имѣетъ намѣреніе измѣнить ихъ, то онъ долженъ поступать осторожно, приспособляя самыя измѣненія къ существующимъ нравамъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ можетъ встрѣ-

тить рѣшительное противодѣйствіе. Такъ какъ наши нравы—это мы сами *), то слѣдуетъ, чтобы законы были возможно вѣрнымъ выраженіемъ этихъ нравовъ. Это налагаетъ на законодателя заботливую осторожность: онъ не долженъ забывать, что самые совершенные законы могутъ быть нерѣдко самыми дурными, какіе только можно дать извѣстному народу [9]). Только добрые нравы могутъ обусловливать добрые законы, говоритъ Маттеръ, но въ подтвержденіе этой мысли приводитъ соображеніе, которое свободно отъ такой односторонней точки зрѣнія: законодательство Ликурга, утверждаетъ авторъ, удержалось, благодаря нравамъ, которые оно встрѣтило, *и благодаря нравамъ, которые оно образовало* [10]). Законы, по ихъ природѣ, болѣе постоянны, нежели нравы, и чѣмъ меньше законовъ, тѣмъ лучше, тѣмъ больше простора для нравственныхъ достоинствъ. Рѣдко бываетъ, чтобы законы были хороши, когда нравы плохи; но и въ такихъ случаяхъ хорошіе законы мало полезны, болѣе раздражая умы, чѣмъ исправляя ихъ **). Однако, съ теченіемъ времени, законы образуютъ въ обществѣ привычки, т. е. формируютъ нравы [11]). Поэтому и образъ правленія имѣетъ благотворное или пагубное вліяніе на общественные нравы [12]). Сами по себѣ добрые нравы не въ состояніи бороться съ дурными, и на помощь первымъ должно придти законодательство, устраняя наиболѣе тяжелыя опасности, наиболѣе грубые соблазны. Являясь въ общемъ выразителемъ нравственнаго состоянія общества, законодательство должно опережать его, опираясь на господствующія стремленія, на руководящія народомъ идеи. Только при этомъ условіи законъ можетъ оказать благотворное вліяніе на общественные нравы. Необходимо помнить при этомъ, что экономическая нужда парализируетъ лучшія мѣропріятія, что для устраненія этой нужды, гибельно отражающейся на нравственности населенія, недостаточно самаго широкаго развитія благотворительности [13]).

Свои соображенія Маттеръ подкрѣпляетъ историческими

---

*) „Nos moeurs, c'est nous-mêmes sentant, pensant, agissant", etc.

**) Это не мѣшаетъ Маттеру поддерживать мысль о великомъ вспомогательномъ значеніи законовъ въ дѣлѣ смягченія и вообще улучшенія нравовъ: „les lois peuvent seconder puissament les moeurs. Elles font mieux, elles les polissent". (235).

примѣрами. Многіе другіе писатели также ссылаются на исторію, когда желаютъ доказать вліяніе нравовъ на законодательство и форму правленія или, наоборотъ, вліяніе формъ государственнаго устройства и законодательной дѣятельности правительства на измѣненіе общественныхъ нравовъ [14]). Эти ссылки, однако, не представляютъ, по нашему мнѣнію, достаточной убѣдительности. Сколько бы мы ни громоздили фактовъ, никакого научнаго вывода изъ нихъ мы получить не въ состояніи, вслѣдствіе крайней сложности и перекрестнаго вліянія тѣхъ дѣятелей, которыми обусловливается историческая жизнь. Одновременно съ законодательствомъ страны на преобразованіе нравовъ даннаго народа дѣйствуетъ множество другихъ причинъ, а самые нравы служатъ источникомъ законодательныхъ опредѣленій, содѣйствуютъ ихъ торжеству или лишаютъ ихъ практическаго значенія. Необходимо прибѣгнуть къ дедуктивнымъ построеніямъ, чтобы разобраться въ массѣ явленій и пріобрѣсти правильную точку опоры при оцѣнкѣ историческихъ фактовъ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ драгоцѣнныя указанія въ *Системѣ логики* Д. С. Милля. Въ главѣ объ этологіи или наукѣ объ образованіи характера знаменитый мыслитель высказываетъ соображенія, благодаря которымъ возможно дать вѣрную постановку и подойти къ разрѣшенію вопроса о вліяніи законодательства на общественные нравы. „Достовѣрно, говоритъ Д. С. Милль, что наши душевныя состоянія и наши душевныя способности и воспріемлемости видоизмѣняются, на время или навсегда, каждою вещью, случающеюся съ нами въ жизни". То же происходитъ и съ цѣлымъ народомъ. „Характеръ націи обнаруживается въ ея дѣйствіяхъ, какъ націи (не столько въ дѣйствіяхъ ея правительства, такъ какъ они сильно подчиняются вліяніямъ другихъ причинъ); въ ходячихъ народныхъ правилахъ и другихъ признакахъ главнаго направленія общественнаго мнѣнія; въ характерѣ лицъ или сочиненій, которыя пользуются постояннымъ уваженіемъ или удивленіемъ; въ законахъ и установленіяхъ, на сколько они составляютъ дѣло самой націи или признаются и терпятся ею, и т. д. Но и здѣсь остается широкое поле для сомнѣній и неизвѣстности". Законы образованія характера — производные законы, которые вытекаютъ изъ общихъ законовъ

души. Ихъ можно получить путемъ вывода изъ этихъ послѣднихъ, „предположивши нѣкоторый данный рядъ обстоятельствъ и потомъ соображая, каково должно быть, по законамъ души, вліяніе этихъ обстоятельствъ на образованіе характера". Конечно, до точныхъ выводовъ, которые можно было бы сравнивать съ законами естественныхъ наукъ, наукамъ общественнымъ очень далеко; „но, замѣчаетъ Милль, мы должны помнить, что извѣстная степень знанія, еще весьма далекая отъ возможности предсказанія, часто имѣетъ большое практическое значеніе. Можно имѣть большое вліяніе на явленія при весьма несовершенномъ познаніи причинъ, которыми они опредѣляются въ каждомъ данномъ случаѣ. Довольно того, если мы знаемъ, что извѣстныя средства имѣютъ *стремленіе* производить данное дѣйствіе и что другія имѣютъ стремленіе его уничтожить". Милль отмѣчаетъ чрезвычайно важную роль, которую играло и играетъ въ исторіи меньшинство, благодаря сильному развитію среди него умственной дѣятельности. Онъ говоритъ даже, что эта дѣятельность „есть главная опредѣляющая причина общественнаго прогресса". „Состояніе умозрительныхъ способностей,—читаемъ мы далѣе *)—характеръ предложеній, признаваемыхъ умомъ, существеннымъ образомъ опредѣляетъ нравственное и политическое состояніе общества, такъ же, какъ оно опредѣляетъ и его физическое состояніе". Вліяніе меньшинства, группы наиболѣе просвѣщенныхъ, даровитыхъ и энергичныхъ людей особенно значительно въ опредѣленіи *скорости* общественнаго движенія, но существованіе великихъ людей, утверждаетъ Милль, часто рѣшаетъ даже и то, будетъ ли прогрессъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и такого соображенія: „Ни правительство, ни мыслители не достигаютъ всего, къ чему стремятся; но въ вознагражденіе за это они часто производятъ важные результаты, которыхъ ни малѣйшимъ образомъ не предвидѣли".

Опираясь на авторитетъ Д. С. Милля, мы рѣшаемся представить нѣсколько дополнительныхъ соображеній къ тѣмъ взглядамъ, которые развиваются въ *Системѣ логики*. Правительство каждой страны (за исключеніемъ случаевъ завое-

---

*) Система логики, II, 479; ср. *Бэнъ* (логика общ. наукъ), 16—18.

ванія, а также неожиданнаго и кратковременнаго захвата власти) опирается на большинство населенія или на меньшинство, но организованное лучше и крѣпче народныхъ массъ. При этомъ происходитъ „естественный подборъ" въ личномъ составѣ управляющихъ, благодаря которому правители (высшіе и находящіеся отъ нихъ въ зависимости низшіе) выдѣляются, съ большею или меньшею опредѣленностію, въ особую группу. Если правительство выборное, то указанный процессъ затрудняется, а въ извѣстныхъ случаяхъ становится почти невозможнымъ; но случаи послѣдняго рода составляютъ въ исторіи рѣдкое исключеніе. Власти очень часто приписывается божественное происхожденіе, на ней часто лежитъ религіозное освященіе, и поэтому каждый актъ правительства окруженъ въ глазахъ народныхъ массъ особымъ обаяніемъ, которое усиливается іерархическою организаціею управленія. Съ теченіемъ времени правительственный авторитетъ увеличивается привычкою ему подчиняться, историческимъ преданіемъ, которое цѣпко держится въ народныхъ воззрѣніяхъ. Съ помощью законовъ и администраціи правительство можетъ могущественно вліять на измѣненіе народнаго міровоззрѣнія и нравовъ; страхомъ наказанія и немилости, приманкою отличій и выгодъ, власть располагаетъ въ свою пользу общественное мнѣніе или задерживаетъ его проявленіе и внутренній ростъ. Въ *Духѣ законовъ* мы находимъ глубоко-важныя замѣчанія, которыя уясняютъ намъ то вліяніе, которое форма правленія и законодательная дѣятельность правительства имѣютъ въ исторической жизни человѣчества [15]). Въ основѣ каждой государственной организаціи лежитъ опредѣленное начало, руководящій принципъ, которымъ обусловливается какъ характеръ отношеній между властью и управляемыми, такъ и подробности государственнаго и общественнаго устройства. Чрезвычайно важно то обстоятельство, находится-ли въ принципѣ данной формы государственнаго устройства, *explicite* или *implicite*, признаніе человѣческаго достоинства въ каждомъ гражданинѣ, автономіи личности и, какъ ея слѣдствія, автономіи общества. Если идеи вообще имѣютъ большое значеніе въ жизни народа, то тѣмъ болѣе такія идеи, которыя воплощаются въ учрежденіяхъ и поддерживаются административными органами, крѣпко связанными въ центральномъ узлѣ.

Когда мы обращаемся къ исторіи, чтобы опредѣлить, имѣла ли вліяніе законодательная дѣятельность правительства даннаго народа на измѣненіе его нравовъ, мы должны устранить возможность разнообразныхъ неправильныхъ заключеній. Нерѣдко за изданіемъ закона или ряда законовъ мы наблюдаемъ измѣненія въ общественныхъ нравахъ, и именно въ томъ направленіи, въ какомъ стремился измѣнить ихъ законодатель. Должно избѣгать въ подобныхъ случаяхъ утвержденія: post hoc, ergo propter hoc. Можетъ случиться, что на помощь законодательству выступили другіе факторы, что они имѣли главное вліяніе на подмѣченное явленіе. Наоборотъ, видимое безсиліе правительственныхъ актовъ можетъ иной разъ объясняться усиленіемъ противодѣйствующихъ причинъ, не говоря уже о томъ, что опредѣленная мѣра, не достигая прямо поставленной цѣли, въ состояніи содѣйствовать этой цѣли косвенными путями. На основаніи сказаннаго понятно, какъ трудно доказать исторически вліяніе законодательства на общественные нравы и въ особенности опредѣлить мѣру этого вліянія. Задача усложняется еще тѣмъ весьма важнымъ обстоятельствомъ, что приходится различать правительство отъ законодательства. Подъ вліяніемъ разнообразныхъ побужденій, власть можетъ издавать постановленія, которымъ сама не сочувствуетъ. Во всеобщее свѣдѣніе могутъ обнародовываться такіе мотивы новыхъ законовъ, которые на самомъ дѣлѣ не имѣли никакого значенія или значили немного въ законодательной дѣятельности. Принципы, возведенные въ законы, нерѣдко нарушались прежде всего самимъ правительствомъ, и въ этой путаницѣ нелегко разобраться. Затѣмъ, характеризуя нравы даннаго общества, можно принять случайное за обычное, а иной разъ впасть въ противоположную ошибку. Числомъ собранныхъ фактовъ подобной ошибки устранить невозможно, потому что въ такомъ случаѣ необходимо бы было сосчитать всѣ факты и опредѣлить, за какимъ явленіемъ стоитъ ихъ большинство. Такой пріемъ невозможенъ и теперь, при сильномъ распространеніи и точныхъ способахъ статистическаго изслѣдованія; про времена давно прошедшія, стало быть, нечего и говорить. Вывести изъ затрудненія при этихъ условіяхъ могутъ лишь косвенныя соображенія и доказательство отъ противнаго: если какое

либо явленіе отмѣчается современникомъ, какъ необычное, то это свидѣтельство драгоцѣннѣе тысячи фактовъ, о которыхъ мы не имѣемъ никакого своевременнаго отзыва. Само собою разумѣется, что требуется провѣрка показаній самого современника и ихъ сопоставленіе съ другими источниками.

Для всего послѣдующаго разсужденія необходимо установить понятіе *нравовъ*, въ виду разнообразныхъ опредѣленій, сюда относящихся. Токвилль разумѣетъ подъ нравами вообще умственное и нравственное состояніе народа *), въ смыслѣ римскихъ *mores* [16]). Сходный взглядъ высказываетъ Лоренцъ Штейнъ, который различаетъ впрочемъ *Sitte*, нраво-обычаи, охраняющіе выработанный строй общественныхъ отношеній, отъ *Gesittung*, подъ которымъ слѣдуетъ понимать тотъ складъ воззрѣній и привычекъ, который является результатомъ самостоятельной работы личности, двигающей впередъ общественные нравы, поднимающей ихъ уровень. Многообразная область нравовъ раздѣляется Штейномъ на три отдѣла: научныхъ нравовъ, художественныхъ, хозяйственныхъ [17]). Съ особенною тщательностью разработанъ вопросъ о нравахъ Іерингомъ, во второмъ томѣ его извѣстнаго сочиненія *Цѣль въ правѣ.*

Общество, говоритъ знаменитый юристъ, не мыслимо безъ принужденія и вознагражденія за опредѣленныя дѣйствія. Но въ состояніи ли оно довольствоваться лишь такими дѣйствіями гражданъ, которыя можно оплатить или вынудить? Очевидно, что отвѣтъ получается отрицательный, и безъ чувства долга и любви разумное общежитіе не осуществимо. Іерингъ поэтому возстаетъ противъ отдѣленія права (äussere Handlung) отъ морали (innere Gesinnung) [18]). Нравы должно отличать отъ обычая, потому что въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чисто внѣшнею привычкою, а въ первомъ необходимо сужденіе о зломъ и добромъ, о полезномъ и вредномъ, приличномъ и неприличномъ **). Нравы

---

*) ...tout l'état moral et intellectuel d'un peuple (*De la démocratie*, II, 207—208).

**) *Sitte* отъ древне-индійскаго *svadhä* (обычай, привычка, Gewohnheit); *svasuus*, dhä-дѣлать своимъ, усвоивать (zu eigen machen, Aneignung); того же корня *consuetudo*. Французы и англичане различаютъ *coutumes* (обычное право) и *habitudes* (личныя привычки, отъ *habitus*); латинскія *mos*, *mores* соотвѣт-

являются въ народной жизни обязательнымъ обычаемъ (Sitte-Norm) и характеризуются всеобщностью (Sitte-Volkssitte) [19]). Обязательная сила нравовъ коренится въ этомъ послѣднемъ началѣ, и мѣриломъ ихъ является общественно-полезное, вслѣдствіе чего извѣстный поступокъ можетъ нарушать нравы, но не быть именно поэтому безнравственнымъ („Eine Handlung kann gegen die Sitte verstossen, aber sie ist darum noch nicht unsittlich, unmoralisch"). Нравы составляютъ какъ бы грамматику образа дѣйствій („die Sitte ist die Grammatik des Handelns"), и образцомъ въ этомъ случаѣ являлся обыкновенно дворъ (*Hof*, *Höflichkeit*, испанское, италіанское, французское и англійское *cortesia*, *courtoisie*, *courtesy)*. Изъ арабскаго *hhali* (украшеніе, вкусъ, Schmuck) испанцы сдѣлали *gala* (придворное платье), отсюда *galanterie*. Римляне шли другимъ путемъ: у нихъ *urbanitas* противопоставляется деревенской грубости *(rusticitas)*, такъ что мягкость и изящество нравовъ связывались не съ придворною, а съ городскою жизнью *). Благодаря такому происхожденію нравовъ, могутъ быть случаи, противоположные вышеприведенному: человѣкъ можетъ считаться безукоризненнымъ съ этой точки зрѣнія, признаваться вполнѣ приличнымъ и въ то же время отличаться глубокою испорченностью [20]). Іерингъ распредѣляетъ поступки въ три большія области: 1) нравственные, 2) дозволительные, 3) безнравственные. Къ первой группѣ относятся всѣ дѣйствія, свидѣтельствующія о самоотреченіи и самопожертвованіи лица; ко второй—поступки, имѣющіе цѣлью самосохраненіе и самоопредѣленіе; къ третьей дѣйствія, направленныя къ достиженію своекорыстныхъ, исключительно эгоистическихъ задачъ [21]). Въ мірѣ нравственныхъ явленій достигаются общественныя цѣли, и „*нравственное*" есть эгоизмъ въ его высшей формѣ, эгоизмъ общества („Das sittliche ist nichts als der Egoismus in höherer Form: der Egoismus der Gesellschaft"). Вмѣсто механическаго принужденія государственной власти въ области этихъ явленій должно дѣйствовать психологическое принужденіе самого общества.

ствуютъ тремъ нѣмецкимъ понятіямъ: *Sitte*, *Sittliches*, *Gewohnheitrecht*. (*Der Zweck im Recht*, II, 19, 23, 25, etc).

*) У грековъ въ понятіе *dike* входили и обычаи-нравы, и нравственное, и право, и прекрасное; тоже у Евреевъ (Mischpat).

Но различіе между нравами и простою привычкою съ одной стороны, и нравами и нравственностью съ другой стороны, не устраняетъ тѣсной связи и взаимнаго перехода явленій всѣхъ трехъ порядковъ. Такъ похоронные пиры (die Leichenschmäuse) выходятъ изъ предѣловъ обычая и вступаютъ въ область нравовъ, потому что родственники умершаго *обязаны*, въ общественномъ смыслѣ слова, угощать своихъ гостей. Наоборотъ, то, что прежде было въ нравахъ, характеризовало ихъ, ниспадаетъ иногда до значенія простаго обычая. Въ прежнія времена напримѣръ, хозяинъ прихлебывалъ изъ кубка съ виномъ, подносимаго гостю, чтобы удостовѣрить послѣдняго въ отсутствіи намѣренія его отравить; теперь этотъ обычай поддерживается лишь историческою силою инерціи. Особенно важное значеніе нравы имѣютъ потому, что они предохраняютъ отъ дѣйствій безнравственныхъ и отъ опасностей и соблазна, которые грозятъ отдѣльнымъ членамъ общежитія. Такъ нравы требуютъ въ нѣкоторыхъ странахъ и среди нѣкоторыхъ сословій, чтобы женщина не появлялась одна ночью на улицахъ, на гуляньяхъ, и т. п. Нарушеніе этого нравообычая не безнравственно; но установленъ онъ въ предупрежденіе многочисленныхъ опасностей, которыя могутъ возникнуть для женщины въ случаяхъ подобнаго рода. Нравы служатъ поэтому полиціею безопасности для нравственности и имѣютъ профилактическое назначеніе [22]). Нравы образованнаго общества обезпечиваютъ каждому полную неприкосновенность его человѣческаго достоинства и упорядочиваютъ возможныя столкновенія между отдѣльными членами общежитія [23])

Ірингъ признаетъ за государствомъ, какъ за представителемъ общества, обязанность поддерживать и осуществлять нравственныя требованія; но въ этомъ отношеніи Штейнъ даетъ болѣе опредѣленныя и правильныя указанія. Полиція нравовъ, по Штейну, входитъ въ область права управленія, именно въ кругъ государственныхъ заботъ о народномъ образованіи. Полиція же нравовъ въ старомъ смыслѣ, какъ ее понимали въ прошломъ вѣкѣ, смѣнилась уголовнымъ (карательнымъ) правомъ за проступки противъ общественныхъ нравовъ (Sittenstrafrecht). Современное правовое государство не есть уже *принудительное учрежденіе для народнаго счастія* и поэтому, во имя личной свободы, оно

отреклось отъ тѣхъ способовъ вмѣшательства въ частную и общественную жизнь, которыми пользовалось полицейское государство, т. н. просвѣщенный деспотизмъ. Этими способами оскорблялось человѣческое достоинство гражданъ, а, по совершенно вѣрному замѣчанію, Дюпонъ-Уайта, свобода есть прежде всего достоинство [25]).

На основаніи сказаннаго понятна значительная трудность дать точное опредѣленіе „нравовъ". Въ этомъ случаѣ справедливо утвержденіе, что *omnis definitio periculosa est*. Подъ нравами мы будемъ разумѣть такіе общественные обычаи и навыки, которые установились послѣ болѣе или менѣе опредѣленнаго обсужденія ихъ достоинства. Нравы налагаютъ на каждаго извѣстный образъ дѣйствія и выработанную форму отношеній къ другимъ членамъ общежитія. Какъ справедливо замѣтилъ Іерингъ, обычай можетъ войти въ область нравовъ, и наоборотъ. Румяниться, напримѣръ, обычай, и историкъ нравовъ не сдѣлаетъ ошибки, оставивши его въ сторонѣ. Но когда, въ 1661 году, новгородскій митрополитъ запрещаетъ пускать нарумяненныхъ въ церковь, то этотъ фактъ важенъ для характеристики нравовъ. Каждый разъ, когда какой либо обычай задѣваетъ вопросы о нравственномъ и безнравственномъ, общественно-полезномъ или вредномъ,—мы имѣемъ дѣло съ нравами. Все, въ чемъ выражается доброта, честность, грубость, жесткость и другія нравственныя качества сословія или народа, все это входитъ въ область такъ называемой полиціи нравовъ, ея исторіи или теоріи, поскольку рѣчь идетъ о вмѣшательствѣ государства или общества для поддержанія старыхъ нравовъ или для ихъ преобразованія.

Если задачею изслѣдованія служитъ опредѣленіе направленія и, по мѣрѣ возможности, размѣровъ правительственнаго вліянія на нравы даннаго народа въ извѣстную эпоху, то для ея разрѣшенія необходима характеристика нравовъ того времени, съ котораго начинается изслѣдованіе. Изображеніе нравовъ къ концу намѣченнаго времени укажетъ происшедшую разницу. При сопоставленіи относительнаго значенія факторовъ, изъ сложнаго взаимодѣйствія которыхъ происходили перемѣны въ общественныхъ нравахъ, можно придти къ вѣроятному заключенію о преобладающемъ или главномъ значеніи одного или нѣсколькихъ факторовъ. Убѣдившись въ томъ, что важную роль играло при этомъ го-

сударство (законодательство и правительство), слѣдуетъ изобразить, какими началами руководствовалось въ своей дѣятельности государство, къ какимъ цѣлямъ и какими путями оно стремилось, и сообразить полученные такимъ образомъ выводы съ установленнымъ измѣненіемъ нравственнаго состоянія всего народа или отдѣльныхъ сословій.

Задача моего разсужденія заключается въ опредѣленіи характера того вліянія, которое оказывало въ Россіи государство на народные нравы, съ эпохи преобразованій Петра Великаго до конца XVIII столѣтія. Для этой цѣли всего удобнѣе было бы опереться на исторію нравовъ прошлаго вѣка; но у насъ не существуетъ ни одного труда, который былъ бы посвященъ этому въ высшей степени важному и сложному вопросу. Мнѣ пришлось поэтому самому группировать факты, характеризующіе эпоху и разсѣянные по многочисленнымъ источникамъ и сочиненіямъ, главныя цѣли которыхъ были совершенно иныя. Слѣдующія соображенія убѣдили меня въ томъ, что въ Россіи государство, особенно въ избранное мною для изслѣдованія время, имѣло очень крупное вліяніе на видоизмѣненіе общественныхъ нравовъ. Русскій народъ до Петра I, въ большинствѣ случаевъ, крѣпко держался старины. Образованіе было мало распространено, вліяніе иностранцевъ незначительно. Верховная власть пользовалась громаднымъ авторитетомъ. И вотъ эта самая царская власть начинаетъ наносить многимъ старымъ нраво-обычаямъ ударъ за ударомъ, призывая къ себѣ на помощь и западно-европейское просвѣщеніе, и прямо самихъ иностранцевъ. Въ теченіе вѣка происходитъ то усиленіе, то ослабленіе правительственной дѣятельности въ этомъ отношеніи, но въ общемъ законодательство XVIII вѣка стремилось вліять на русскій народъ въ одномъ направленіи, и немыслимо предположить, чтобы столь значительныя усилія, исходившія отъ столь авторитетной власти, остались безъ вліянія на складъ воззрѣній, привычекъ и наклонностей русскаго народа. Не изъявляя притязанія написать исторію нравовъ въ Россіи XVIII в., я, какъ было уже замѣчено, представлю, въ хронологическомъ порядкѣ, рядъ данныхъ, которыя могутъ характеризовать нравственное состояніе нашего общества, и постараюсь опредѣлить то направленіе, въ которомъ это состояніе измѣнялось подъ вліяніемъ законодательства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Въ *Запискахъ Желябужскаго*, подъ 1682 г., мы читаемъ, что „въ Московскомъ государствѣ время было лихое, и шатаніе великое, и въ людяхъ смута“ [1]). Лихое время долго не замѣнялось лучшими временами. Нравы были жестоки, преступленія часты. Въ 1684 году Кикину учинено наказаніе за то, что онъ растлилъ дѣвку; Хвощинской пытанъ и битъ кнутомъ: своровалъ, на порожнемъ столбцѣ запись составилъ; князь Петръ Кропоткинъ битъ кнутомъ: въ дѣлѣ своровалъ, выскребъ на бумагѣ и приписалъ своею рукою; Коробьинъ битъ кнутомъ: дѣвку растлилъ [2]). Эти факты отмѣчены Желябужскимъ въ концѣ 1684 и началѣ 1685 года, и отмѣчены лишь потому, что дѣло шло о людяхъ видныхъ, занимавшихъ высокое общественное положеніе. Въ 1688 году князь Яковъ Ивановъ сынъ Лобановъ-Ростовскій выѣзжалъ грабить казну великаго государя, при чемъ происходили и убійства. Онъ былъ наконецъ взятъ „и привезенъ былъ къ красному крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и за то воровство учинено ему князь Якову наказанье, битъ кнутомъ въ Жилецкомъ подклѣтѣ, по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской. Да у него жъ князь Якова отнято за то ево воровство безповоротно четыреста дворовъ крестьянскихъ. А человѣка его калмыка, да казначея, за то воровство повѣсили“ [3]). За этихъ несчастныхъ, дѣйствовавшихъ по приказанію, „упросу“ не было. Извѣстія о жестокихъ казняхъ и о не менѣе жестокихъ преступленіяхъ не прерываются въ *Запискахъ Же-*

лябужскаго. Другіе источники заключаютъ въ себѣ подобныя же данныя. Добросовѣстный и внимательный, хотя и односторонній наблюдатель—иностранецъ, Корбъ, пишетъ, что ссоры, драки, всевозможныя безчинства были обычнымъ явленіемъ среди русскихъ конца XVII столѣтія. „Мы не можемъ вполнѣ надивиться всей испорченности нравовъ русскаго народа, пишетъ Корбъ: ложь и клятвопреступленіе безнаказанны въ этомъ краѣ. Среди русскихъ всегда и вездѣ найдешь людей, готовыхъ лжесвидѣтельствовать; понятія Москвитянъ тамъ и сямъ до того извращены, что искусство обманывать считается у нихъ признакомъ высокихъ умственныхъ способностей“ [4]). Много возмутительныхъ фактовъ сообщаетъ Корбъ. Приказный писарь, напримѣръ, угощалъ гостей. Приглянулась ему одна изъ присутствовавшихъ на попойкѣ женщинъ, потушилъ онъ огни, но на мѣстѣ гостьи оказалась жена писаря. Не подозрѣвая этого, въ потьмахъ хозяинъ пригласилъ гостей послѣдовать его примѣру, и потомъ много смѣялся надъ собственной ошибкой... Корбъ недоумѣваетъ: „что именно составляетъ главную черту характера этого (русскаго) народа, жестокость ли, невоздержность ли и распутство?“ [5]) Костомаровъ говоритъ, что „въ русскомъ образѣ жизни (въ XVI и XVII столѣтіяхъ) было соединеніе крайностей, смѣсь простоты и первобытной свѣжести дѣвственнаго народа съ азіатскаго изнѣженностью и византійскою разслабленностію“ [6]). Первыми свойствами отличались, конечно, преимущественно низшія сословія, а послѣдними—высшія. Однако историкъ прибавляетъ, что „какъ ни противоположнымъ кажется образъ жизни знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, натура и у тѣхъ, и у другихъ была одна“, и Костомаровъ изображаетъ эту натуру въ крайне непривлекательномъ видѣ. Въ отношеніяхъ между двумя полами русскіе видѣли одно животное влеченіе, говоритъ онъ. Мущины предавались самому неистовому разврату. Свободы русскіе не цѣнили и охотно шли въ холопы, продолжаетъ г. Костомаровъ [7]), повторяя въ этомъ отношеніи отзывъ Корба: „Москвитяне терпѣть не могутъ вольности, и, кажется, они даже сами готовы противиться собственному счастію“ [8]). Во всѣхъ классахъ народа было множество ябедниковъ и доносчиковъ, читаемъ мы у г. Костомарова далѣе [9]) и недоумѣваемъ, какъ могъ

этотъ историкъ, изображая въ такихъ чертахъ нравы русскаго общества, говоритъ о дѣвственной свѣжести народа.

Время было, дѣйствительно, грубое и жестокое, невѣжество тяготѣло надъ Россіей. Лучшіе люди поддавались нелѣпымъ суевѣріямъ. Такъ нѣкто Бунаковъ, въ 1689 году, былъ пытанъ, по челобитью князя Василія Васильевича Голицына, „для того, что онъ вымалъ у него слѣдъ“ [10]). Этотъ князь Голицынъ мечталъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею, онъ высказывался за свободу совѣсти. Профессоръ Корсаковъ говоритъ, что „князь Василій Васильевичъ въ дѣлѣ сближенія Московскаго государства съ Западомъ былъ не только предтечей, но и соперникомъ Петра Великаго. Быть можетъ, въ этомъ именно и слѣдуетъ искать причину ненависти Петра къ Голицыну, выразившейся въ опалѣ и въ двадцатичетырехъ-лѣтней ссылкѣ послѣдняго“ [11]). Если, стало быть, грубымъ суевѣріемъ отличался князь Голицынъ, то что же мудренаго въ томъ, что невѣжествомъ и предразсудками страдалъ средній русскій человѣкъ этого времени? Мы знаемъ, что и царскій дворъ не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія. Забѣлинъ сообщаетъ любопытные факты о тревогѣ и розыскахъ во дворцѣ, когда замѣчалось что-либо чрезвычайное въ порядкѣ или чистотѣ царскаго бѣлья. Въ такихъ случаяхъ, говоритъ г. Забѣлинъ, паническій страхъ овладѣвалъ всѣми, кто только былъ прикосновененъ къ этой статьѣ царскаго обихода [12]). Боязнь порчи, колдовства была присуща русскому человѣку XVII столѣтія, начиная съ царя и кончая крестьяниномъ, а религіозность выражалась въ строгомъ соблюденіи обрядовъ, въ особенности постовъ, въ отчужденіи отъ иновѣрцевъ. Семейная жизнь слагалась по тѣмъ началамъ, которыми проникнутъ *Домострой*. Совѣты послѣдняго, справедливо замѣчаетъ г. Стоюнинъ, „клонятся къ тому, чтобы семью совершенно обособить отъ остальнаго міра, чтобы никто не зналъ, что дѣлается въ семьѣ. Полная монастырская замкнутость и полный произволъ владыки дома — вотъ какія были основанія семейной жизни. У семьи не было никакого высшаго идеала, который бы связывалъ ее съ другими семьями въ одно общество“ [13]). Естественно, что приниженное положеніе женщины вызывало самыя пагубныя послѣдствія. Когда въ праздничные дни пьянство смѣняло аскетическое

воздержаніе въ теченіе поста, разгулъ захватывалъ и женщинъ. Корбъ замѣтилъ, что русскія женщины не уступали мужчинамъ въ невоздержаніи. „Весьма часто, говоритъ онъ, онѣ первыя, напившись черезъ чуръ, безобразничаютъ, и почти на каждой улицѣ можно встрѣтить эти блѣдно-желтыя, полунагія, съ безстыдствомъ на челѣ, существа“ [14]).

Соловьевъ утверждаетъ, что къ концу XVII вѣка „поворота, новаго пути для народной жизни требовало банкротство экономическое и нравственное“ [15]). Но вступленіе на этотъ новый путь сопровождалось тягостными пожертвованіями и кровавыми ужасами. Стрѣлецкіе бунты вызвали жестокія казни, на которыя преображенскіе и другіе солдаты кликали кличъ, какъ выражается современникъ, то есть приглашали смотрѣть весь народъ. Пыткамъ подвергались и женщины. Въ 1698 году, пишетъ Желябужскій, „брали изъ дѣвичья монастыря боярынь, и дѣвокъ, и старицъ, въ Преображенской, и въ Преображенску онѣ распрашиваны, и по распросамъ пытаны; и на вискѣ Жукова дочь дѣвка родила“ [16]). Въ качествѣ палачей выступали бояре и „всѣ палатные люди“, самъ царь. Кровь лилась рѣкою и звѣрство достигло неслыханныхъ размѣровъ. По приказанію Петра Великаго, тѣло умершаго до мятежа Ивана Михайловича Милославскаго, въ которомъ царь видѣлъ вождя своихъ враговъ, было вырыто изъ земли и на свиньяхъ привезено въ Преображенскій приказъ. Гробъ раскрыли, и кровь казнимыхъ текла на полуразложившійся трупъ [17]). Это уже не казнь, не месть, а яростное безуміе. Стрѣлецкія казни произвели въ западной Европѣ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе [18]). Нѣкоторые иностранцы, впрочемъ, становились на сторону Петра и безусловно одобряли его жестокія мѣры. Корбъ, напримѣръ, высказывается противъ заступничества патріарха, который являлся къ царю съ иконою молить о милосердіи: не набожность, а жестокость нужна была, рѣшается утверждать иностранный наблюдатель кровавыхъ событій начала царствованія Петра Великаго.

II.

Преобразовательная дѣятельность Петра Великаго въ области нравовъ направилась прежде всего къ измѣненію внѣш-

ности, формы отношеній, покроя платья, къ борьбѣ съ бородою и съ разнообразными предразсудками. Корбъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, какъ рѣдкое явленіе у русскихъ, вѣжливость и привѣтливость смоленскаго воеводы, Петра Самойловича Салтыкова: при проѣздѣ посольства не было тѣхъ задержекъ и безконечныхъ пререканій, которыхъ до Петра Великаго не могло избѣжать въ Россіи ни одно иностранное посольство. Корбъ пишетъ по этому поводу: „я думаю, что доколѣ будетъ жить нынѣ благополучно царствующій государь, дотолѣ этотъ народъ не возобновитъ прежнихъ столь нелѣпыхъ своихъ притязаній". Другой иностранецъ, жившій въ Россіи довольно продолжительное время, также связывалъ судьбу преобразованій Петра I съ его жизнью: „можно сказать съ достовѣрностью, читаемъ мы въ книгѣ Перри [19]), что если нынѣшній царь умретъ прежде, чѣмъ большая часть его старыхъ бояръ отправится на тотъ свѣтъ, то большая часть всего того, чѣмъ онъ старался преобразовать страну свою, переправится въ старую прежнюю форму, тѣмъ болѣе, что предполагаютъ, что сынъ его, нынѣшній царевичъ русскій, нравомъ вовсе не похожъ на отца своего". Перри свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣръ императора. Такъ онъ сообщаетъ, что русскіе уже почти примирились съ обычаемъ брить бороды, такъ какъ женщины предпочитали видѣть своихъ мужей и возлюбленныхъ безъ бороды. Но сказанное можетъ быть справедливо лишь по отношенію къ высшимъ классамъ русскаго общества. Мы знаемъ, какую упорную борьбу за бороду велъ русскій народъ и не видимъ въ этой борьбѣ ни малѣйшихъ основаній для осужденія народа, для глумленія надъ нимъ. Съ бородой у русскаго человѣка связывалось,—худо или хорошо,—это другой вопросъ,—представленіе объ образѣ и подобіи Божіемъ, о личномъ достоинствѣ, и поэтому заслуживаетъ полнаго уваженія отказъ отъ подчиненія правительственнымъ предписаніямъ, налагавшимъ свою тяжелую руку на частную жизнь, на личную свободу человѣка. Конечно, съ нашей точки зрѣнія, не стоило рисковать пенею, батогами, а тѣмъ болѣе жизнью изъ-за бороды или изъ-за платья; но съ нашей же точки зрѣнія слѣдуетъ осудить и законодательство, которое ведетъ ожесточенную борьбу съ бородой и долго-

полымъ платьемъ, раздражая народъ изъ-за пустаго дѣла и этимъ затрудняя проведеніе въ жизнь дѣйствительно важныхъ преобразованій. Многіе искренно сомнѣвались въ возможности спасенія, если у нихъ сбрита борода, и митрополитъ ростовскій Димитрій долженъ былъ доказывать обращавшимся къ нему, что образъ и подобіе Божіе состоятъ въ невидимой душѣ, что въ дѣлахъ, Богу не противныхъ и не вредящихъ спасенію, должно повиноваться властямъ. Митрополитъ ростовскій написалъ даже по этому поводу разсужденіе *Объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцы* *). Разсужденіе это нѣсколько разъ печаталось по приказанію Петра.

Въ бумагахъ Витворта мы находимъ указаніе на тѣ поистинѣ возмутительныя мѣры, которыя принимались мѣстными властями для приведенія въ исполненіе указовъ Петра Великаго. Одною изъ причинъ астраханскаго бунта, по донесенію Витворта своему правительству, было слѣдующее обстоятельство: народъ возмутился тѣмъ, что губернаторъ разставилъ у входа въ церкви приставовъ, которые обрѣзывали у женщинъ длинныя платья до половины (?), а у мужчинъ бороды. Замѣчательно и то, что при усмиреніи этого мятежа Якову Носову сначала обрили бороду, а потомъ отрубили голову [20]). Такими-то энергическими мѣрами пріучалъ Петръ Великій своихъ подданныхъ къ благообразію на свой вкусъ!

Гораздо болѣе сочувствія вызвали указы о необходимости добровольнаго согласія для вступленія въ бракъ. Указъ этотъ, по свидѣтельству иностранца-современника, очень понравился молодымъ людямъ [21]) и пробудилъ въ нихъ сочувствіе къ иноземному, такъ какъ новая мѣра была принята очевидно подъ западно-европейскимъ вліяніемъ. Вве-

*) Отмѣтимъ по этому поводу любопытный фактъ изъ французской исторіи. Раненый въ лицо Францискъ I отпускаетъ бороду. Этимъ устанавляется мода, но парламентъ и *Chapitres métropolitains* упорно возстаютъ противъ нововведенія: бородатаго члена не пускаютъ въ парламентъ, бородатаго епископа въ церковь. Подымаются серіозные споры о бородѣ. Сорбонна въ 1581 году постановила, что борода противорѣчитъ скромности, которую должно требовать отъ студентовъ-богослововъ. Въ 1525 году парламентъ запрещаетъ народу носить длинныя бороды, которыя какъ бы скрываютъ гибельный замыселъ противъ государственнаго спокойствія (semblent cacher quelque dessein pernicieux contre le repos de l'Etat). Съ Генриха IV, борода побѣдила. (*Alfred Franklin*: *Journal du siége de Paris en* 1590; 108—109).

деніе ассамблей было новымъ и тяжкимъ ударомъ старому семейному и общественному строю. По мнѣнію г. Карновича [22]), „указъ объ ассамблеяхъ произвелъ коренной переломъ и въ домашней, и въ общественной жизни нашихъ предковъ, и послужилъ первымъ шагомъ къ тому, чтобы и у насъ женщины заняли въ обществѣ то положеніе, какое онѣ занимали въ западной Европѣ". Г. Карновичъ прибавляетъ однако, что ассамблеи врядъ ли вошли бы въ обычай, еслибъ императоръ не наблюдалъ за исполненіемъ своихъ предписаній съ тою безпощадною строгостью, которая составляла особенность этого государя. То же утверждаетъ и г. Брикнеръ въ своей *Исторіи Петра Великаго*. Нечего и говорить, какими пагубными послѣдствіями отражалась на русской жизни замкнутость, невольное домашнее затворничество женщинъ. По мнѣнію одного изъ нашихъ историковъ, Хмырова, результатомъ этого затворничества была „не столько грубость, сколько какая-то черствость нрава и привычекъ" [23]). Въ этомъ отношеніи, конечно, ассамблеи могли приносить и въ дѣйствительности принесли не малую пользу. Извѣстно, что для такихъ собраній были установлены правила, что между знатными и богатыми людьми была заведена очередь для пріема званыхъ и незваныхъ гостей. Время на ассамблеяхъ проходило въ танцахъ, въ игрѣ, въ попойкѣ. Иногда развеселившійся императоръ приказывалъ дамамъ, черезъ генералъ-полицеймейстера, оставаться долѣе положеннаго срока. Берхгольцъ находилъ, что къ концу царствованія Петра Великаго русское общество оказало большіе успѣхи. „Вообще, говоритъ онъ, надобно отдать справедливость здѣшнимъ (т. е. петербургскимъ и отчасти московскимъ) родителямъ: они не щадятъ ничего для образованія своихъ дѣтей. Вотъ почему и смотришь съ удивленіемъ на большія перемѣны, совершившіяся въ Россіи въ столь короткое время. Русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, такъ измѣнилась къ лучшему, что теперь мало уступаетъ нѣмкамъ и француженкамъ въ тонкости обращенія и свѣтскости, а иногда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже имѣетъ передъ ними преимущество" [24]). Этотъ чрезвычайно сочувственный отзывъ молодаго и ловкаго дипломата относился, конечно, къ женщинамъ высшаго круга. Но въ дневникѣ самого Берхгольца мы найдемъ

указанія на то, что тонкости и свѣтскости обращенія даже этихъ женщинъ было отведено не особенно широкое поле. Такъ маршальша Олсуфьева, родомъ нѣмка, будучи беременною, умоляла царицу дозволить ей не ѣхать на пиръ. Та отвѣчала, что не можетъ этого сдѣлать: русскимъ дамамъ нѣмцы и безъ того уже были ненавистны, и снисходительность къ Олсуфьевой могла усилить эту непріязнь. Маршальша принуждена была поѣхать и за ночь разрѣшилась мертвымъ младенцемъ, „котораго, говорятъ, прислала ко двору въ спирту". 27 іюля 1724 года, въ годовщину гангудскаго сраженія, происходилъ спускъ новаго корабля, *Дербента*. „Его Величество былъ въ отличномъ расположеніи духа, и потому на новомъ кораблѣ страшно пили. Все общество оставалось тамъ до 3 часовъ ночи; но императорскія принцессы получили позволеніе уѣхать домой еще до 9 часовъ вечера. Когда онѣ уѣхали, даже и дамы должны были сильно пить; почему многія изъ нихъ завтра будутъ больны, хотя, — прибавляетъ Берхгольцъ, — между ними и есть такія, которымъ добрый стаканъ вина вовсе не диковинка. Между мущинами, когда вино начало оказывать свое дѣйствіе, возникли разныя ссоры, и дѣло не обошлось безъ затрещинъ" [25]). Всѣ дамы, не явившіяся, вопреки приказанію императора, къ спуску *Дербента*, должны были собраться на этотъ корабль 29 іюля. Ихъ угощалъ и принуждалъ сильно пить капитанъ Шереметевъ. Витвортъ писалъ своему правительству, что былъ приглашенъ на свадьбу, на которой присутствовалъ Петръ Великій, и былъ очень удивленъ, что не произошло при этомъ безмѣрной попойки [26]). А французскій посланникъ Кампредонъ сообщалъ, въ 1721 году, что на празднествѣ по случаю именинъ царицы дамы очень много пили [24]). Не особенно способствовало тонкости и свѣтскости обращенія и то, что дамы, обязательно участвовавшія въ маскарадахъ, должны были за нѣсколько дней пріѣзжать въ кофейню, гдѣ ихъ костюмы осматривались назначенными Петромъ лицами [28]). О попойкахъ и о грубыхъ сценахъ, на нихъ происходившихъ, мы находимъ любопытныя указанія и въ депешахъ фонъ-Кейзерлинга. На одной изъ такихъ попоекъ прусскій посолъ поссорился съ Меншиковымъ изъ-за заключенной подъ стражу дѣвицы Монсъ. Царь и Меньшиковъ, несмотря на мольбы Шафи-

рова, вытолкали фонъ-Кейзерлинга изъ комнаты. Въ другой разъ свѣтлѣйшій князь и прусскій посолъ сильно подрались. Кейзерлингъ горячился и писалъ королю жалобы; но въ концѣ концовъ виновными оказались лейбъ-гвардейцы, и посолъ увѣдомлялъ своего повелителя въ такихъ выраженіяхъ о благополучномъ исходѣ столкновенія: „по поводу этого непріятнаго столкновенія моего съ княземъ Меньшиковымъ послѣдовали съ моей и съ его стороны принятыя при подобныхъ случаяхъ обычныя объясненія“ [29]). Припоминается по этому поводу философское разсужденіе Корба, который, сообщивши, что посланникъ одного сѣвернаго государства получалъ отъ Петра Великаго пощечины, какъ знакъ особенной милости, прибавляетъ къ этому: „Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ поступки людей получаютъ свое названіе отъ ихъ понятія о вещахъ, такъ что одно и то же, сообразно съ временемъ и свойствами людей, считается милостію или безчестіемъ“. При такой покладливости многіе изъ иностранцевъ, наѣхавшихъ въ Россію въ началѣ XVIII столѣтія, не могли вліять въ сколько нибудь хорошемъ смыслѣ на русское общество. Самъ Корбъ удивлялся своимъ соотечественникамъ, проживавшимъ въ русскомъ государствѣ, потому что они, подчиняясь туземному обычаю, справляли похороны, точно свадьбу. „Въ питьѣ и ѣдѣ, съ огорченіемъ замѣчаетъ Корбъ, ищутъ они утѣшенія въ своей печали“. А Берхгольцъ разсказываетъ, что иностранцы, основавшіеся на болѣе или менѣе продолжительное время въ Петербургѣ и Москвѣ, сильно пьянствовали и одни, безъ русскихъ, распѣвая: *Stopotski postolisku*.

На царскомъ пиру нерѣдко самыми пьяными изъ гостей бывали лица духовнаго званія, что, какъ говоритъ Берхгольцъ, очень удивляло голштинскаго придворнаго проповѣдника Ремаріуса, „который никакъ не воображалъ, что это дѣлается такъ грубо и открыто“. Въ то же время Берхгольцъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Признаюсь, я вовсе не ожидалъ, что здѣшній дворъ такъ великолѣпенъ“ (это написано 25 іюня 1721 г.). Дворъ царицы, продолжаетъ голштинскій камеръ-юнкеръ, такъ хорошъ и блестящъ, какъ почти всѣ дворы германскіе (этимъ, конечно, сказано было еще немногое), у царя же, напротивъ, онъ чрезвычайно простъ.

Но пиры происходили при дворѣ разгульные, а примѣру двора спѣшили или даже обязаны были слѣдовать именитые и новоявленные сановники. Пьянствовали вездѣ, въ особенности у великаго адмирала Апраксина. У Берхгольца мы то и дѣло встрѣчаемъ отмѣтки: сильно пили, ужасно пили; тамъ былъ такой пиръ, что немногіе помнили, какъ потомъ добрались до дому, и т. д. Всякій праздникъ, каждая свадьба въ высшемъ обществѣ, какъ и похороны, не обходились безъ чрезмѣрнаго употребленія вина. Происходили сцены по истинѣ безобразныя. Ромодановскій, сообщаетъ Корбъ, въ одномъ домѣ поссорился съ Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, обругалъ его и замахнулся на него палкою. Апраксинъ обнажилъ саблю. Тогда свирѣпый князь упалъ на колѣни съ мольбою о пощадѣ. „Таковъ этотъ человѣкъ, говоритъ Корбъ: сколько жестокъ съ несчастными, столько труслив съ благородными“. Князь Трубецкой на своей свадьбѣ напился до полнаго безчувствія. На другой день за пиромъ молодой долженъ былъ по обычаю сорвать вѣнокъ, который висѣлъ надъ головою новобрачной. Онъ сдѣлалъ это съ такимъ ожесточеніемъ, что она сама не могла удержаться отъ смѣха. Этотъ случай подалъ поводъ къ многочисленнымъ признаніямъ циническаго свойства. „Изъ подобныхъ вещей, пишетъ Берхгольцъ, здѣсь вовсе не дѣлаютъ тайны“.

Въ пирахъ и потѣхахъ Петра Великаго нѣкоторые историки усматриваютъ глубокій смыслъ. Доходятъ при этомъ и до такихъ заключеній, что „всепьянѣйшій соборъ не иное что былъ, какъ маска, подъ которою скрывалась высокая цѣль великаго государя утаить предъ сосѣдственными сильными державами политическія силы своего государства“ [30]). Несомнѣнно, по нашему мнѣнію, что Петръ Великій принесъ великую услугу развитію русскаго общества освобожденіемъ женщины изъ ея домашняго заключенія; но онъ испортилъ благотворныя послѣдствія этой мѣры, вводя женщину въ общество пьяныхъ, разнузданныхъ людей, заставляя ее принимать участіе въ самыхъ грубыхъ увеселеніяхъ. Мудрено отыскать глубокій смыслъ въ томъ зрѣлищѣ, которое пришлось увидѣть бывшимъ за царскимъ столомъ при крещеніи Петра Петровича: на мужскомъ столѣ изъ громаднаго пирога выступила голая карлица, держала къ

гостямъ рѣчь и провозгласила тостъ; на женскомъ столѣ тоже самое продѣлалъ обнаженный карликъ [31]). Шутовскія засѣданія и процессіи несомнѣнно содѣйствовали огрубѣнію, а не смягченію нравовъ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ на современнаго читателя описаніе, напримѣръ, маскараднаго шествія на похоронахъ придворнаго повара, поляка, о которомъ разсказываетъ Берхгольцъ [32]). „До сихъ поръ еще, писалъ онъ 16 февраля 1724 г., всѣ члены императорскихъ коллегій обязаны по утрамъ являться на службу въ маскахъ, что мнѣ кажется неприличнымъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ наряжены такъ, какъ вовсе не подобаетъ старикамъ, судьямъ и совѣтникамъ. Но и въ этомъ случаѣ все дѣлается по старой русской поговоркѣ: да будетъ царская воля“.

Какъ извѣстно, Петръ Великій былъ скоръ и тяжелъ на руку. Случилось, что бояре за обѣдомъ, обсуждая дѣла, горячо спорили съ Петромъ и упрямо стояли на своемъ, „и это такъ не нравилось государю, что онъ видѣлъ въ нихъ почти преступниковъ, и вслѣдствіе этого далъ полную волю не только словамъ, но даже и рукамъ“ [33]). Естественно, что такіе случаи расхолаживали спорщиковъ. При дворѣ Петра Великаго драки и истязанія были вообще въ большомъ ходу. Такъ (въ 1722 г.) въ камеру, гдѣ былъ заключенъ дворцовый стряпчій Деревнинъ, ночью явилась однажды царица Прасковья Ѳедоровна, съ своими служителями. Царица начинаетъ бить Деревнина, служители ея палятъ его свѣчами, льютъ на голову крѣпкую водку и зажигаютъ ее. Только караульные спасли несчастнаго отъ дальнѣйшихъ мученій [34]). Въ одномъ изъ донесеній Ле-Форта сообщается ужасный фактъ о самомъ Петрѣ Великомъ: въ Ригѣ загорѣлась отъ молніи церковь Св. Петра. Одинъ солдатъ взялъ кусокъ мѣди отъ расплавившейся крыши и на бѣду встрѣтилъ императора, который такъ ударилъ его дубиной, что солдатъ умеръ на мѣстѣ [35]). Иванъ Савичъ Брыкинъ, дѣдъ извѣстнаго археолога Снегирева, разсказывалъ, что разъ въ его присутствіи Петръ у дворцоваго крыльца убилъ своею дубинкою придворнаго служителя, который не успѣлъ снять передъ нимъ шапки [36]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ у Петра и великодушные порывы, какъ и выходящую изъ ряду заботливость о благѣ государственномъ. Царь упрекалъ даже за пьянство сво-

ихъ приближенныхъ, Ромодановскаго, напримѣръ, но отъ послѣдняго получилъ рѣшительное, хотя въ первой части и невѣрное возраженіе: „Нѣколи мнѣ съ Ивашкой (Хмѣльницкимъ) знаться—всегда въ кровяхъ омываемся". Въ данномъ случаѣ слово Петра Великаго сильно расходилось съ дѣломъ и поэтому не могло имѣть достаточной доли вліянія на придворный міръ.

Это противорѣчіе встрѣчаемъ мы и въ другихъ отношеніяхъ. Заботы Петра о просвѣщеніи народа извѣстны каждому образованному русскому. Профессоръ Поповъ справедливо говоритъ, что „лишь со временъ преобразованія Петра трудъ, особенно умственный, сталъ пріобрѣтать себѣ право гражданства во всѣхъ слояхъ русскаго общества, сдѣлался нравственнымъ убѣжищемъ для многихъ людей въ минуты ихъ общественныхъ неудачъ и домашнихъ тревогъ" [37]. Авторъ извѣстнаго изслѣдованія о *Наукѣ и литературѣ въ Россіи при Петрѣ Великомъ* полагаетъ, что „въ знакомствѣ съ Лейбницемъ Петра видна дань уваженія къ наукѣ и общественному мнѣнію, которое признавало германскаго мыслителя первымъ ученымъ своего времени" [38].

Все это справедливо, но въ указахъ и дѣйствіяхъ Петра I, мы находимъ въ то же время и явные признаки неуваженія къ человѣку. Такъ изъ Амстердама, въ 1717 году, императоръ пишетъ архангельскому вице-губернатору Курбатову: „По полученіи сего указу, сыщите двухъ человѣкъ самоѣдовъ молодыхъ ребятъ, которые бъ были дурняя рожищемъ и смѣшняя, лѣтами отъ отъ 15 до 18 въ ихъ платьѣ и уборахъ, какъ они ходятъ по своему обыкновенію, которыхъ надо послать въ подарокъ грандукѣ Флоренскому, и какъ ихъ сыщите, то немедленно отдайте ихъ тому, кто вамъ сіе наше письмо объявитъ" [39]. Хорошъ, конечно, и грандука! Гордонъ сообщаетъ, что царь билъ Меньшикова, какъ собаку; а на другой день свѣтлѣйшій князь опять пользовался полнымъ довѣріемъ императора и управлялъ важнѣйшими государственными дѣлами [40]. Обо всемъ русскомъ народѣ Петръ Великій былъ не особенно высокаго мнѣнія. Извѣстно, что онъ уподоблялъ русскихъ дѣтямъ, которыя станутъ трудиться, какъ слѣдуетъ, и откажутся отъ предразсудковъ лишь по принужденію. Подобнаго рода недостатки въ преобразовательной дѣятельности императора

признаютъ самые рѣшительные ея сторонники. „Можетъ быть, говоритъ, напримѣръ, А. Н. Пыпинъ, что реформа поступила бы благоразумнѣе, если бы вела свое дѣло съ меньшею рѣзкостью, съ большимъ вниманіемъ къ старой народной привычкѣ и съ большимъ участіемъ къ соціальной безпомощности народа. Но, къ сожалѣнію, сама эта рѣзкость была старой привычкой, наслѣдіемъ отъ московскаго царства, въ другихъ отношеніяхъ столь же мало внимательнаго къ правамъ и нуждамъ народа“ [41]). Къ общей оцѣнкѣ преобразовательной дѣятельности великаго императора мы вернемся, а теперь представимъ еще нѣсколько характерныхъ, по нашему мнѣнію, данныхъ для того, чтобы опредѣлить вліяніе правительства и высшаго, придворнаго міра на измѣненіе нравовъ русскаго общества.

Семейная жизнь великаго государя не могла, разумѣется, послужить добрымъ образцомъ для его подданныхъ: онъ развелся съ одною женою [42]), вступалъ въ кратковременныя связи и во второмъ бракѣ; его сынъ погибъ насильственною смертью. Съ Екатериною, впрочемъ, Петръ I жилъ въ большомъ ладу, хотя увлеченіе императрицы вызвало было грозу на нее [43]). Г. Есиповъ приводитъ, какъ рѣдкую по тому времени черту нравовъ высшаго сословія, теплую любовь между княземъ А. Д. Меньшиковымъ и его супругой. Меньшиковъ, будучи въ походахъ, отправлялъ ежедневно успокоительныя письма княгинѣ Дарьѣ Михайловнѣ [44]). Но и такая любовь не препятствовала многочисленнымъ и грубымъ нарушеніямъ брачной вѣрности. За то при дворѣ, какъ было уже упомянуто, усилился внѣшній блескъ, развилась роскошь, а за дворомъ потянулись и придворные. Свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ съ конца 1709 по 1711 годъ израсходовалъ лично на себя (т. е. безъ расходовъ на содержаніе княгини и сына) 45,123 рубля [45]). Для того, чтобы понять, какъ велика была по тому времени эта сумма, необходимо припомнить, что всѣ государственные доходы дали въ 1710 году 3,051,796 рублей. Другіе вельможи старались не отставать отъ царскаго любимца. Чтобы остановить развитіе роскоши, царь принималъ сильныя мѣры. Такъ въ концѣ 1717 года онъ издаетъ указъ, которымъ запрещалось носить новое золото и серебро пряденое и волоченое; за нарушеніе указа грозилъ *великій*

штрафъ. Но законодательныя мѣры мало сдерживали наше высшее сословіе, которое правдами и неправдами,—въ особенности неправдами,—стремилось къ роскоши, къ богатству. Не смотря на жестокія преслѣдованія Петра Великаго, грабительство и взяточничество принимало поразительные размѣры. Извѣстно печальное и громкое дѣло сибирскаго губернатора князя Гагарина, который оказался виновнымъ во множествѣ злоупотребленій, во взяточничествѣ, въ казнокрадствѣ, и который былъ повѣшенъ разгнѣваннымъ императоромъ. Но зло было общее и застарѣлое, оно не поддавалось жестокимъ наружнымъ мѣрамъ лѣченія и не ослабѣвало во все продолженіе царствованія Петра Великаго. Прибыльщикъ Курбатовъ кончаетъ свое донесеніе царю отъ 4 октября 1706 года такими словами: „Едва не всѣ ихъ милости объ немъ (донесеніи) скорбятъ, подсылаютъ ко мнѣ съ дарами, грозятъ погубить. Молю, спаси! Одни Ярославцы и Псковичи готовы дать 20,000 рублевъ, чтобъ только избѣгнуть обличенія отъ меня“ [46]). Указами, угрозами, вызовомъ доносителей, говоритъ Соловьевъ, дѣло не ограничилось, и Петръ учреждаетъ фискаловъ. Въ августѣ 1711 года старикъ Зотовъ взялъ на себя званіе государственнаго фискала, но о дѣятельности его въ этомъ званіи нѣтъ свѣдѣній. „Первымъ оберъ-фискаломъ былъ назначенъ дьякъ Былинскій“; но онъ скоро былъ уволенъ по просьбѣ князя Ромодановскаго, которому онъ былъ нуженъ для строенія дома его въ Петербургѣ“ [47]). Очень характерна эта причина увольненія. Въ апрѣлѣ 1712 года трое фискаловъ,—Желябужскій, Нестеровъ и Шепелевъ, — подали царю жалобу на сенатъ, въ которой они писали слѣдующее: „Изволилъ ваше царское величество учинить фискальное дѣло, для чего, по указу изъ сената, опредѣлены мы. И мы рабы твои, по должности своей, всячески провѣдывая и усмотря какъ въ сборахъ, такъ и въ расходахъ и объ иныхъ нуждахъ, подали въ сенатъ многія разныя доношенія. А по другимъ дѣламъ въ разныхъ приказахъ какъ за судьями, такъ и за приказными людьми сыскали всякую неправду, о чемъ написано порознь въ нашихъ особливыхъ доношеніяхъ и обличеніяхъ, по которымъ, противъ твоихъ пунктовъ, указу и опредѣленія не учинено и по се число, и на судъ намъ неправду сотворшихъ не токмо котораго

судью, но и послѣдняго подьячаго ко обличенію не поставлено. А когда приходимъ въ сенатъ съ доношеніями и отъ князя Якова Ѳедоровича (Долгорукаго) да отъ Григорія Племянникова безо всякой нашей вины бываетъ къ намъ съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ всякое немилосердіе, еще жь съ непотребными укоризны и поношеніемъ позорнымъ, зачѣмъ намъ, рабамъ твоимъ, къ нимъ и входить опасно. Племянниковъ называетъ насъ уличными судьями, а князь Яковъ Ѳедоровичъ — антихристами и плутами" [48]). Десять лѣтъ спустя, оберъ-фискалъ Нестеровъ, по случаю выборовъ въ президенты юстицъ-коллегіи, жаловался, что „съ нимъ въ десятокъ никто не сообщается: такъ общество, говоритъ Соловьевъ, въ своихъ высшихъ слояхъ, упорно продолжало обнаруживать свое отвращеніе къ фискаламъ" [49]). Самъ Петръ признавалъ, что „земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ". Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и фискалы оказывались виновными въ возмутительныхъ злоупотребленіяхъ. Сложилась народная поговорка: Богъ любитъ праведника, царь любитъ ябедника. Въ 1713 году Акишевъ, коммиссаръ Архангелогородской губерніи, безчинствуетъ и злодѣйствуетъ, наноситъ побои, увѣчья, убиваетъ, насилуетъ женщинъ, приказываетъ водить ихъ нагихъ по улицамъ, оскверняетъ своими неистовствами церковныя паперти, „а Курбатовъ молчитъ и не старается противодѣйствовать всѣмъ этимъ мерзостямъ" [50]). Петровскій комендантъ, Ивинскій, жаловался, въ 1719 году, на бывшаго посланника Артемія Волынскаго, который за то, что Ивинскій собралъ мало подводъ, приказалъ избить его ослопьями, и самъ билъ каблуками [51]). Въ 1707 году воевода Сергѣевъ, Хохловъ и братья Аристовы корыстолюбіемъ, насиліемъ, оскорбленіемъ магометанской религіи вызвали кузюковскій бунтъ [52]). Лица, облеченныя наибольшимъ довѣріемъ царя, осыпанныя его милостями, отличаются непомѣрнымъ хищничествомъ, попираютъ справедливость и законы самыхъ наглымъ образомъ. Это съ изумленіемъ отмѣчаетъ въ своихъ доношеніяхъ Ле-Фортъ [53]). Вмѣстѣ съ тѣмъ даже лучшіе, наиболѣе образованные люди, отличавшіеся въ то же время и силою воли, обнаруживали самое возмутительное раболѣпство, отличались самою лживою лестью.—Г. Чистовичъ заявляетъ, напримѣръ, о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ

слѣдующее: „надо признаться съ сожалѣніемъ, что Ѳеофанъ примѣнялся къ произволу монарха, забывая иногда святую правду и жертвуя истиною цареугодливости“ [54]). Ѳеодосій Яновскій завелъ въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ двора, чтобъ доставить удовольствіе императору, ассамблеи для духовенства, примѣнивъ къ нихъ правила свѣтскихъ ассамблей. Это вызвало сильный и основательный ропотъ [55]). „Не можетъ быть не характеристично, справедливо замѣчаетъ Пекарскій, что одинъ ораторъ начала XVIII вѣка, превознося *въ церкви* хвалами Меншикова, прославлялъ его и за разореніе Батурина, гдѣ, какъ извѣстно, не были пощажены даже жены и дѣти единоплеменниковъ оратора“ [56]). Свѣтлымъ исключеніемъ являются лишь немногіе люди, какъ рязанскій митрополитъ Стефанъ, блюститель патріаршаго престола. Въ торжественный день именинъ царевича Алексѣя, 17 марта 1712, Стефанъ, въ проповѣди, рѣзко выступилъ противъ фискаловъ. „Законъ Господень непороченъ, говорилъ митрополитъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны; а какой-то законъ, напримѣръ, поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю кого хочетъ обличити да обличитъ, кого хочетъ обезчестити да обезчеститъ; а хотя того не доведетъ, о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то за вину не ставить, о томъ ему и слова не говорить, вольно то ему; не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня вложилъ, а не довелъ, пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ—пусть самъ впадетъ вонь“. Эта проповѣдь, замѣчаетъ Соловьевъ, не осталась безъ вліянія на Петра Великаго, въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ котораго есть нѣкоторыя ограниченія произвола фискаловъ.

Но произвола и жестокости въ управляющихъ было такъ много, что отъ ихъ подвиговъ въ этомъ отношеніи страшно становится и въ настоящее время. Конечно, возможность непрерывныхъ злодѣйствъ и хищничества административныхъ властей обусловливалась низкимъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія народа, грубостью нравовъ многочисленныхъ слоевъ населенія громаднаго государства. Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно для нашей цѣли. „Старые нравы общества, которое начало преобразовы-

ваться, говоритъ Соловьевъ, отражались повсюду, ученики школъ вели себя какъ нельзя хуже, актеры изъ русскихъ подъячихъ безчинствовали". Разбои и убійства были обычнымъ явленіемъ. Передъ Вышнимъ Волочкомъ, пишетъ Берхгольцъ, всюду виднѣлись разбойники, повѣшенные за ребра и навязанные на колеса. И подобнаго рода явленія тянутся ужасающею вереницею во все царствованіе Петра Великаго. Еще Корбъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, въ концѣ XVII в., постоянныя убійства, грабежи и казни. Такъ 1 и 2 января 1699 г. были казнены шесть поддѣльщиковъ монеты: имъ влили въ ротъ расплавленную поддѣльную монету. Въ 1702 г. капитанъ Рагульскій съ цѣлою ротою отправленъ былъ въ Костромской и Галицкій уѣзды для сыску разбойниковъ, и успѣлъ схватить знаменитыхъ разбойниковъ, *помѣщиковъ:* Захара Полозова, Никифора Сытина, Петра Синяшина, Ивана Сологубова, Никиту Жданова, Василія Полозова — Кулю, Ивана и Данилу Захаровыхъ, Семена да Петра Шишкиныхъ. Разбойничали они съ своими людьми, нападали на деревни, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ, огнемъ жгли" [57]). Въ 1710 г. разбойникъ Гаврила Старченокъ съ 60 товарищами производилъ звѣрскія убійства и истязанія въ нынѣшней Костромской губерніи. Помѣщики скрывались въ Костромѣ. Въ томъ же году били челомъ государю клинскіе, волоцкіе и можайскіе вотчинники и помѣщики: разбойники нападаютъ на селенія и ночью, и днемъ, грабятъ, убиваютъ людей [58]). Разбойники, напавшіе на вотчину Василія Шаптицкаго, доносилъ ярославскій оберъ-комендантъ, вскрыли у него и у его сына, еще живыхъ послѣ ужасныхъ истязаній, груди, жрали сало ихъ и пили кровь... [59]). И подъ самый конецъ царствованія Петра Великаго положеніе вещей не улучшилось. По донесенію голландскаго резидента, въ Петербургѣ въ концѣ 1722 г., въ одинъ день, повѣсили, колесовали и подняли за ребра двадцать четыре разбойника, а Ле-Фортъ писалъ 9 апрѣля 1723 г.: „Какъ кажется, насъ скоро постигнетъ несчастіе. Бѣдность увеличивается съ каждымъ днемъ. Улицы (Москвы) полны народомъ, готовымъ продать своихъ дѣтей. Запрещено подавать милостыню нищимъ, чѣмъ они станутъ, какъ не разбойниками на большой дорогѣ? И такъ уже по дорогѣ въ Петербургъ разбойники нападаютъ на жителей". Въ донесеніи Ле-Форта отъ 2

сентября 1724 г., на этотъ разъ изъ Петербурга, мы читаемъ слѣдующее: „уже близки маскарады и здѣсь ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ объ удовольствіяхъ, тогда какъ народъ чуть не плачетъ“ [60]).

Горькая нищета, повсемѣстный произволъ и жестокость казней плодили преступленія и усиливали грубость нравовъ. „Полиція, говоритъ Соловьевъ, вела постоянную войну съ нищими, число которыхъ не уменьшалось, несмотря на повторительные противъ нихъ указы“. Разореніе и одичаніе вызывались почти непрерывавшимися войнами. Съ плѣнными обращались худо. Берхгольцъ сообщаемъ о совершенно бѣдственномъ положеніи плѣнныхъ шведовъ по заключеніи мира, а въ 1706 г. іерусалимскій патріархъ Досифей писалъ царю, чтобъ онъ запретилъ своимъ подданнымъ продавать туркамъ шведскихъ плѣнниковъ [61]). И въ то время, когда въ обществѣ сплошь и рядомъ нарушались основныя требованія христіанской нравственности, власть карала за религіозныя преступленія такъ жестоко, что напоминала своимъ образомъ дѣйствій самыя мрачныя времена инквизиціи. Вотъ одно ужасающее дѣло. Дьячокъ Василій Ефимовъ тайкомъ пробрался въ церковь, зажегъ тамъ свѣчи и наполнилъ храмъ благоуханіемъ, тайкомъ же удалившись изъ него. Народъ дивился мнимому чуду, слухъ о которомъ, разумѣется, разошелся далеко. Святотатственная продѣлка открылась. Дьячокъ сознался и показалъ, что говорилъ на исповѣди о своемъ преступленіи священнику Тихону Зотикову. Въ показаніи послѣдняго значится: „а преосвященному архіепископу и до его архіерейства преосвященному епископу о томъ онъ попъ не донесъ, боясь положеннаго за объявленіе дѣтей духовныхъ и оказанныхъ ими грѣховъ истязанія, а больше простотой и недознаніемъ“. Святѣйшій Синодъ, 29 сентября 1721 года, повелѣлъ попа за допущенный соблазнъ „лишить за такое попущеніе и недонесеніе, священнослуженія съ конечнымъ всѣхъ іерейскихъ дѣйствъ отсѣченіемъ, да и прочіе священницы въ томъ опасеніе возъимѣютъ“. Дьячка предписано было передать въ юстицъ-коллегію, и несчастный былъ сожженъ, по *Уложенію* [62]). Случай далеко не единственный. Въ 1720 г., напримѣръ, въ Петербургѣ былъ сожженъ крестьянинъ, Ивашка Красной, за то, что въ Москвѣ, во время крестнаго

хода, „обругалъ спасителевъ образъ и животворный крестъ Господень“ [63]). Веберъ сообщаетъ, что въ январѣ 1715 года въ Москвѣ былъ сожженъ священникъ Ѳома за преступленіе такого же рода [64]).

Г. Чистовичъ такъ говоритъ о религіозно-нравственномъ состояніи русскаго общества петровскаго времени: „Умноженіе и повсюдное распространеніе суевѣрій самыхъ грубыхъ, чрезвычайная привязанность къ обрядамъ и формамъ, грубость религіознаго чувства и вкуса (?), незнаніе самыхъ первыхъ и основныхъ понятій христіанской вѣры и правилъ христіанской жизни составляютъ характеристичныя черты религіозной нравственной жизни русскаго народа того времени“ [65]). Высшее духовенство не уступало въ роскоши и порокахъ высшему свѣтскому сословію. Такъ знаменитый Георгій, бывшій не изъ ученыхъ и не любившій ученыхъ, велъ, какъ архимандритъ Троицкаго монастыря, очень роскошную жизнь. „Одной прислуги было у него человѣкъ до двадцати. Вкладовъ золотомъ и серебромъ не отдавалъ въ казенный приказъ, а заводилъ на нихъ кареты, коляски, шоры, покупалъ лошадей, строилъ конюшенные дворы и держалъ до полутораста конюховъ“ Во время поѣздокъ съ Георгіемъ Дашковымъ двигалось до 150 служителей и до 200 лошадей. Дашковъ бралъ взятки и давалъ ихъ [66]). „Окаянное наше время! говоритъ Димитрій (Ростовскій) въ одной изъ своихъ проповѣдей: окаянное время, въ которое такъ пренебрежено сѣяніе слова Божія, и не знаю, кого прежде надобно винить, сѣятелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ“ [67]). Димитрій, замѣчаетъ Соловьевъ, долженъ былъ увѣщевать священниковъ, чтобы они не уподоблялись Іудѣ предателю, не разсказывали грѣховъ дѣтей своихъ духовныхъ, когда грѣхи эти были открыты имъ на исповѣди; но изъ дѣла дьячка Василія Ефимова мы видѣли, что Святѣйшій Синодъ придерживался иногда другаго взгляда. Святый Димитрій Ростовскій въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ высказывался о современномъ ему духовенствѣ: попы „по вчерашнемъ пьянствованіи не протрезвившеся, не приготовившеся къ служенію, дерзаютъ литургисати, еже людямъ есть на соблазнъ, а самимъ такимъ іереямъ на погибель. Другіе же злонравіи священницы въ церкви и святомъ алтарѣ сквер-

нословятъ матерно бранящеся, и творятъ домъ Божій вертепомъ разбойниковъ“ [68]). При такихъ пастыряхъ,—нечего удивляться, — пасомые отличались и невѣжествомъ, и грубостью нравовъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи одинъ разсказъ Берхгольца. Голштинскій герцогъ и его свита посѣтили фабрику Тамсена (въ Москвѣ). Чтобы доставить принцу достойное удовольствіе, хозяинъ приказалъ двумъ работницамъ-дѣвушкамъ, изъ которыхъ одна была за парня, проплясать обычный и крайне непристойный танецъ. Дѣвушка ложилась во время этой пляски, а другая вертѣлась вокругъ нея съ циническими тѣлодвиженіями. Послѣдняя постыдилась докончить танецъ, и это сдѣлалъ, по приказанію Тамсена, мальчикъ 9—10 лѣтъ. Само собою разумѣется, что простительное для народа, хотя и очень прискорбное, возмутительно въ поощряющихъ свидѣтеляхъ и дѣйствующихъ лицахъ изъ высшихъ сословій; особенно возмутительно въ просвѣщенномъ иностранцѣ, который не затруднялся относиться съ презрѣніемъ къ невѣжеству и грубости русскихъ. Тѣмъ не менѣе, должно сознаться, много горькой правды въ отзывѣ Кампредона о русскихъ времени Петра Великаго: „Можно сказать, что они любятъ обманъ больше жизни, ибо каждый день можно видѣть, что пытка, претерпѣваемая одними, и конфискація воровствомъ нажитаго богатства другихъ не въ состояніи никого удержать отъ покушенія воспользоваться самой ничтожной выгодой, которую имъ предлагаютъ въ ущербъ честности и интересамъ ихъ монарха“ [69]). Только одну изъ главнѣйшихъ причинъ этого зла мы видимъ именно въ конфискаціяхъ безъ суда, въ пыткахъ и казняхъ, въ грубости, жестокости и произволѣ тѣхъ мѣръ, которыми имѣлось въ виду достигнуть нравственнаго исправленія русскаго общества.

III.

Характеристика нравовъ въ началѣ XVIII вѣка и опредѣленіе того вліянія, какое имѣла на ихъ измѣненіе правительственная дѣятельность, немыслимы, конечно, безъ приведенія свѣдѣній о тайной канцеляріи, о розыскахъ, пыткахъ и казняхъ по государеву „слову и дѣлу“. Но факты, рисующіе дѣятельность этой канцеляріи, настолько обще-

извѣстны, что въ настоящемъ случаѣ можно ограничиться немногими данными. Г. Семевскій, въ своихъ очеркахъ и разсказахъ изъ русской исторіи XVIII вѣка [70]), по вершенымъ дѣламъ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи,—„полное развитіе которой, говоритъ историкъ, безспорно, принадлежитъ Петру Великому“,—передалъ ужасающія подробности тогдашняго допроса *съ пристрастіемъ*, *обряда какъ обвиненный пытается*. Какія мученія выносили очень часто совсѣмъ невинныя или виновныя въ пустыхъ проступкахъ лица, —это современному человѣку трудно даже вообразить. Доносы шли со всѣхъ сторонъ, а большею частію доносчиками являлись преступники, которые хотѣли „правымъ извѣтомъ“ освободиться или, по крайней мѣрѣ, отсрочить наказаніе [61]). Каковы бывали доносы, приведемъ нѣсколько обращиковъ. Нѣкто Ларіонъ Федоровъ заявилъ, что ему двоюродный братъ говорилъ когда-то: „каковы де судящіе на земли не правдою судятъ, таковы де судящіе имѣются и на небеси, непостоянны“ [72]). Крестьянинъ Барышниковъ, въ 1720 году, со словъ солдата Малышникова, разсказалъ, будто сто цесарскихъ кораблей пришли въ Кроншлотъ и просятъ у царскаго величества великаго князя, а потомъ и измѣнниковъ. Слышавшій этотъ разсказъ крестьянинъ Салтановъ закричалъ: *Слово и дѣло!* Барышникова заковали въ ножныя и ручныя кандалы и отправили въ столицу (изъ Пошехонскаго уѣзда). Тайная канцелярія положила: „крестьянину Ивану Барышникову за продерзостныя, непристойныя слова учинить жестокое наказаніе: вмѣсто кнута бить плетьми и освободить съ проѣзднымъ листомъ до Пошехони“ [73]). За необычный поклонъ императору бывшій во хмѣлю крестьянинъ Максимъ Антоновъ, послѣ пытокъ, сосланъ въ Сибирь, да и то лишь благодаря милостивому манифесту. Карачевскій судья Коптевъ донесъ на фискала Веревкина, который въ жару спора съ поручикомъ Шишкинымъ произнесъ такія слова: „Ты, Иванъ Шишкинъ, царемъ ошибаешь и царевымъ указомъ играешь“! Веревкинъ два года протомился подъ арестомъ, и наконецъ по дѣлу былъ постановленъ такой приговоръ: фискала Веревкина бить вмѣсто кнута батогами нещадно, но бить съ сохраненіемъ чести, „не снимая рубаху“ [74]). Небесныя видѣнія, таинственныя литеры на чанѣ, толки

по поводу новаго титула (императорскаго) — все служило поводомъ къ доносамъ, къ пыткамъ, къ жестокимъ наказаніямъ. Не могли не замѣчать зла и современники. Въ 1723 г. Де-Геннинъ писалъ Ромодановскому: „нынѣ шутя употребляютъ бездѣльники слово и дѣло государево на кабакахъ и на улицахъ, грозя добрымъ людямъ: ежели не дашь гривну на вино, то ты хочешь ли со мной ѣхать въ Преображенской? и уже добрые люди опасаются и въ городъ ѣздить отъ такихъ клеветниковъ“ [75]). Но, не смотря на ужасъ, наводимый „преображенскими судьями“, находились люди, которые пытались обличать ихъ въ несправедливости передъ царемъ, которые не смирялись истязаніями [76]). Жестокость плодила жестокость, и розыскныхъ дѣлъ тайная канцелярія много содѣйствовала поддержанію и развитію среди русскаго народа грубыхъ, безчеловѣчныхъ инстинктовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

25 мая 1726 года Ле-Фортъ сообщалъ въ своемъ донесеніи слѣдующее: „Я рискую прослыть за лгуна, когда описываю образъ жизни русскаго двора. Кто могъ бы подумать, что онъ цѣлую ночь проводитъ въ ужасномъ пьянствѣ и расходится, уже это самое раннее, въ пять или семь часовъ утра? Болѣе о дѣлахъ не заботятся“ [1]). Отъ внимательнаго иностранца не укрылось, конечно, и сильное недовольство, которое возбуждалось грубыми удовольствіями, роскошными пирами и отсутствіемъ серіознаго вниманія къ вопросамъ государственнаго управленія. Въ 1728 году объ этомъ недовольствѣ писалъ и де-Лирія: „Недовольныхъ теперь, читаемъ мы въ одномъ его письмѣ на родину,— безчисленное множество: всѣ жалуются, епископы, солдаты, министры, наконецъ всѣ въ отчаяніи отъ худаго управленія“ [2]). Каждый воруетъ, сколько можетъ,—сообщалъ испанскій посланникъ въ другомъ мѣстѣ. Дворъ этотъ настоящій Вавилонъ,—пишетъ де-Лирія 14 марта 1729 года. Прося о скорѣйшей присылкѣ денегъ, онъ прибавляетъ: „Вы не можете себѣ вообразить роскошь этого двора. Я былъ при многихъ дворахъ, но могу васъ увѣрить, здѣшній дворъ своею роскошью и великолѣпіемъ превосходитъ даже самые богатѣйшіе, потому, что здѣсь все богаче, чѣмъ даже въ Парижѣ“ [3]). Деньги необходимы были испанскому послан-

нику и для того, чтобы „смазывать дѣла". Графъ Вратиславскій, говоритъ де-Лирія, продолжаетъ подкупать этотъ дворъ черезъ посредство министровъ, которые имѣютъ при немъ какое либо значеніе. Въ 1731 году, по донесенію Ле-Форта, дворы вѣнскій и берлинскій истратили съ этою цѣлью по 100,000 экю [4]). При воровствѣ, взяткахъ, подкупахъ и милостяхъ, которыя расточались любимцамъ, пріобрѣтались, конечно, громадныя состоянія. Манштейнъ передаетъ, что у Меншикова, послѣ его паденія, найдено было до 3 милліоновъ деньгами и драгоцѣнностями [5]). Еще разъ напомнимъ по этому поводу, что весь государственный бюджетъ въ первой четверти прошлаго вѣка не многимъ превышалъ эту сумму. Императрица Анна, сильно ограничившая пьянство при дворцѣ *), наоборотъ, чрезвычайно развила роскошь. У жены Бирона, напримѣръ, одно платье, унизанное жемчугомъ, стоило 100,000 рублей; гардеробъ ея цѣнился въ полмилліона, брилліанты въ два милліона [6]). Е. Бѣловъ говоритъ о „систематическомъ раззореніи высшаго дворянства посредствомъ неслыханной до того времени роскоши". Названный историкъ полагаетъ, что Биронъ сознательно стремился къ этой цѣли. Было запрещено напримѣръ, два раза являться ко двору въ одномъ и томъ же, платьѣ. Роскошь двора вызвала рѣзкіе упреки со стороны любимца Петра Великаго, Румянцева, отца Задунайскаго. За это онъ едва не поплатился головой и былъ отправленъ въ ссылку [7]). Стремленіе разорить и унизить знать едва ли можетъ подлежать сомнѣнію: замыслы верховниковъ и личное положеніе Бирона подсказывали такой образъ дѣйствій для правительства, не особенно разборчиваго на средства. Указанное стремленіе очевидно и въ извѣстной шутовской свадьбѣ князя Голицына, про которую Тредьяковскій, —говоритъ г. Бѣловъ,—съ холопскимъ усердіемъ написалъ свои отвратительные вирши:

„Спрягся, ханскій сынъ, взялъ ханское племя,
Ханскій сынъ квасникъ, Буженинова ханка,
Кому того не видно, кажетъ ихъ осанка".

*) Но успѣхъ въ этомъ случаѣ былъ лишь относительный: Ле-Фортъ сообщаетъ (1733 годъ), что Биронъ не могъ быть у него на пиру, «такъ какъ наканунѣ онъ слишкомъ хорошо угостился».

Въ шуты попалъ и камергеръ, князь Никита Ѳедоровичъ Волконскій, „изъ личной мести государыни къ женѣ его Аграфенѣ Петровнѣ, рожденной Бестужевой-Рюминой, отличавшейся умомъ, свѣтскимъ образованіемъ и безпокойнымъ характеромъ“ [8]). Она была заточена, въ 1728 году, за придворныя интриги, въ монастырь, по распоряженію верховнаго тайнаго совѣта. „Анна Іоанновна, говоритъ г. Шубинскій, вступивъ на престолъ, отмстила своему уже безсильному врагу униженіемъ любимаго ею мужа. Князь Никита Ѳедоровичъ, человѣкъ пожилой и болѣзненный, былъ назначенъ шутомъ и получилъ приказаніе ухаживать и смотрѣть за левреткой государыни“. Графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ сдѣланъ былъ шутомъ за принятіе католичества; но эта придворная должность нисколько не стѣсняла Апраксина. Произведенъ былъ за то же въ шуты и князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, внукъ знаменитаго Василія Васильевича. „Несчастный не имѣлъ на столько твердости характера (слова г. Шубинскаго), чтобъ предпочесть смерть позору,—и сѣлъ въ лукошко у дверей того самаго царскаго кабинета, въ который родственники его гордо входили безъ доклада“.

Подобострастіе росло и достигало, вспомоществуемое суровыми принудительными мѣрами, удивительныхъ размѣровъ. Еще въ 1726 году Варлаамъ, архимандритъ даниловскій, писалъ къ Екатеринѣ I: „яко самаго Христа ножки ваши объемля кланяюся“ [9]). При императрицѣ Аннѣ за неосторожность въ этомъ отношеніи можно было жестоко поплатиться. Карабановъ передаетъ слѣдующій случай: Анна Іоанновна любила пить иностранное вино. Однажды, отвѣдавъ изъ бокала, она дала его, чтобъ попробовать Куракину. Тотъ предварительно обтеръ бокалъ салфеткой. Императрица вспылила. „Ты мной брезгаешь! кричала она Куракину. Я тебя выучу, съ какимъ подобострастіемъ должно взирать на мою особу. Гей, Андрея Ивановича“ *)! Къ счастью для Куракина, за него вступился Биронъ, доказывая разгнѣванной императрицѣ, что Куракинъ поступилъ по иностранному обычаю [10]). Вотъ другой поучительный случай. Двѣ фрейлины, которыхъ императрица безъ

*) Графа Ушакова, застѣночныхъ дѣлъ руководителя.

отдыха заставляла пѣть, осмѣлились наконецъ замѣтить, что онѣ устали. Анна собственноручно прибила ихъ и отправила на цѣлую недѣлю стирать бѣлье на прачешномъ дворѣ [11]). Тредьяковскій написалъ игривое стихотвореніе. „Имѣлъ счастіе,—сообщаетъ онъ въ письмѣ,—читать государынѣ императрицѣ у камина, стоя на колѣняхъ предъ ея императорскимъ величествомъ, и по окончаніи онаго чтенія удостоился получить изъ собственныхъ ея императорскаго величества рукъ всемилостивѣйшую оплеушину". Гувернеръ бироновскихъ дѣтей потерпѣлъ вслѣдствіе того, что младшій сынъ герцога объѣлся земляники и захворалъ. Анна Іоанновна приказала послать его въ арестантскомъ платьѣ мести улицу. „Даже Биронъ устыдился этого поступка съ человѣкомъ, ни въ чемъ невиннымъ. Онъ далъ ему тысячу рублей и паспортъ за границу" [12]). Не мудрено поэтому, что горделивыя головы нашей старой знати все болѣе и болѣе никли. Послѣ жестокой расправы съ фельдмаршаломъ Долгорукимъ и другими высокопоставленными лицами, Лефортъ писалъ королю (26 февраля 1732 г.), что русскіе принижены до послѣдней степени, что они готовы исполнять любое требованіе правительства, которое находилось въ рукахъ иностранцевъ [13]). „Жестокость правленія, писалъ знаменитый Щербатовъ, отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли" *). Тотъ же Щербатовъ представляетъ однако странную характеристику царствованія Анны Іоанновны: „Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастія, но народъ былъ порядочно управляемъ: не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись въ точности; страшились вельможи подать какую причину къ несчастію своему, а не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи что неправое сдѣлать, или мздоимству коснуться". По словамъ автора разсужденія *О поврежденіи нравовъ въ Россіи*, выходитъ, что управленіе Бирона было временемъ чуть ли не идиллическаго благополучія для русскаго народа. На самомъ дѣлѣ,

*) А. Н. Пыпинъ, по воспоминаніямъ Снегирева, сообщаетъ, что императрица Анна приказала повѣсить повара, который подалъ ей къ блинамъ пригорѣлое масло. Въ *Запискахъ леди Рондо* мы читаемъ про Анну: «какъ пріятно видѣть совершенное человѣколюбіе въ особѣ, облеченной деспотической властью».

конечно, до идилліи было очень далеко. Посланные отъ воеводъ съ командами солдатъ за сборомъ податей обходились съ крестьянами безчеловѣчно, все продавали, „лучшихъ людей брали подъ караулъ, каждый день ставили ихъ рядомъ разутыми ногами въ снѣгъ и били по пятамъ палками, повторяя эти мученія до совершенной уплаты недоимокъ". Помѣщиковъ и старостъ отвозили въ городъ; „изъ нихъ большая часть умирала съ голоду и отъ тѣсноты въ жилищахъ" [14]). На ряду съ высшимъ дворянствомъ, систематическому гоненію подвергалось при Биронѣ и русское духовенство [15]). Оно должно было также пройти тягостную школу подобострастія, и прошло ее, надо сознаться, съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Вотъ характеристическое этому доказательство: при погребеніи Анны Іоанновны Амвросій (Юшкевичъ) осмѣлился, въ проповѣди, кощунственно сказать, что Анну у Россіи отняло „завистное". Дворянство не отставало отъ духовенства. Князь Яковъ Петровичъ Шаховской,—одинъ изъ лучшихъ русскихъ придворныхъ XVIII столѣтія,—въ своихъ запискахъ выражаетъ большое сочувствіе Волынскому и очень огорчается его казнію. Но вотъ Биронъ назначаетъ князя Шаховскаго начальникомъ полиціи, ласково принимаетъ его, угощаетъ кофеемъ, и князь Яковъ Петровичъ приходитъ въ совершенное восхищеніе. По сверженіи Бирона, генералъ полицеймейстеромъ опредѣленъ былъ Наумовъ, о Шаховскомъ не сказано было ни слова, и онъ остался, фактически, помощникомъ Наумова, который захотѣлъ, въ своихъ видахъ, воспользоваться его знаніями. „Я, пишетъ князь Шаховской, видя мои худыя участія и еще день ото дня, какъ уже выше описалъ, по регентовой ко мнѣ милости худшаго ожидая, принужденъ былъ сгибаться и сносить" [16]). Конечно, въ дворянствѣ сохранялись еще здравыя понятія о личномъ достоинствѣ, которыя должны были усиливаться, благодаря вліянію западно-европейскаго просвѣщенія; но люди съ подобными идеями составляли меньшинство, которое все болѣе и болѣе рѣдѣло. Артемій Волынскій нашелъ мало подражателей своему отвѣту Салтыкову на предложеніе послѣдняго донести о бригадирѣ Козловѣ, по поводу его толковъ (въ Казани) о переворотѣ 1730 года. Волынскій писалъ: „А чтобъ мнѣ доносить и завязываться съ бездѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколь то не токмо

мнѣ, но и послѣднему дворянину прилично и честно дѣлать“ [17]). Напомнимъ кстати, что тотъ же Волынскій, будучи астраханскимъ губернаторомъ, сажалъ на кобылу, мазалъ сажею, заставлялъ насильно пить и билъ мичмана князя Егора Мещерскаго [18]). Жестокая казнь Волынскаго свидѣтельствуетъ, какъ мало смягчились нравы правящихъ классовъ въ царствованіе Анны. Зумъ, бывшій саксонскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, писалъ Фридриху II (тогда еще наслѣднику престола), что Волынскому отрѣзали языкъ но сдѣлали это въ тюрьмѣ, секретно, передъ отправленіемъ на казнь, и закрыли ротъ намордникомъ, завязаннымъ на головѣ, чтобъ не текла кровь.

Лучшіе люди развращались, подъ вліяніемъ гнетущихъ условій общественной жизни. Къ числу такихъ людей, безспорно, принадлежалъ Василій Никитичъ Татищевъ. Къ нему поступилъ доносъ на Егора Столѣтова, секретаря Монса, дважды претерпѣвшаго ссылку: Столѣтовъ, послѣ пирушки, не былъ у заутрени въ день тезоименитства Анны. „Просвѣтитель Сибири, нашъ знаменитый историкъ, оцѣненный по заслугамъ,—отнесся къ дѣлу Столѣтова совершенно съ бироновской точки зрѣнія и взялъ на себя гнусную роль инквизитора, чуть не заплечнаго мастера“ [19]). Въ оцѣнкѣ вліянія, которое оказывалъ бироновскій порядокъ, сходятся наиболѣе безпристрастные и наблюдательные изъ современниковъ съ лучшими нашими историками. Уже упомянутый Зумъ писалъ 17 декабря 1737 года: „Здѣсь (въ Петербургѣ) совсѣмъ нѣтъ общества, и не столько по недостатку людей, сколько по недостатку общительности. Не легко опредѣлить: нужно ли искать причину отсутствія общительности единственно только въ характерѣ и нравахъ націи, еще жесткихъ и грубыхъ, или этому содѣйствуетъ до нѣкоторой степени и характеръ правительства. Я склоняюсь къ убѣжденію, что наиболѣе дѣйствуетъ послѣдняя причина“ [20]). Замѣтимъ, что Зумъ сочувственно относится къ Бирону и называетъ его даже великимъ человѣкомъ (!). А вотъ какими словами характеризуетъ время Анны г. Чистовичъ: „Даже издали, на разстояніи почти полуторыхъ вѣковъ, страшно представить это ужасное, мрачное и тяжелое время, съ его допросами и очными ставками, съ желѣзами и пытками! Человѣкъ не сдѣлалъ никакого престу-

пленія: вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ Москву, въ Петербургъ, неизвѣстно куда: за что? Когда то, годъ-два назадъ, онъ разговаривалъ съ какимъ то подозрительнымъ человѣкомъ! *О чемъ* они разговаривали, — вотъ изъ за чего всѣ тревоги, страхи и пытки! Безъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что, ложась спать вечеромъ, нельзя было поручиться за себя, что не будешь къ утру въ цѣпяхъ и съ утра до ночи не попадешь въ крѣпость, хотя бы не зналъ за собою никакой вины" [21]). Надъ этимъ тяжелымъ временемъ профессоръ Корсаковъ произнесъ такой справедливый приговоръ: „Жестокость правительства Анны Іоанновны, презрительное обращеніе съ русскими начальствующихъ лицъ вообще и генераловъ и офицеровъ въ частности, необходимость заискивать у нѣмцевъ—правителей путемъ лести и низкопоклонства--все это развращаетъ шляхетство болѣе и болѣе и все сильнѣе развиваются въ немъ дикіе инстинкты крѣпостничества. Идеалы его съуживаются, и шляхетскія заявленія въ знаменитой екатерининской коммиссіи 1767 года—несравненно ниже шляхетскихъ воззрѣній 1730 года" [22]).

Отъ времени до времени мы замѣчаемъ, что правительство, подъ благотворнымъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей, принимаетъ мѣры, способныя въ большей или меньшей степени содѣйствовать смягченію нравовъ русскаго общества. Такъ при Петрѣ II изданъ былъ слѣдующій указъ: „которые столбы въ Санктъ-Петербургѣ внутри города на площадяхъ каменные сдѣланы, и на нихъ, также и на кольяхъ винныхъ людей тѣла и головы потыканы, тѣ всѣ столбы разобрать до основанія, а тѣла и взоткнутыя головы снять и похоронить". Но такого рода законодательныя предписанія (о нихъ будетъ сказано ниже) мало соотвѣтствовали административно-судебной практикѣ. *Слово и дѣло* продолжало вызывать мучительныя пытки и жестокія казни за рѣзкіе отзывы, за грубое слово. Въ 1726 году дьячокъ Василій Ѳедоровъ донесъ на отставнаго капрала и волоколамскаго помѣщика Василія Кобылина, что онъ бранилъ непристойными словами покойнаго императора и Екатерину I. Съ розыска Кобылинъ повинился и казненъ смертью, а имѣнье его конфисковано. Въ 1729 году доносчикъ обращается съ жалобою: онъ пишетъ, что съ конфискованнаго

имѣнія, „по указу изъ Преображенской канцеляріи, дано мнѣ, по прошенію моему, до настоящаго награжденія, корову съ телицею, да на прокормъ ихъ сѣна, да гусей и куръ Индійскихъ по гнѣзду, и то чрезъ многое прошеніе на силу получилъ въ три года; а охранительнаго и о непорицаніи меня указовъ изъ той канцеляріи не дано, отъ чего я чрезъ три года, какъ отъ жены того злодѣя претерпѣвалъ всякіе несносные бѣды и разоренья и битъ смертно, отъ чего и до днесь порядошнаго себѣ житья съ женою и дѣтьми нигдѣ не имѣю, и бродя, безъ призрѣнія, помираемъ голодною смертію яко подозрительные, въ чемъ на тѣхъ обитчиковъ въ той же канцеляріи я и билъ челомъ, а суда не дано". Обиженный доносчикъ, присовокупляя новые доносы, домогается узаконеннаго вознагражденія и напоминаетъ, что многіе получили и получаютъ такое вознагражденіе за гораздо менѣе важные доносы [23]). Смертная казнь совершалась, какъ и въ до-петровское время, самыми жестокими способами. Такъ самозванецъ Миницкій и принявшій его сторону священникъ села Ярославца были живыми посажены на колъ [24]). Въ 1730 году, въ Брянскѣ, крестьянка Ефросинья, за убійство мужа, закопана живою въ землю, 21 августа; несчастная умерла только 22 сентября [25]). Кнутъ свистѣлъ, не разбирая ни пола, ни возраста, ни званія. При Аннѣ Іоанновнѣ воронежскій епископъ Левъ (Юрловъ), не получивши синодскаго указа, не отслужилъ своевременно молебна о восшествіи ея на престолъ. Θеофанъ Прокоповичъ поднялъ дѣло. Левъ былъ лишенъ сана, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ далекій монастырь. Понятно по этому радостное заявленіе одного проповѣдника по случаю низложенія Бирона: „нынѣ совершилось наше спасеніе: низложенъ сатана и его ангелы" [26]).

Жестокость правительственныхъ мѣръ только плодила жестокость въ народѣ. Разбойники не унимались на всемъ пространствѣ государства, не было безопасности даже въ столицахъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи нельзя было положиться и на военную защиту. Такъ 23 апрѣля 1729 года, въ Москвѣ, на пожарѣ въ нѣмецкой слободѣ, былъ произведенъ гвардейскими солдатами открытый и вооруженный грабежъ [27]). И въ послѣдствіи не прекращаются жалобы московской полиціи на буйство войскъ, особенно гвардіи [28]).

жестокостью нравовъ и наклонностью къ вооруженнымъ грабежамъ отличалось даже духовенство. Въ 1733 году на домъ священника села Тулиголовъ, Кролевецкаго уѣзда, въ отсутствіе хозяина, напали улановскій городничій и монахъ Иродіонъ, съ вооруженными людьми. Они отняли у жены священника купчія на земли (грунтовыя крѣпости). Потомъ монахи предлагали уступить имъ эти крѣпости и, не получивши согласія, били священника, надѣли на него кандалы, цѣпь на шею и посадили въ заключеніе, завладѣли всѣмъ имуществомъ священника, а жену его выгнали изъ дому. Только съ увольненіемъ епископа Иродіона Жураховскаго тулиголовскому священнику была возвращена свобода. Авторъ, у котораго мы взяли этотъ разсказъ, приводитъ много подобныхъ случаевъ [29]).

А при дворѣ и въ высшемъ обществѣ продолжала развиваться роскошь, перенимался внѣшній блескъ западно-европейскихъ дворовъ, утонченное обращеніе, заводились театральныя представленія, въ особенности балеты. Дошедшія до насъ свѣдѣнія указываютъ на многочисленность придворныхъ артистовъ къ началу царствованія Елизаветы Петровны. „Едва ли при какомъ другомъ дворѣ европейскомъ можно было встрѣтить ихъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ видимъ ихъ при нашемъ“ [30]). 12 августа 1741 года,— день рожденія младенца-императора, было отпраздновано съ большею торжественностію. Былъ блестящій фейерверкъ и иллюминація. Между прочимъ появилось въ огняхъ изображеніе молодаго геркулеса (императора) съ надписью: *Schon in der ersten Jugend Gross* [31]). Несчастному Іоанну VI не пришлось однако царствовать.

Весьма характерны обвиненія, которыя выставлялись противъ низложеннаго Бирона: „онъ же,—говорится въ обвинительномъ актѣ,—будто для забавы ея величества, а въ самомъ дѣлѣ по своей свирѣпой склонности, подъ образомъ шутокъ и балогурства, такія мерзкія и Богу противныя дѣла затѣялъ, о которыхъ до его времени въ свѣтѣ мало слыхано: умалчивая о нечеловѣческомъ поруганіи, произведенномъ не токмо надъ бѣдными отъ рожденія, или какимъ случаемъ дальняго ума и разсужденія лишенными, но и надъ другими людьми, между которыми и честной породы находились, о частыхъ между оными заведенныхъ до крови

дракахъ и о другихъ онымъ учиненныхъ мучительствахъ и безстыдныхъ мужскаго и женскаго пола обнаженіяхъ и иныхъ скаредныхъ между ними, его вымысломъ произведенныхъ пакостяхъ, уже и то чинить ихъ заставливалъ и принуждалъ, что натурѣ противно и объявлять стыдно и непристойно. Всѣ такія мерзкія и Богу противныя дѣла, отъ него вымышленныя, явно происходили и къ великому поврежденію высочайшей славы ея величества касались, въ которыхъ онъ, яко отъ него вымышленныхъ, и отвѣтствовать долженъ" [32]). Биронъ не безъ основанія слагалъ съ себя въ этомъ случаѣ отвѣтственность, но этимъ, разумѣется, не уменьшается значеніе оффиціальнаго свидѣтельства о придворныхъ нравахъ въ царствованіе Анны.

Царствованіе Елизаветы Петровны было реакціей, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, противъ господства иностранцевъ, и значеніе этого царствованія опредѣляется различно и современниками его, и новѣйшими историками. Императрица Екатерина II, сообщаетъ, напримѣръ, что при ея вступленіи на престолъ армія въ Пруссіи восьмой мѣсяцъ не получала жалованья. „На штатсъ-конторѣ было семнадцать милліоновъ долгу. Ни единый человѣкъ въ государствѣ не то, чтобъ зналъ, сколько казнѣ было дохода, ниже не вѣдалъ званій доходовъ разныхъ. Повсюду народъ приносилъ жалобу на лихоимство, взятки, притѣсненія и неправосудія разныхъ правительствъ, а наипаче приказныхъ служителей". По свидѣтельству императрицы, жестокія пытки и наказанія за бездѣлицу ожесточали умы [33]). А Соловьевъ говоритъ, что царствованіе Елизаветы Петровны отучило отъ крови [34]). Пецольдъ доносилъ своему двору, что у императрицы „такой нравъ, что часто случается то, чего всего меньше можно было ожидать, а многіе поступки ея не вполнѣ согласованы" [35]). Въ *Воспоминаніяхъ Вигеля* мы читаемъ, что Елизавета Петровна была окружена женщинами изъ простонародія, болтуньями и сплетницами, и сама отличалась большимъ суевѣріемъ. „Обхожденіе съ нею было самое простое, хотя и трепетали ея гнѣва, и образъ жизни ея можно было встрѣтить лѣтъ съ тридцать тому назадъ между помѣщицами отдаленныхъ губерній" [36]). Приведемъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ дворцовую и при-

дворную жизнь въ довольно продолжительное время царствованія дочери Петра Великаго.

Графъ Н. И. Панинъ, въ докладѣ Екатеринѣ II, объ учрежденіи императорскаго совѣта, такъ характеризовалъ это царствованіе: „Сей эпокъ заслуживаетъ особое примѣчаніе: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ“. Панинъ указывалъ на страшный вредъ для государства отъ фаворитовъ, которые съ своими сторонниками образовывали „всегда злоключительный общему благу интервалъ между государя и правительства“ [37]). Щербатовъ сообщаетъ о томъ, какія громадныя суммы расхищалъ графъ П. И. Шуваловъ. Онъ имѣлъ болѣе 400,000 рублей доходу, но умеръ съ долгомъ казнѣ болѣе милліона. „Графу Петру Ивановичу Шувалову, пишетъ авторъ разсужденія *О поврежденіи нравовъ въ Россіи*, нужда была купить одну деревню, не помню у какой графини Головкиной, живущей особливо отъ мужа своего, а посему и не могущей его согласія имѣть, предложилъ, чтобы сей знакъ покорства женъ уничтожить; по предложенію его, яко всесильнаго мужа въ государствѣ, былъ учиненъ указъ, онъ деревню купилъ, а симъ подалъ поводъ по своенравіямъ своимъ женамъ отъ мужей отходить, разорять ихъ дѣтей и отошедшимъ разоряться“. Деньги сыпались изъ государственной казны любимцамъ и ихъ ласкателямъ, льстецамъ и изворотливымъ плутамъ, и русскимъ, и иностраннымъ. Шетарди, содѣйствовавшій возведенію Елизаветы на престолъ, получилъ послѣ ея коронаціи подарковъ на полтора милліона ливровъ [38]). Милости Разумовскимъ и Шуваловымъ изливались нескончаемо. Роскошь и увеселенія при дворѣ принимали грандіозные размѣры. При этомъ велась азартная игра. Статсъ-дама Измайлова, рожденная Нарышкина, и другія таскали во время игры у А. Разумовскаго изъ банка деньги. „Никогда доселѣ не представлялось такого разгула для всякихъ мелкихъ доносовъ, наушничества, пронырствъ и каверзъ“ [39]). Знатнѣйшіе вельможи отличались необычайнымъ попрошайничествомъ. Такъ въ 1744 году, знаменитый Бестужевъ-Рюминъ пишетъ къ А. Г. Разумовскому, „дабы ея императорское величество (ему) бѣдному милостыню подать изволила“. Въ другомъ письмѣ

Бестужева-Рюмина къ этому фавориту сказано: „Убей Богъ душу мою, что ежели бы не сущая моя крайняя бѣдность и нищета меня принуждала, никогда бы не дерзнулъ не только ея императорское величество, но ниже бы ваше сіятельство прошеніями моими потрудить“ [40]). Къ вице-канцлеру Воронцову, бывшему заграницей, Бестужевъ писалъ (въ 1745 году): „я безъ похвалы сказать могу, что рѣдко такой день проходитъ, когда бы я съ протчими вашего сіятельства пріятелями за здравіе ваше не пилъ“ [41]).

Раздача денегъ, земель производилась направо и налѣво, безъ большихъ соображеній и безъ всякихъ справокъ. Вотъ одинъ характерный примѣръ. Канцлеръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ пишетъ къ барону Корфу, что императрица нѣсколько лѣтъ тому назадъ (письмо отправлено въ 1747 году) подарила Бестужеву замокъ Венденъ (въ Лифляндіи), на томъ же правѣ, „на коемъ владѣлъ онымъ шведскій канцлеръ графъ Оксенштирна“. Русскій канцлеръ и проситъ барона Корфа узнать, на какомъ именно правѣ владѣлъ Венденомъ канцлеръ шведскій [42]).

Императрица, любившая веселиться, заставляла веселиться и придворныхъ. Державинъ въ послѣдствіи, при Екатеринѣ II, съ гордостію заявлялъ: „мы нынѣ смѣемъ говорить, что хотимъ или не хотимъ ѣхать въ комедію“. При Елизаветѣ Петровнѣ должностныя лица обязывались подпискою бывать на театральныхъ представленіяхъ. Когда на французскую комедію являлось мало зрителей, посылался къ отсутствовавшимъ грозный запросъ, подкрѣпляемый обѣщаніемъ штрафа въ 50 рублей [43]).

Женская прихоть и мелочность нерѣдко руководили указами Елизаветы Петровны, касавшимися придворной жизни. Такъ никто не смѣлъ одѣваться и причесываться такъ же, какъ императрица. Въ 1748 году было повелѣно, чтобы дамы волосы убирали по прежнему: „заднихъ отъ затылка не подгибали вверхъ, а ежели когда надлежитъ быть въ робахъ, тогда дамы имѣютъ задніе отъ затылка волосы подгибать къ верху“. Къ императрицѣ очень шелъ мужской костюмъ, и поэтому предписывалось, чтобы на придворныхъ маскарадахъ мущины одѣвались въ женское, а женщины въ мужское платье. Въ январѣ 1748 года предписывается, чтобы при Академіи наукъ „переводили и печатали книги граж-

данскія различнаго содержанія, въ которыхъ польза и забава соединена бъ была съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ". Минихъ представлялъ Елизаветѣ Петровнѣ *проэктъ генеральнаго придворнаго регламента*, въ которомъ говорится о добродѣтельномъ житіи, о необходимости благочестиваго примѣра вышнихъ и знатнѣйшихъ придворныхъ чиновъ[44]); но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Васильчиковъ, во дворцѣ, „за этимъ внѣшнимъ блескомъ, за этими румянами, фижмами и брилліантами, крылись вполнѣ азіатскія неопрятность и неряшество". Знаменитый авторъ *Исторіи Россіи* такими словами характеризуетъ царствованіе Елизаветы: „употребляя общепринятое выраженіе, историкъ имѣетъ право сказать, что нравы смягчаются, къ человѣку начинаютъ относиться съ большимъ уваженіемъ *) и умственные интересы начинаютъ находить болѣе доступа въ обществѣ, которое начинаетъ чувствовать потребность высказаться, вслѣдствіе чего являются начатки литературы и попытки обработать, облагозвучить орудіе выраженія пробивающейся мысли, языкъ" [45]). Въ народное воспитаніе, прибавляетъ Соловьевъ, вводится благодѣтельное, великое начало—фактически отмѣняется смертная казнь. Но не слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, забывать и того, что при дворѣ, въ высшихъ сферахъ, не безъ вины самой императрицы, обнаруживались грубые нравы, что роскошь и развратъ дополнялись наглымъ неуваженіемъ къ человѣку и жестокими пытками. Иностранецъ — современникъ такъ выражается о придворныхъ Елизаветинскаго времени: „Вообще надо сказать, что люди, которыми была окружена императрица, были, къ несчастію, мало образованы и отличались дурными правилами, которыя крѣпостное право вселило въ эту націю; были злы, не имѣли никакой честности и были расположены только къ тѣмъ, кто старался удовлетворять ихъ жадность къ подаркамъ" [46]). Истязаніе испытывали не одни только люди простаго званія. Въ царствованіе Елизаветы Петровны, говоритъ г. Романовичъ - Славатинскій, дворяне подвергались пыткѣ (тайно Шешковскій пыталъ ихъ и послѣ жалован-

---

*) Ломоносовъ едва отстоялъ доступъ разночинцевъ въ университетъ. «И дворянству поэтому онъ сталъ не милымъ: оно хотѣло воспитывать своихъ дѣтей отдѣльно отъ разночинцевъ въ *дворянскихъ* учебныхъ заведеніяхъ». (*Романовичъ-Славатинскій*: *Дворянство въ Россіи*, 82).

ной грамоты) — не только (!) по дѣламъ государственнымъ (дѣло Лопухиной), но и по другимъ криминальнымъ: соучастниковъ въ убійствѣ Жуковыхъ пытали плетьми, въ 1754 году, не взирая на ихъ состояніе“ [47]). Съ другой стороны, возмутительныя преступленія и безобразные поступки не только высокопоставленныхъ людей и особенныхъ любимцевъ, но и представителей областной администраціи нерѣдко оставались совершенно безнаказанными или же влекли за собою лишь ничтожныя взысканія. Такъ было, напримѣръ, съ бѣлевскимъ воеводою Шеншинымъ. Онъ напился пьянъ, обижалъ женщинъ, велѣлъ ударить въ набатъ, схватить на улицѣ подпоручика Возницына, жестоко избить его и посадить въ тюрьму. „Императрица простила Шеншина и велѣла опредѣлить его къ дѣламъ, къ какимъ годенъ, кромѣ воеводства, и велѣла сенату впредь такія самовольства воеводамъ запретить“ [48]). Особенное покровительство оказывала императрица лицамъ духовнаго званія. Шаховской [49]) приводитъ слѣдующій случай. Крестьяне жаловались на архимандрита одного монастыря, совершившаго безнравственныя дѣянія. Члены синода старались замять дѣло, и, не смотря на всѣ усилія оберъ-прокурора, имъ это удалось. По приказанію императрицы, архимандритъ переведенъ въ другой монастырь, вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно „мужиковъ, кои такъ онаго архимандрита обругали *), отослать для наказанія въ губернскую канцелярію“. Возмущенный блюститель правосудія такъ заканчиваетъ свой разсказъ: „вотъ, любезный читатель, еще смотрите, какъ часто и легко великодушные и справедливость любящіе монархи поколебаемы бываютъ“. Шаховской приводитъ и другіе факты подобнаго рода. Члены синода напримѣръ, вопреки закону, получали лишнее жалованье. Оберъ-прокуроръ протестовалъ; но члены синода пошли съ жалобами окольнымъ путемъ, черезъ благопріятелей и любимцевъ, такъ что князь Яковъ Петровичъ не имѣлъ успѣха и въ этомъ дѣлѣ. А каковы были нравы высшаго духовенства,—на это имѣются любопытныя данныя. Соловьевъ приводитъ многочисленныя жалобы мордвы на мѣстныхъ архіереевъ. Такъ на нижегородскаго архі-

*) Крестьяне поймали архимандрита въ банѣ, близъ монастыря, «въ ближайшемъ подозрѣніи съ одною дѣвкою». Любопытно, что была наказана и дѣвка, которая «поклепала».

ерея Димитрія жаловалась мордва, что онъ насильно принуждаетъ ее къ принятію христіанства, держитъ многихъ въ колодкахъ и кандалахъ, бьетъ мучительски; многихъ въ купель окунали связанныхъ и крестъ надѣвали на связанныхъ же; кладбища и моленные дома архіерей пожегъ, дома разорилъ [50]). Вятскій епископъ Варлаамъ билъ казначея Пыскорскаго монастыря плетьми такъ жестоко, что тотъ лежалъ безъ памяти. Архангельскій архіерей Варсонофій говорилъ о большой, хорошо выстроенной мѣстной школѣ: „чего ради такая не по здѣшней епархіи школа построена? Да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не надлежитъ; къ школамъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи черкасишки, ни къ чему негодницы“ [51]). Въ Хлыновѣ, въ соборѣ, архіерей на молебнѣ не далъ свѣчи подошедшему за нею секундъ-майору Бестужеву, бросилъ свѣчу на полъ и кричалъ: „ты арлекинъ“. При этомъ архіерей, кривляясь, передразнивалъ, какъ Бестужевъ ходитъ [52]). Въ 1753 году епископъ Платонъ Малиновскій вынужденъ былъ издать предписаніе противъ грубыхъ и жестокихъ наказаній въ монастыряхъ. Но по большей части въ томъ повинны были и сами архіереи. Г. Знаменскій основательно замѣчаетъ, что жестокость и самовластіе архіереевъ объясняется системою администраціи, которая „могла страшно портить самые лучшіе характеры“ [53]). Этотъ изслѣдователь сообщаетъ, напримѣръ, что въ 1753 году Арсеній Мацѣевичъ за то, что нашелъ пыль въ алтарѣ, отправилъ священника на вѣчное заключеніе въ монастырь. Архіереи вступали нерѣдко въ столкновеніе съ администраціею, но за послѣднею оставалась постоянная побѣда [54]). Отношенія духовенства къ другимъ сословіямъ были плохи, нерѣдко возмутительны. Г. Знаменскій говоритъ, что духовенство теряло расположеніе другихъ классовъ, благодаря своей изолированности, уничтоженію выборнаго начала, коммерческому характеру наслѣдственной передачи церковныхъ мѣстъ. „Желая сдѣлать духовенство органомъ реформы, правительство втянуло его во всю систему доносовъ, которая считалась тогда лучшей поддержкой указовъ государственной власти“ [55]). И зло достигло такого развитія, что синодъ принужденъ былъ заботиться о томъ, чтобы воздерживать духовенство отъ злоупотребленія *словомъ и дѣломъ*.

При такихъ условіяхъ, при общей грубости нравовъ, столкновенія лицъ духовнаго званія съ лицами другихъ сословій принимали самый дикій характеръ. Въ 1751 году, напримѣръ, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, священникъ, шедшій съ дароносицею для пріобщенія больной крестьянки, сталъ, съ дароносицею въ рукахъ, отбивать свою лошадь у крестьянина князя Ивана Вяземскаго. Князь, увидавшій это, билъ священника конскою плетью, по его приказанію били и крестьяне, приволокли священника за волосы въ село, дароносицу изломали. Синодъ постановилъ: попа на годъ въ монастырь, крестьянъ бить нещадно плетьми, Вяземскаго отправить на вѣчное заточеніе въ дальній монастырь, держать скованнымъ, на хлѣбѣ и квасѣ, допускать въ церковь на паперть только въ воскресные и праздничные дни, причастить святыхъ таинъ лишь при смерти [56]). „Случаи несчастныхъ столкновеній духовенства съ помѣщиками при императрицѣ Елизаветѣ все болѣе и болѣе умножались. Объясненіе этого явленія заключается въ томъ, что помѣщики стали жить въ своихъ имѣніяхъ гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ въ прежнее время“ [57]). Это предположеніе пріобрѣтаетъ большую достовѣрность, если мы примемъ во вниманіе, что при исключительно обрядовомъ направленіи великорусской религіозности, духовенство, по замѣчанію г. Знаменскаго, имѣло въ обществѣ то же исключительно обрядовое значеніе, и на нравственныя свойства духовнаго лица прихожане обращали мало вниманія. Буйства въ церквахъ, въ алтарѣ происходили часто. Истязанія священниковъ, дьяконовъ и другихъ лицъ духовнаго сословія были обычнымъ, можно сказать, явленіемъ. Ржевскій помѣщикъ Юрьевъ такъ избилъ батогами своего приходскаго священника, что последній умеръ. „Синодъ жаловался, что въ Петербургѣ, въ полночь, объѣздной изъ полицеймейстерской канцеляріи подпоручикъ Малеръ съ драгунами разломалъ двери въ домѣ дьякона Сергіевской церкви Иванова; драгуны, взявши дьякона съ собою и привязавъ его къ лошади на арканѣ, погнали на лошадяхъ; въ такой скорой ѣздѣ, не могши бѣжать наравнѣ съ лошадьми, дьяконъ палъ отъ безсилія и разбился о камень; но драгуны, не обративъ на это вниманія, поволокли его на арканѣ по землѣ и притащили въ полицію подъ караулъ съ великимъ ругательствомъ, и отъ такого

увѣчья дьяконъ едва черезъ долгое время началъ приходить въ память". Соловьевъ говоритъ: „такъ было въ столицѣ: что же въ областяхъ"? [58])

Насиліе, произволъ, жестокость администраціи обнаруживались повсюду. Бѣлгородскіе купцы обращались къ сенату съ челобитьемъ и показывали, что воевода Морозовъ съ товарищами, „какъ скоро вступили въ управленіе, то тѣми купцами, которые доносили на нихъ въ похищеніи казеннаго интереса, всего до 60 человѣкъ, безъ всякаго суда разыскивали, иныхъ публично плетьми и батожьемъ наказывали а нѣкоторымъ и уши рѣзали". Елизавета Петровна объявила сенату: „Ея императорскому величеству къ крайнему гнѣву и неудовольствію извѣстно, что Воронежскій губернаторъ Пушкинъ и Бѣлгородскій Салтыковъ въ этихъ губерніяхъ дѣлаютъ великія разоренія и лихоимства и самыя грабительства, а потому повелѣваетъ строжайше о томъ изслѣдовать" *). Сибирскій воевода Колударовъ доносилъ, что худые поступки управителя полицеймейстерскихъ дѣлъ Обухова преодолѣли общенародную терпѣливость. Въ высшей степени характеризуютъ администрацію и состояніе русскаго общества похожденія извѣстнаго Ваньки Каина и другіе факты, приводимые въ любопытной статьѣ г. Есипова [60]). Каинъ, освобожденный за доносъ на своего помѣщика, Филатьева, у котораго былъ брошенъ въ колодезь мертвый солдатъ ландмилиціи [61]), получилъ отъ сената инструкцію, создававшую ему необыкновенно выгодное для мошенническихъ продѣлокъ положеніе. Онъ могъ брать подъ арестъ, кого хотѣлъ; военныя и полицейскія команды и всякаго чина люди обязаны были оказывать ему полное содѣйствіе, въ противномъ случаѣ инструкція обѣщала, что они жестоко истязаны будутъ. Ванька сталъ забирать дѣтей богатыхъ раскольниковъ, чтобъ получать съ родителей выкупъ. Узнала объ этомъ *раскольническая коммиссія* и потребовала Каина къ допросу, но онъ подкупилъ подъячихъ, и бумага въ сыскной приказъ отправлена была

---

*) Сенатъ постановилъ смѣнять воеводъ черезъ пять лѣтъ, оставляя только такихъ, которые окажутся исправными и незаподозрѣнными и объ оставленіи которыхъ будутъ просить помѣщики и граждане. Постановленіе это не исполнялось.

изъ коммиссіи только черезъ три года (въ концѣ 1748 года). Г. Есиповъ, приводя такіе печальные факты, замѣчаетъ: „русскій народъ и правительство доживали ту эпоху, которую можно назвать эпохою отсутствія сознанія законности". Эта эпоха затянулась.

Не мудрено, что между обывателями и мѣстными властями, а у этихъ послѣднихъ между собою, при такихъ условіяхъ происходили частыя столкновенія. Въ Нижнемъ ямской управитель прапорщихъ Кучинскій, собравшись съ ямщиками, билъ дубьемъ опредѣленнаго къ исправленію полицейской должности квартирмейстера Баранщикова, держалъ его двое сутокъ на цѣпи и водилъ по улицамъ, убѣждая этимъ не ставить въ ямскіе дворы постоя. Въ 1749 году сенатъ предписалъ губернской канцеляріи разслѣдовать о своевольныхъ ямщикахъ. Ничего не было сдѣлано. Послѣ упомянутаго самоуправства, когда нѣсколькихъ ямщиковъ за нехожденіе въ рогаточный караулъ взяли въ полицію, то Кучинскій и ямской староста Долининъ пришли съ ямщиками, человѣкъ со сто, схватили полицеймейстерскаго служителя, вытащили его за волосы на дворъ, пробили ему голову и произвели другія буйства. Въ Орлѣ между жителями и полиціей происходили ссоры и драки; стоящіе при рогаткахъ на караулѣ купцы озорниковъ подъ караулъ не брали, въ полицію не приводили, опасаясь Уткина (президента магистрата), который запретилъ и сотскимъ помогать полиціи. Не лучше было и въ Москвѣ [62]).

Въ военной службѣ происходили не менѣе вопіющія злоупотребленія, чѣмъ въ службѣ гражданской. Даниловъ свидѣтельствуетъ о страшномъ взяточничествѣ, объ отсутствіи дисциплины въ военномъ управленіи. Полковой секретарь отпускалъ зятя Данилова, Астафьева, „въ годовые отпуски за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за пашпортъ получитъ душекъ двѣнадцать мужска пола съ женами и съ дѣтьми". Даниловъ прибавляетъ: „случалось мнѣ и то видѣть самому, при самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставятъ у него писаря полковые и ротные постели и подушекъ, хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ: и то вытаскивали изъ подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Странное видѣніе было сихъ безстыдныхъ подлецовъ. Полковой писарь го-

раздо былъ совѣстнѣе секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за пашпортъ“ [63]).

Высшее, а вслѣдствіе этого и низшее правительство, не было въ царствованіе Елизаветы Петровны на высотѣ своего положенія. Оно боролось съ жестокостью и грубостью нравовъ, и въ то же время вело такія дѣла, какъ знаменитое Лопухинское, урѣзывая языки у Натальи Ѳедоровны Лопухиной и Анны Гавриловны Бестужевой, подвергая женщинъ унизительнымъ и жестокимъ публичнымъ наказаніямъ [64]), изъ-за рѣзкихъ отзывовъ о домашней жизни императрицы. Безумная роскошь при дворѣ уживалась съ предписаніями, которыя имѣли въ виду поощрять бережливость, постановить преграды расточительности и разврату [65]). Внутреннія дѣла требовали напряженныхъ правительственныхъ заботъ, а занимались больше иностранными сношеніями, да и при этомъ сплетни, тщеславіе, наряды, *благовонныя ессенціи* и т. п. играли немаловажную роль“ [66]). „Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны, дворъ ея уже утратилъ прежнюю веселость. Напротивъ, скука и стѣсненіе царствовали при большомъ петербургскомъ дворѣ“ [67]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Продолжительное царствованіе Екатерины второй, наполненное громомъ побѣдъ, прославленное Вольтеромъ и Державинымъ, вызывало и у современниковъ, и у потомства разнообразную оцѣнку. Щербатовъ, сурово порицая развратъ и роскошь придворнаго міра, говоритъ, что при Екатеринѣ II „чины всѣ продажны, должности не достойнѣйшимъ стали даваться, но кто болѣе за нихъ заплатитъ, а и тѣ, платя, на народѣ взятками стали сіе вымѣщать". Щербатовъ не ограничивается простымъ утвержденіемъ и приводитъ убѣдительные примѣры въ доказательство этого утвержденія. Профессоръ Градовскій говоритъ, что „созданіе нашей общественности справедливо приписывается Екатеринѣ" [1]), а г. Кобеко настаиваетъ на темной сторонѣ царствованія: „То былъ фаворитизмъ, возведенный почти въ государственное учрежденіе въ пользу лицъ, близость которыхъ къ Императрицѣ составляла какъ бы должность". Сотни тысячъ закрѣпощенныхъ крестьянъ, продолжаетъ авторъ прекрасной книги „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", и милліоны рублей, розданныхъ фаворитамъ, не составляли еще единственнаго зла ихъ существованія: фавориты поощряли развратъ и роскошь, они развивали эти пороки въ окружающемъ ихъ обществѣ [2]). Во всякомъ случаѣ между началомъ царствованія Екатерины II и его концомъ прошелъ такой длинный промежутокъ времени, такъ много разницы между начинаніями императрицы и законодательными и правительственными мѣрами послѣдующихъ годовъ, что характеристика

этого царствованія является задачею сложною и трудною. Державинъ въ *Одѣ Екатеринѣ II* [3]) задумалъ было воспѣвать императрицу такимъ образомъ:

«Онъ (Богъ) далъ намъ то въ императрицѣ,
Чѣмъ Петръ премудръ въ законахъ слылъ;
Что купно видѣлъ свѣтъ въ дѣвицѣ,
Какъ вѣкъ ея незлобивъ былъ:
Шумящей славѣ не внимаетъ,
Что вмѣстѣ съ плачемъ прилетаетъ,
Но чѣмъ народна тихость болѣ,
Свой тѣмъ единымъ краситъ тронъ;
Во всемъ Творца согласна волѣ;
Та зритъ на пышность, какъ на сонъ.

Въ 1774 г. Державинъ написалъ другую оду, гдѣ выражался уже иначе:

«Уже, какъ зыкъ въ лѣсахъ ловцовъ
Еленицъ робкихъ ужасаетъ,
Срацынъ такъ слухъ одинъ сражаетъ,
Монархиня, твоихъ полковъ.

Роскошь и расточительность характеризовали дворъ Екатерины II со дня ея воцаренія до самой кончины. Въ первые же мѣсяцы этого царствованія (по 16 ноября 1762 г.) было роздано въ награду лицамъ, въ большей или меньшей степени содѣйствовавшихъ низложенію Петра III, болѣе 795,000 рублей, и въ перечень вошли далеко не всѣ денежныя награды [4]). Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, когда онъ „вышелъ изъ случая“, имѣлъ денегъ около 2.500,000 рублей. Въ его деревенскомъ домѣ не только его слуги, но и люди гостей пивали шампанское. А гостей бывало каждый день не менѣе 80 человѣкъ [5]). Канцлеръ князь Безбородко на обыкновенные расходы по своему дому употреблялъ въ мѣсяцъ по 8,000 рублей, а вечера, часто имъ устраивавшіеся, обходились по 50,000 рублей. Къ началу царствованія Павла онъ имѣлъ 220,000 рублей дохода. „Князь Безбородко получалъ всѣ припасы для своего дома отъ раскольниковъ, которыхъ обнадеживалъ въ своемъ покровительствѣ. Онъ выписывалъ множество запрещенныхъ товаровъ, не платя никакихъ пошлинъ и раздѣляя барыши пополамъ съ Соймоновымъ, человѣкомъ, достойнымъ висѣлицы“. (Канцлеръ

бралъ взятки и картинами и бронзою). Когда Орловъ поѣхалъ на конгрессъ въ Фокшаны, то ему было пожаловано множество драгоцѣнныхъ платьевъ, изъ которыхъ одно, осыпанное бриллiантами, стоило миллiонъ рублей [6]). Какiя безумныя суммы расточались вообще Орловымъ, Потемкинымъ и другими фаворитами—извѣстно въ достаточной степени. Разсчитываютъ, что Орловы получили съ 1762—1783 годъ 45,000 душъ крестьянъ и 17 миллiоновъ деньгами. Въ свой кратковременный „случай“ Зоричъ получилъ бриллiантовъ болѣе, чѣмъ на 200,000 рублей, подаренное ему шкловское имѣнiе заключало въ себѣ 16,000 душъ, съ августа 1777 г. по 3 iюня 1778 г. ему выдано подарками слишкомъ на два миллiона рублей. Слѣдуетъ сопоставить съ этими цифрами общую сумму доходовъ государства: въ 1788 году они равнялись, напримѣръ, 46.360,000 рублей (въ 1795 году достигли 70.657,691 руб.). Въ это послѣднее время столъ графа П. А. Зубова, графа Н. И. Салтыкова и графини Браницкой стоилъ придворной конторѣ по 400 руб. въ день, безъ вина, чая, кофе и шеколада, на что уходило не менѣе 200 руб. ежедневно [7]).

Роскошью двора Екатерины II поражались иностранцы. Лордъ Мальмсбюри писалъ въ 1778 г.: „я былъ приготовленъ къ торжественности и великолѣпiю здѣшняго двора, но дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданiя; прибавьте къ этому полнѣйшiй порядокъ и строгость соблюденiя этикета“ [8]). Богатство и великолѣпiе русскаго двора, читаемъ мы въ иностранной книгѣ XVIII вѣка, превосходятъ описанiе. Азiатское великолѣпiе соединяется здѣсь съ европейскою изысканностью [9]). Г. Брикнеръ говоритъ, что роскошь, съ которою было совершено знаменитое путешествiе въ Крымъ, граничила съ безумствомъ. Десяти миллiоновъ рублей, назначенныхъ на это путешествiе, оказалось недостаточнымъ [10]). Къ концу царствованiя финансы сильно разстроились, но непроизводительныя издержки не уменьшались. Въ 1791 г. графъ С. Р. Воронцовъ писалъ къ Колычеву, посланнику въ Гагѣ: „мнѣ очень жаль двухъ миллiоновъ голландскихъ гульденовъ, которые нашъ дворъ далъ французскимъ принцамъ. По истинѣ, когда подумаешь, какъ задолжала Россiя, то невольно и приходитъ въ голову, не лучше ли было бы употребить эти деньги, чтобы погасить

хоть часть долговъ“ [11]). Энгельгардтъ разсказываетъ въ своихъ *Запискахъ*, что по миру съ турками, заключенному Безбородкомъ, они должны были заплатить 24 милліона піастровъ. Условіе это турки приняли послѣ упорнаго сопротивленія. Какъ только договоръ былъ подписанъ, канцлеръ торжественно заявилъ: „Государыня Императрица не имѣетъ нужды въ турецкихъ деньгахъ“. Энгельгардтъ прибавляетъ, что таковой поступокъ изумилъ мусульманъ. Еще бы не изумить!

Многіе были, конечно, въ восторгѣ отъ придворной жизни екатерининскихъ временъ. „Ахъ, славное то было время,— вспоминаетъ графъ Рибопьеръ,—и какъ глупо старались время это впослѣдствіи унизить! каждый чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. Высшее общество далеко было не то, какимъ оно сдѣлалось впослѣдствіи. Всѣ крѣпко держались другъ за друга. Нелегко было въ общество попасть: нужна была для этого особенная милость государыни, или особенныя личныя качества“. Рибопьеръ говоритъ, что „кто не жилъ въ это время, не можетъ составить понятія о томъ, каково было положеніе князя Потемкина, или даже князя Зубова. Передъ ними преклонялись не изъ подлости, а по уваженію къ выбору государыни, по той религіозной привязанности, которую всѣ къ ней ощущали“ [12]). Энгельгардтъ пишетъ, что при Екатеринѣ II вообще „жили вольно и пріятно, безъ всякаго принужденія“, въ особенности при Потемкинѣ. Не всѣ были такого мнѣнія. Князь Ѳ. Н. Голицынъ слѣдующимъ образомъ отзывается о дворѣ Екатерины II: „Если человѣкъ, скажу шутливо, захочетъ себя сохранить нетлѣннымъ, надобно при входѣ присвоить себѣ ненарушимыя правила. Безъ сей предосторожности, черезъ годъ, черезъ два, найдешь въ себѣ удивительную перемѣну. Я сказалъ правила, но какія? Разумъ, честь и совѣсть. Тутъ они на сильномъ опытѣ“ [13]). 26 ноября 1767 года Шерлей доносилъ своему правительству: „Для человѣка, не привыкшаго съ малолѣтства къ низкой лести, ничто не можетъ быть труднѣе, какъ вести переговоры при этомъ дворѣ“ [14]). Макартней (правда, раздраженный неудачею своей дипломатической миссіи) писалъ герцогу Графтону: „Гордость нераздѣльна съ невѣжествомъ, и потому ваша милость не удивитесь, если дѣйствія этого двора часто проникнуты гор-

достью и тщеславіемъ“. По словамъ англійскаго посланника, „въ разговорѣ съ русскими министрами упоминать о Гроціи и Пуффендорфѣ было бы все равно, какъ толковать о Кларкѣ и Тиллотсонѣ съ константинопольскимъ диваномъ“ [15]). „Внутренность этого двора, писалъ 1 мая 1778 года лордъ Мальмсбюри, представляетъ зрѣлище интригъ, происковъ, разврата и испорченности“ [16]).

Отзывы самой императрицы Екатерины и факты, извѣстные изъ другихъ источниковъ, подверждаютъ мнѣніе Мальмсбюри. Императрица жалуется, напримѣръ, Храповицкому [17]) на „боярское несогласіе“, которое мѣшаетъ дѣламъ. 23 мая 1789 года она говоритъ своему секретарю, что боится хвалить публично вице-адмирала Козляинова, „чтобъ не сдѣлать завистниковъ“. Подъ 3 января того же года Храповицкій занесъ въ своей дневникъ слѣдующее: „Вопросъ о княгинѣ Вяземской, поѣхавшей въ Москву, для дочери, вступившей въ фамилію графовъ Толстыхъ, и для графа Н. П. Шереметева, печалящагося о смерти отца, коего хотѣла привезть сюда. Она поѣхала обирать московскихъ купцовъ. Oh! comme je la connais“. Подъ 10 августа 1789 года у Храповицкаго написано: „Фаэта (Лафайета), comme un ambitieux, взяла бы къ себѣ и сдѣлала своимъ защитникомъ! Замѣть что дѣлала здѣсь съ восшествія?“ 26 февраля 1792 года „изволила Ея Величество говорить со мной,—отмѣчаетъ Храповицкій,—увидя Александра Андреевича Беклешова въ уборной: чего онъ хочетъ? Эти генералъ-губернаторы сосутъ пальцы свои, чтобъ выискать до меня дѣло; они хороши только на своемъ мѣстѣ“. Въ письмѣ къ князю Волконскому, отъ 25 сентября 1773 года, Екатерина говоритъ о „дерзкомъ болтунѣ“, П. И. Панинѣ, и прибавляетъ: „Но какъ богатствомъ я брата его осыпала выше его заслугъ на сихъ дняхъ, то чаю, что и онъ его уйметъ же, а домъ мой очистится отъ каверзъ“.

Приведенныя слова императрицы придаютъ большую вѣроятность разсказу извѣстнаго ювелира Позье, которому русскіе вельможи часто не платили денегъ. „Однажды я, говоритъ Позье, вошелъ въ комнату императрицы довольно разстроенный. Она это замѣтила и спросила, что со мною? Я отвѣтилъ ей, что сожалѣю, что она не окружена болѣе честными людьми. Знаю, знаю, отвѣчала она: но не могу безъ

этихъ людей обойтись" [19]). Другой современникъ, Гарновскій, говорилъ (въ 1788 году), что „одни лѣнивые не повелѣваютъ. Всякой лѣзетъ съ чѣмъ хочетъ, всякой называетъ себя спасителемъ отечества и старается уменьшить цѣну дѣяніямъ людей несравненно превосходнѣе и полезнѣе себя" [20]). Какъ грубы были нравы людей, занимавшихъ первенствующее мѣсто въ государствѣ, объ этомъ даетъ понятіе разсказъ Энгельгардта. Потемкинъ, разсердившись на князя В. В. Долгорукова, у себя за обѣдомъ, схватилъ его за георгіевскій крестъ и сталъ дергать. „Какъ ты смѣешь,—кричалъ свѣтлѣйшій князь,—защищать его (Кречетникова, который прислалъ невѣрное извѣстіе о сдачѣ шведскаго флота), ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время штурма Очаковскаго струсилъ!" Уличивши самого себя въ возмутительномъ злоупотребленіи властью, Потемкинъ подходитъ къ присутствовавшимъ на обѣдѣ австрійскимъ генераламъ и вѣжливо извиняется: „Pardon, messieurs, je me suis oublié; je connais ma nation et je l'ai traité comme il mérite" [21]). Екатеринѣ приходилось останавливать прихоти Потемкина, который доходилъ до нарушенія основныхъ требованій гражданскаго долга. Онъ хотѣлъ, напримѣръ, назначить инспекторомъ въ армію какого-то глупца, за женою котораго ухаживалъ. Императрица предостерегаетъ, что толку изъ ухаживанья не будетъ, и прибавляетъ: „Позволь сказать, что рожа жены его, какова ни есть, не стоитъ того, чтобы ты обременялъ себя такимъ человѣкомъ, который въ короткое время тебѣ будетъ въ тягость" [22]). При Потемкинѣ былъ произведенъ рекрутскій наборъ *съ женами*, и эти женатые рекруты вмѣсто Крыма поселены были въ деревняхъ князя и его любимцевъ [23]). Дальше въ злоупотребленіяхъ идти было некуда.

„Въ высшихъ сферахъ, говоритъ г. Дубровинъ, считалось недостаткомъ, если женщина обходилась безъ любовника, и потому каждая изъ нихъ имѣла своего *болванчика*, а иногда и нѣсколькихъ". Бантышъ-Каменскій писалъ Куракину: „Разсматривая онъ (графъ К. Г. Разумовскій) нѣкогда въ залѣ своей картины, когда дошелъ до изображенія Соломона, приносящаго идоламъ жертву въ присутствіи своихъ любовницъ, съ воздыханіемъ изрекъ сіи слова: мы всѣ Соломоны!" Графъ (впослѣдствіи князь) Безбородко платилъ

ежемѣсячно италіанской пѣвицѣ Давіа по 8,000 рублей золотомъ, при отъѣздѣ ея въ Италію подарилъ деньгами и бриллььянтами на 500,000 рублей. Въ то же время онъ имѣлъ много другихъ любовницъ. Танцовщицѣ Ленушкѣ Безбородко подарилъ пожалованный ему Павломъ городъ (упраздненный) Рожественъ, который приносилъ 80,000 рублей доходу, и домъ въ Петербургѣ; выдавая танцовщицу замужъ, канцлеръ исходатайствовалъ ея мужу чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника [24]). Щербатовъ свидѣтельствуетъ, что Г. Г. Орловъ не пропускалъ ни одной фрейлины, а піита Петровъ возвѣщалъ въ одѣ графу, что послѣдній—

„Блюститель строгаго Зенонова закона
И стоикъ посреди великолѣпій трона.

По отъѣздѣ императрицы на югъ, Завадовскій писалъ графу Воронцову: „Въ Петербургѣ водворилась тишина. Все пошло порядочно и такъ спокойно, что примѣтить нельзя было, правитъ ли кто городомъ. Низкость, подлость, лицемѣріе, ласкательство, ложь и хитрость, вѣчные сопребыватели двору, отъ невскихъ береговъ на струю днѣпровскую переселились“. Дворъ отличался кромѣ того жестокостью и цинизмомъ. Императрица принуждена была многократно подтверждать указами, чтобы не били придворныхъ ливрейныхъ служителей, „какого бъ званія ни былъ“, и выражать „омерзеніе къ суровостямъ, отъ невѣжества рожденнымъ и выдуманнымъ“ [25]). Но сама власть прибѣгала къ мѣрамъ жестокости. Такъ Массонъ сообщаетъ, что графиня Elmpt (?) и дѣвица Бутурлина (потомъ въ замужествѣ Дивова) были наказаны розгами, въ присутствіи другихъ флейлинъ, за каррикатуры и стихи на Екатерину и Потемкина [26]). „У насъ вездѣ,—пишетъ въ Лондонъ С. Р. Воронцову Ростопчинъ отъ 1 декабря 1793 года,—опять даютъ домашніе спектакли, нерѣдко въ ущербъ благопристойности; такъ намедни у князя Долгорукова произносили вещи, едва терпимыя на ярмаркахъ; но говорятъ: нужно повеселиться“. 5 ноября 1796 года Ростопчинъ писалъ Воронцову: „Вы удивитесь, узнавъ, что старый генералъ Мелиссино, получивъ черезъ Зубова Владимірскую ленту, поцаловалъ ему руку“ [27]). А извѣстный оспопрививатель Димсдель, задаренный и обласканный въ России (1768—1769 гг.), писалъ слѣдующее: „Я могу совершенно

удостовѣрить, что знатныя лица (въ Россіи) вѣжливы, великодушны и честны и, что покажется еще болѣе страннымъ, весьма умѣренны въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ" [28]).

Роскошь и развратъ сползали сверху и распространялись въ глубинѣ русскаго общества. Современникъ отмѣчаетъ въ 1769 г., въ провинціи: „Роскошь, хотя и не повсемѣстно, но уже водворялась; трактиры, и нѣмецкій, и греческій не бывали пусты; шинки тоже не напрасно заводились, особенно гдѣ были пригожія хозяйки или наймички" [29]). Примѣру вельможъ слѣдовали дворяне, за ними тянулись и другіе классы. Винскій, который имѣлъ личныя основанія враждебно относиться къ екатерининскимъ порядкамъ, видитъ повсюду распутство, долги, ростовщичество и другіе пороки „благородной черни". Онъ замѣчаетъ, что вліяніе Вольтера, Руссо и другихъ энциклопедистовъ было довольно значительно въ высшихъ слояхъ русскаго общества, „но, прибавляетъ Винскій, нравы по сему же хотя начинали умягчаться, но съ тѣмъ вмѣстѣ и распутство становилось виднѣе". Административныя и судебныя преобразованія въ Оренбургскомъ краѣ, куда судьба загнала Винскаго, оказали по его свидѣтельству замѣтное и благодѣтельное вліяніе на мѣстную среду, благодаря улучшенію въ самихъ учрежденіяхъ и появленію новыхъ, сравнительно болѣе образованныхъ людей, чѣмъ старые оренбургскіе чиновники. „Открытіе же въ Уфѣ намѣстничества его болѣе доставило сему краю людей весьма порядочныхъ, такъ что грубость и скотство, прежде здѣсь господствовавшія, тотчасъ принуждены были уступить мѣсто людской вѣжливости и другимъ качествамъ, свойственнымъ благоустроеннымъ обществамъ". Но этотъ отзывъ относится только къ главнымъ представителямъ мѣстнаго управленія и общества. О массѣ провинціальнаго дворянства Винскій говоритъ въ очень суровыхъ выраженіяхъ: „Дворяне почитаютъ невѣжество своимъ правомъ. Человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ обѣгается". Винскій во многомъ осуждаетъ законодательство. „Законъ, запрещающій дворянскимъ людямъ ни въ какомъ случаѣ имѣть голоса противъ своихъ господъ, дѣлаетъ ихъ истинными безотвѣтными скотами, покорность коихъ по сему дальше всякія вѣроятности, какъ и звѣрство

ихъ властелиновъ". Жалованныя грамоты дворянству и городамъ, по мнѣнію Винскаго,—пыль въ глаза Европѣ, потому что императрица знала, что изъ этого ничего не выйдетъ. „Во всѣхъ собраніяхъ дворянства, кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ, никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо". „Люди благонамѣренные, съ знаніями и душами, или правительствомъ подъ различными видами устраняемы, или, ежели случались въ оныхъ, были заглушаемы кликами черни". Свидѣтельство другаго современника вполнѣ подтверждаетъ слова Винскаго. Болотовъ, описывая большой съѣздъ дворянъ, бывшій въ 1785 году при переоброчкѣ богородицкихъ земель, такъ характеризуетъ времяпровожденіе съѣхавшихся: „пьянство, буянство, собираніе бабъ, скачка, пляска и всякія гадости и безпутства". Послѣ жалованной грамоты дворяне поспѣшили разъѣхаться отъ службы по деревнямъ. И Болотовъ отмѣчаетъ въ 1789 году: „Такого великаго множества дворянскихъ домовъ, повсюду съ живущими въ нихъ хозяевами, какъ нынѣ, тогда (въ елизаветинское время) нигдѣ не было" [30]).

Болотовъ не хотѣлъ попасть депутатомъ въ екатерининскую коммиссію. „Я власно какъ предвидѣлъ, пишетъ онъ, что изъ всего сего великаго предпріятія ничего не выйдетъ. что грома надѣлается много, людей оторвется отъ домовъ множество, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздора будетъ много, а дѣла изъ всего того не выйдетъ никакого и все кончится ничѣмъ; а потому и не хотѣлось мнѣ для сего разставаться съ милою своею и столь для меня блаженною деревенскою жизнію" [31]). При дворянскихъ выборахъ, говоритъ Болотовъ, происходила наглая несправедливость. Г. Романовичъ-Славатинскій указываетъ на то, что „иностранцы, посѣщавшіе Россію въ концѣ прошлаго столѣтія, обратили вниманіе на рабскую зависимость дворянскихъ собраній отъ генералъ-губернаторовъ" [32]). Тѣмъ не менѣе сословный духъ былъ довольно силенъ. Онъ ярко выражается въ наказахъ, которые дворяне давали своимъ депутатамъ въ знаменитую коммиссію. Можайское дворянство, напримѣръ, желало, чтобы за безчестье дворянина взыскивалось не такъ, какъ за безчестье лицъ другихъ сословій, „ибо дворянство честь свою съ деньгами равнять не могутъ" [33]). Наказъ дворянъ Коломенскаго уѣзда предла-

галъ назначать секретарями воеводскихъ канцелярій не оберъ-офицеровъ, „ибо тогда воевода можетъ таковаго, не имѣющаго офицерскаго ранга, за его по дѣламъ лѣность и неисправность, штрафовать палкою и сажать въ желѣза“. Депутатъ отъ курскаго дворянства говорилъ въ собраніи такимъ образомъ: „Понятно всякому, что въ обширной монархіи надобно быть особливому роду, который бы имѣлъ обязанность служить государству, и изъ своей среды замѣщать власти среднія, поставленныя между государемъ и народомъ, и который, будучи предназначенъ къ тому природою, воспитывался бы въ правилахъ и знаніяхъ приличныхъ тому состоянію, какое онъ въ государствѣ занимать будетъ, и предметомъ своего награжденія ставилъ бы только честь и славу, оставляя изъ вида покой и обогащеніе“ [34]). Въ защиту дворянскихъ привиллегій пламенныя рѣчи произносилъ князь Щербатовъ. Но дворянскія воззрѣнія и требованія были не высокаго достоинства и страдали грубымъ своекорыстіемъ. Такъ, наказъ крапивенскаго дворянства говоритъ о необходимости „быть ученымъ священникамъ для проповѣди и знанія свѣтскихъ законовъ“; наказъ высказывается за обученіе грамотѣ крестьянскихъ дѣтей, „отъ чего впредь уповательно, подлый народъ просвѣщенный разумъ имѣть будетъ“. Но этотъ же наказъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее предложеніе: „Для скорѣйшаго рѣшенія, а злодѣевъ искорененія, въ страхъ другимъ, не повелѣно ль будетъ по прежнему быть въ уѣздныхъ городахъ розыскамъ и экзекуціямъ; а увѣщеванія не повелѣно ль будетъ отмѣнить, для того, что подлый народъ не ученъ и не знающій закона, и отъ увѣщеванія истины не объявитъ; отъ чего умножилось разныхъ злодѣевъ; а повелѣно бъ было по прежнему розыскивать“. Дворяне Ярославскаго уѣзда просятъ не пытать дворянина, а наказъ дворянъ Верейскаго уѣзда настаиваетъ на суровыхъ мѣрахъ противъ раскольниковъ, спрашиваетъ у императрицы средствъ „оныхъ богопротивныхъ, святою церковью нетерпимыхъ и обществу зломыслящихъ раскольниковъ вовсе истребить“. Верейскіе дворяне просятъ возстановить смертную казнь разбойникамъ и татямъ, а также назначать ее за взяточничество. Дворяне суздальской провинціи желаютъ „пріумножить истязанія“ убійцамъ и грабителямъ [35]). Слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ преступленіяхъ дворяне

принимали весьма значительное участіе. Г. Дубровинъ приводитъ многочисленныя указанія на дворянъ, занимавшихся грабежомъ, корчемствомъ, поддѣлкою денегъ, и т. п. „Въ концѣ XVIII столѣтія 101 человѣкъ тамбовскихъ дворянъ были подъ судомъ и большинство ихъ судилось за взятки, буйство, грабежи и воровство“ 36). Споры при межеваніи нерѣдко переходили въ кровавыя столкновенія, а вооруженные наѣзды помѣщиковъ другъ на друга были обычнымъ явленіемъ.

Дворяне не оставляли изъ вида, вопреки завѣреніямъ курскаго депутата, „покой и обогащеніе“. Глѣбовъ писалъ императрицѣ, 20 февраля 1764 года, прося у нея пожалованій: „Лучшее что къ удовольствію всего дворянства тогда учреждено, была винная поставка, чѣмъ многіе и пользовались; но и та за долго моей свадьбы разными персонами, якъ то: сенаторами, штатскими, придворными и военными разобрана была“ 37). Администрація, въ столицахъ и въ провинціи, состоявшая изъ дворянъ, отличалась произволомъ и лихоимствомъ. Соловьевъ приводитъ свѣдѣнія о страшномъ взяточничествѣ калужскаго воеводы Мясоѣдова, смоленскаго губернатора Аршеневскаго, симбирскаго воеводы князя Назарова. Епископъ Порфирій жаловался на коломенскаго воеводу Ивана Орлова: пьянствуетъ, самовольно уѣхалъ въ Москву на маскерадъ, никому не сдавши дѣлъ 38). Болотовъ сообщаетъ вопіющія подробности о взяточничествѣ при рекрутскихъ наборахъ. Тамбовскій воевода Коломнинъ на смертномъ одрѣ отказывался подписать безъ взятки бумагу. Его преемникъ Мосоловъ былъ совсѣмъ грабитель: „какъ скоро приведутъ вора или разбойника, то, не водя въ канцелярію, призоветъ его къ себѣ, разспроситъ его, откуда онъ, кто въ тѣхъ деревняхъ богатые и зажиточные мужики и жители, и сихъ людей велитъ ему оговорить, обѣщая самого за то его освободить. Воръ то и сдѣлаетъ, и воевода, призвавъ его къ себѣ, и выпуститъ его другимъ крыльцомъ на волю, а тѣхъ бѣдныхъ людей разоритъ и ограбитъ до основанія“. За сто рублей Мосоловъ обѣщалъ освободить отъ рекрутчины сына одного богатаго крестьянина. Мужики, проученные опытомъ, не пустили рекрута къ воеводѣ, а привезли его прямо въ присутствіе. Но Мосоловъ черезъ отца рекрута надоумилъ его сначала

упорно не отвѣчать на вопросы, а потомъ обругать самого воеводу. Услышавъ эту брань, Мосоловъ притворился взбѣшеннымъ, рекрута выгналъ, а отдачниковъ перепоролъ: зачѣмъ привезли безумнаго [39]). Понятна поэтому скорбная жалоба, поданная императрицѣ въ 1794 году крестьянами села Пскова Спасской округи тамбовскаго намѣстничества на исправника и другихъ властей, въ томъ числѣ „економъ. директора" и губернатора. „Матъ нашимъ головушкамъ,— писали крестьяне,—приходитъ домишки покидать. Помилуй насъ бѣдныхъ, Христа ради и Пречистой Богородицы" [40]). Въ октябрѣ 1774 года Петръ Ивановичъ Панинъ писалъ своему брату изъ Симбирска: „мятежъ прекращенъ; канцелярское и ихъ служителей многоможіе, во мздоимствахъ и въ пригибаніи всѣхъ дѣлъ отъ истины къ случаямъ сильныхъ, воспріяло жъ прежнюю свою силу и теченіе. Но чтобъ сіе брату вашему передѣлывать, то надобно всему оному напередъ перемѣниться не въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ съ казначеями и управителями, но въ ихъ источникахъ, до которыхъ можно напередъ самому десять разъ шею сломить, не исправя въ томъ ничего" [41]).

„Вино и званые обѣды заполняли пустую и праздную жизнь испорченнаго вѣка", говоритъ г. Дубровинъ. Онъ забылъ въ этомъ случаѣ упомянуть про игру, въ особенности картежную, которая развивалась, не смотря на борьбу противъ нея законодательства. Энгельгардтъ утверждаетъ, впрочемъ, что „игры азартныя хотя закономъ были запрещены, но правительство на то смотрѣло сквозь пальцы". Сама императрица во всякомъ случаѣ боролась съ этимъ зломъ. Письмомъ къ московскому главнокомандующему Измайлову, отъ 7 августа 1795 года, Екатерина предписывала коллежскихъ ассесоровъ Іевлева и Малимонова, секундъ-майора Роштейна, подпоручика Волжина и секретаря Попова, за нечистую игру, сослать въ уѣздные города Вологодской и Вятской губерній, подъ присмотръ городничихъ, „внеся при томъ имена ихъ въ публичныя вѣдомости, дабы всякъ отъ обмана ихъ остерегался". Тутъ дѣло шло, конечно, о шулерскихъ продѣлкахъ. У Волжина было отобрано векселей, ломбардныхъ билетовъ и закладныхъ на 159,000 рублей, кромѣ того много брилліантовыхъ и золотыхъ вещей. Все это приказано, „яко стяжаніе неправеднымъ образомъ снисканное

и ему непринадлежащее, отдать въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія Московской губерніи на употребленія полезныя и богоугодныя" [42]). Въ томъ же году Бантышъ-Каменскій писалъ Куракину: „У насъ сильный идетъ о картежныхъ академикахъ переборъ. Ежедневно привозятъ ихъ къ Измайлову. Дѣйствіе сіе въ моихъ глазахъ, ибо намѣстникъ возлѣ меня живетъ. Есть и дамы... Basta"! Черезъ нѣсколько дней онъ сообщалъ: „Академики картежные, видя крѣпкой за собою присмотръ, многіе по деревнямъ скрылись" [43]). Но сильная игра велась и при дворѣ императрицы Екатерины II. Иностранцы свидѣтельствуютъ, что въ высшемъ обществѣ карточные долги на честное слово сплошь и рядомъ не уплачивались [44]). Игра очень распространилась и въ провинціи. По словамъ Болотова (1770 годъ), дворянству жилось весело: „съѣзды были отмѣнно велики и забавны, и мы такъ къ играмъ симъ, особливо карточнымъ, привыкли, что истинно снились онѣ намъ даже во снѣ и намъ уже скучно безъ нихъ было". Не надо забывать, что это говоритъ одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе образованныхъ русскихъ помѣщиковъ второй половины прошлаго вѣка. Въ его запискахъ нерѣдко встрѣчаются извѣстія о тѣлесныхъ наказаніяхъ, которымъ онъ подвергалъ крестьянъ, — и это дѣлалъ умный и чувствительный человѣкъ, а каковы были злоупотребленія помѣщичьею властью, объ томъ краснорѣчиво говорятъ свѣдѣнія, собранныя Соловьевымъ и авторомъ книги „*Крестьяне въ царствованіе Екатерины II*". Первый изъ этихъ историковъ, приведя „скорбный листъ" дворянскихъ преступленій, замѣчаетъ: „Этотъ скорбный листъ можетъ быть объясненъ скороспѣлымъ указомъ Петра III, которымъ позволялось дворянамъ выходить въ отставку, когда захотятъ. На службѣ человѣкъ и съ дурными наклонностями сдерживался дисциплиною служебною, не могъ предаваться праздности, сдерживался самимъ обществомъ, въ которомъ постоянно долженъ былъ находиться и которое необходимо расширяло его умственную сферу, увеличивало количество высшихъ интересовъ, развивало его" [45]).

Праздная, разгульная и циническая жизнь русскихъ помѣщиковъ прошлаго вѣка хорошо извѣстна. Г. Семевскій, приведя длинный списокъ мучителей-помѣщиковъ и замученныхъ крестьянъ, говоритъ слѣдующее: „Мы невольно

поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ представителей господствующаго сословія. Въ нравственномъ отношеніи они гораздо ниже тѣхъ, надъ кѣмъ имъ приходится властвовать, въ умственномъ — нисколько не выше ихъ: они также вѣрятъ въ колдуновъ, въ то, что посредствомъ какого-нибудь корешка можно „приворожить" человѣка, что „еретица" не можетъ выговорить *да воскреснетъ Богъ*" [46]). Не было такого преступленія, не было такого звѣрства и насилія, котораго бъ не испытали крестьяне отъ своихъ помѣщиковъ. Почти неограниченное самовластье послѣднихъ развращало ихъ, развращало и подвластныхъ крѣпостныхъ.

Не къ добру послужило дворянству и учрежденіе для него дешеваго и долгосрочнаго кредита. Двадцать милліоновъ, выданные помѣщикамъ, повели, какъ свидѣтельствуютъ современники и подтверждаетъ исторія, къ еще большему развитію роскоши и къ раззоренію дворянства. При слабости умственныхъ интересовъ сословія, при бѣдности знаніями, при полномъ почти отсутствіи гражданскихъ, общественныхъ идеаловъ, иначе, разумѣется, и быть не могло. Деньги были истрачены безъ толку, очень часто на грязныя удовольствія, сельское хозяйство нисколько не было улучшено, на имѣнія же легъ значительный долгъ.

II.

Послѣ дворянства наибольшимъ вліяніемъ на ходъ управленія и на состояніе нравовъ имѣло духовенство, высшее, разумѣется, потому что приходское большимъ значеніемъ не пользовалось. При Екатеринѣ II роль духовенства, сравнительно съ временемъ Елизаветы Петровны, стала менѣе важною. Митрополитъ Платонъ такъ, напримѣръ, говорилъ о проповѣдяхъ: „Было ихъ время при Елизаветѣ Петровнѣ: надобно было тому щелчка дать, другаго съ рукъ сбыть,— къ проповѣднику! Тотъ съ каѳедры отправлялъ прямо въ геенну такого царя, въ которомъ милость не соглашалась съ правосудіемъ и оттого не скоро карала злодѣевъ. Иной приговоръ до проповѣди не одинъ годъ лежалъ на столѣ; послѣ проповѣди съ приложеніемъ руки сходилъ со стола" [47]). Извѣстна суровая расправа Екатерины II съ Арсеніемъ Ма-

цѣевичемъ [48]). Императрица выразила графу Бестужеву-Рюмину сильное неудовольствіе за его заступничество въ этомъ дѣлѣ и прибавила, вопреки исторической правдѣ: „Прежде всего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали“ [49]). Но высшее духовенство сохранило однако не маловажное значеніе, неразлучное съ его высокимъ призваніемъ, и люди, одаренные умомъ и волею, какъ митрополитъ Платонъ, создавали себѣ достойное положеніе по отношенію къ свѣтской власти [50]). Бѣда заключалась въ томъ, что епархіальныя каѳедры часто занимали люди необразованные или безнравственные. Г. Опатовичъ (священникъ) такъ характеризуетъ высшее духовенство XVIII вѣка: „Епархіальное начальство въ своихъ подчиненныхъ больше всего цѣнило смиреніе и кротость, подъ которыми весьма легко скрываются раболѣпство и нравственная низость; не уважало чувства собственнаго достоинства, считая его гордостью, и потому неблагосклонно смотрѣло на просьбы духовенства о защитѣ отъ оскорбленій, а начальнику и господину его писецъ или лакей были гораздо дороже какого-то кладбищенскаго попа [51]). Добрынинъ [52]) сообщаетъ, что сѣвскій архіерей Кириллъ часто бранился въ церкви, билъ кулакомъ по зубамъ священниковъ и церковно-служителей, вырывалъ волосы клоками, поджигалъ бороды. Преосвященный Кириллъ задавалъ богатырскіе пиры. Однажды на своихъ именинахъ онъ до того напоилъ брянскаго протопопа, что тотъ забѣжалъ въ конюшню и только восклицалъ: „Архипастырь Божій! Помилуй! я пить не хочу“! Этотъ же архіерей въ Орлѣ, во время проповѣди, плевалъ черезъ налой и называлъ старообрядцевъ с....ми сынами. О подвигахъ Кирилла много разсказываетъ Добрынинъ. Ограничусь однимъ фактомъ. Разъѣзды архіерея по епархіи сопровождались обыкновенно сильнымъ пьянствомъ. Въ одинъ изъ такихъ объѣздовъ молодой помѣщикъ Сафоновъ, у котораго остановился Кириллъ, хотѣлъ травить послѣдняго собаками. Кириллъ поспѣшилъ уѣхать. На другой день, отрезвившись, Сафоновъ погнался за архіереемъ, чтобы просить у него прощенія. На пути, въ избѣ, Кириллъ и Сафоновъ опять напились, опять помѣщикъ сталъ травить архіерея собаками и тотъ снова ускакалъ.

Въ концѣ царствованія Екатерины II могилевскій епископъ Аѳонасій Вольховскій едва умѣлъ читать. Онъ былъ назначенъ на эту каѳедру, особенно важную вслѣдствіе необходимости бороться съ вліяніемъ католическаго духовенства, по просьбѣ матери канцлера графа Безбородко. Епископъ вятскій Лаврентій насильно загонялъ въ церковь раскольниковъ, чтобы обращать ихъ въ православіе [53]). Въ монастыряхъ совершались нерѣдко возмутительныя преступленія, производившія крайне пагубное вліяніе на народные нравы [54]). Взяточничество въ консисторіяхъ было обычнымъ явленіемъ, противъ котораго сильно и малоуспѣшно вооружались лучшіе іерархи русской церкви, напримѣръ, архіепископъ тверской, впослѣдствіи митрополитъ московскій Платонъ [55]). Состояніе приходскаго духовенства (сельскаго) было крайне тяжело. Въ отношеніи къ окружающимъ помѣщикамъ сельскій священникъ находился въ весьма зависимомъ положеніи. Каждый помѣщикъ былъ для него бариномъ, и священникъ Матусевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ и выражается. Приходилось кланяться барину, чтобы получать подачки, безъ которыхъ прожить было невозможно [56]). Нельзя перечислить всѣ виды униженія, которымъ подвергалось низшее духовенство и отъ высшихъ служителей церкви,—которые, какъ тобольскій митрополитъ Павелъ Котоскевичъ, не вѣрили въ обращеніе земли вокругъ солнца, — и отъ мѣстныхъ дворянъ, и отъ администраціи. „Плети, кулачная расправа и розги были обыкновенными явленіями среди духовенства, и рѣдкій священникъ не испытывалъ на себѣ того или другаго вида наказаній“ [57]). Забитый сельскій священникъ, который сплошь и рядомъ терпѣлъ горькую нужду, не могъ имѣть большаго и добраго вліянія на крестьянское населеніе; но его интересы были близки съ интересами послѣдняго, и по этому въ пугачевскомъ бунтѣ сельское духовенство принимало замѣтное участіе [58]). Петръ Ивановичъ Панинъ, во время этого бунта, доносилъ императрицѣ, что „во всей здѣшней сторонѣ, гдѣ я теперь обращаюсь, чинъ церковный еще погруженъ въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіянствѣ“ [59]). Лихоимство церковныхъ властей велось вполнѣ систематически. Секретарь ярославской консисторіи установилъ даже „лихоимственную таксу“. За переводъ изъ одной церкви въ поно-

мари къ болѣе доходной полагалось, напримѣръ, 15 руб., за оставленіе безъ наказанія за дерзкія слова—40 руб., за обѣщаніе не показывать въ вѣдомостяхъ порочными—50 р., и т. д. [60]). Мудрено укорять въ грубости провинціальное духовенство, когда въ столицѣ происходили такія сцены: протоіерей Успенскаго собора, Александръ Левшинъ, 23 іюня 1778 г., при крестномъ ходѣ, обругалъ протоіерея Архангельскаго собора, Петра Алексѣева, приказалъ сторожамъ вытолкать его, самъ грозилъ палкою. Императрица пишетъ по этому поводу московскому главнокомандующему, князю Михаилу Никитичу Волхонскому, что на первый разъ, за прежнія заслуги, прощаетъ Левшина [61]).

Соловьевъ справедливо замѣчаетъ, что правительство могло содѣйствовать смягченію грубости нравовъ, преслѣдуя ея проявленія въ сферахъ административной и судебной [62]), и въ этомъ отношеніи Екатериною II сдѣлано не мало усилій, преимущественно въ первые годы ея царствованія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Купецъ Михаилъ Поповъ обличилъ короннаго повѣреннаго Хлѣбникова въ накладываніи лишнихъ денегъ за вино. Попова арестовали и начали тянуть дѣло въ камеръ-коллегіи. Купецъ не выдержалъ и разъ сгоряча сказалъ: „нѣтъ правосудія въ Государынѣ“! Попова немедленно отправили въ тайную экспедицію. Екатерина написала: „Неосторожныя слова Попова уничтожить, а его отослать въ камеръ-коллегію съ подтвержденіемъ о немедленномъ окончаніи его дѣла, дабы онъ видѣлъ, что есть правосудіе“ [63]). 15 марта 1774 г., въ разгаръ пугачевскаго бунта, императрица писала Бибикову: „при разспросахъ какая нужда сѣчь? Двѣнадцать лѣтъ тайная экспедиція подъ моими глазами ни одного человѣка при допросахъ не сѣкла ничѣмъ, а всякое дѣло начисто разобрано было и всегда болѣе выходило, нежели мы желали знать“ [64]). Храповицкій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, 14 ноября 1787 г.: „О Пассековой, при разборѣ почты: она бы при императрицѣ Аннѣ высѣчена была кнутомъ, а при императрицѣ Елисаветѣ сидѣла бы въ тайной: есть такія письма, кои надлежало сжечь и не можно было отдать Шешковскому“. Нельзя не признать значительной доли правды въ слѣдующихъ словахъ Добрынина: „Въ дни безсмертные Екатерины II, ея дѣянія и ея законы: не бить дворянина, священно-

служителя, гражданина, не бить, безъ суда, мѣщанина и простолюдина,—ежели не истребили, по крайней мѣрѣ, поколебали, ослабили и уменьшили насиліе и варварство сильныхъ и богатыхъ". Но къ концу царствованія Екатерины II злоупотребленія этихъ сильныхъ возросли до необычайныхъ размѣровъ, а крайняя подозрительность, развившаяся, между прочимъ, подъ вліяніемъ французской революціи, вела къ мѣрамъ произвольнымъ и жестокимъ.

Щербатовъ, въ *Письмѣ къ вельможамъ правителямъ государства* [65]), выражается такимъ образомъ: „Вижу нынѣ (около 1787 г.) вами народъ утѣсненный; имѣніе и жизнь гражданскую въ неподлинности; гордостью и жестокостью вашею лишенныя души ихъ бодрости, и имя свободы гражданской тщетнымъ учинившееся и даже отнятія смѣлости страждущему жалобы приносить". Щербатовъ говоритъ далѣе, что, какъ обыкновенное слѣдствіе утѣсненія,—„разумы придутъ въ ослабленіе, сердца въ уныніе, и нравы развратятся, и люди, желающіе своего щастія, немогши получить оное прямыми и законными путями, обратятся къ подлости и обману". Ростопчинъ писалъ Воронцову, 22 февраля 1796 г.: „Внутри страны происходятъ ужасы. Никогда еще преступленія не были такъ наглы, какъ нынѣ. Безнаказанность и дерзость дошли до крайняго предѣла" [66]). Не будемъ приводить сходныхъ мнѣній Державина и другихъ современниковъ, а также свѣдѣній о вопіющихъ злоупотребленіяхъ Зубовыхъ и ихъ любимцевъ [67]). Ограничимся однимъ отзывомъ, компетентности котораго невозможно оспаривать. Сама императрица, въ наставленіи наслѣднику и потомкамъ, по поводу дѣла Артемія Волынскаго написала слѣдующее: „Всегда Государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены; изволь мѣриться по сей аршинъ; а если кто изъ васъ, мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ съ уничтоженіемъ (?), такъ ему болѣе въ свѣтѣ и особливо въ россійскомъ счастья желать, нежели пророчествовать можно" [68]). А 10 мая 1796 года великій князь Александръ Павловичъ писалъ В. Б. Кочубею: „Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями; а между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ, напримѣръ, З. П. Б., оба С., М. и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и кото-

рые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся“. Великій князь приходитъ въ ужасъ отъ состоянія государства: „Въ нашихъ дѣлахъ, писалъ онъ, господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія“ [69]).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Про *Уложенiе* царя Алексѣя Михайловича, ярко и полно отразившее въ себѣ и стремленiя правительства, и народные нравы, Хмыровъ говоритъ, что оно—„кодексъ суровый, безпощадный, но который извиняло время и хвалили иноземцы Олеарiй и Майербергъ, переводчикъ *Уложенiя* на латинскiй языкъ“ [1]). Смертная казнь въ наиболѣе мучительныхъ видахъ и жестокiя тѣлесныя наказанiя грозятъ за многiя преступленiя по этому законодательному акту. Особенно карались преступленiя противъ вѣры, государевой чести и здоровья, а также преступленiя дѣтей противъ родителей, женъ противъ мужей. Дѣтямъ за убiйство родителей назначалась смертная казнь, а родителямъ за убiйство дѣтей только годъ тюрьмы и церковное покаянiе. А статья шестая главы двадцать второй объявляла, что дѣтямъ, которые били челомъ на отца и на мать, „ни въ чемъ суда не давати, да ихъ же за такое челобитье бити кнутомъ, и отдати ихъ отцу и матери“ [2]). По справедливому замѣчанiю Морошкина, въ эпоху *Уложенiя* наука, если она не прямо служила религiознымъ цѣлямъ, считалась дьявольскимъ изобрѣтенiемъ. Проф. Шпилевскiй говоритъ, что таково же было и отношенiе къ искусствамъ [3]).

Русское правительство второй половины XVII столѣтiя по прежнему старалось внушить народу грозное почтенiе къ власти, не останавливаясь передъ жестокими наказанiями за такiе проступки, которые, съ современной точки зрѣнiя, заслуживаютъ лишь легкаго взысканiя, а зачастую и сов-

сѣмъ не должны подлежать какой бы то ни было карѣ. Такъ именнымъ царскимъ указомъ въ 1664 году предписывается урѣзать языкъ Пронькѣ Казулину, если онъ дѣйствительно сказалъ, что Демка Прокофьевъ не господинъ, а царь Ивашки Татаринова [4]). Извѣстно, какъ жестоко преслѣдовались описки въ царскомъ титулѣ, которыя приравнивались къ оскорбленіямъ величества. Суевѣрное правительство вѣрило въ порчу, въ волхованіе и въ чары, какъ вѣрила въ это и темная масса народа; поэтому въ формулѣ присяги для лицъ, занимавшихъ придворныя должности, мы встрѣчаемъ такую припись:... „и въ ихъ государскомъ платьѣ (*припись къ присягѣ постельничему*, 1653 года), и въ постеляхъ, и въ изголовьяхъ, и въ подушкахъ, и въ одѣялахъ, и въ иныхъ во всякихъ государскихъ чинахъ никакова дурна не учинити и зелья и коренья лихова ни въ чемъ не положити, и никому положити не велѣти, того мнѣ всего оберегати на крѣпко". Лицъ, на которыхъ падало невѣжественное обвиненіе въ желаніи повредить чарами и зельями здоровью или жизни московскаго царя, постигала участь поистинѣ страшная: въ 1689 году, волхвы и чародѣи, умышлявшіе на здоровье великаго государя и матери его были сожжены въ срубѣ [5]). Въ этомъ отношеніи свѣтская власть въ Россіи до исхода XVII столѣтія, шла рука объ руку съ церковью, мѣрами принужденія и жестокими наказаніями поддерживая внѣшнее благочестіе, съ одной стороны, и подкрѣпляя, съ другой стороны, свой собственный авторитетъ благословеніемъ церковныхъ властей. Одною грамотою 1650 года предписывалось, напримѣръ, воздавать почести св. дарамъ, несомымъ къ больному. Если же окажутся неповинующіеся, — „и тѣхъ безстрашныхъ велѣно имати всякимъ людемъ, и по нашему указу такимъ невѣжамъ и безстрашникамъ велѣно чинить жестокое наказаніе и ссылать ихъ въ монастыри въ смиренье для исправленья въ ихъ безстрашіи, покамѣсть навыкнутъ имѣть страхъ Божій" [6]). Именнымъ указомъ 1 марта 1674 года повелѣвается ходить въ церковь, приносить покаяніе; „а которые (всякихъ чиновъ люди) къ церквамъ Божіимъ для моленія приходить и поститься не станутъ, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ наказаньѣ". Съ своей стороны, высшая церковная власть обращается къ татямъ, разбой-

никамъ и всякимъ воровскимъ людямъ, чтобы они передъ Богомъ и государемъ покаялись, причемъ обѣщается имъ прощеніе [7]). Патріархъ иногда обращался прямо съ указами къ второстепеннымъ представителямъ свѣтской власти, требуя отъ нихъ содѣйствія для приведенія въ исполненіе такихъ мѣръ, которыя имѣли въ виду достиженіе религіозно-нравственныхъ цѣлей. Такъ патріаршимъ указомъ 24 декабря 1684 года [8]) запрещается чинить игрища подъ Рождество Христово и въ продолженіе святокъ. Въ указѣ говорится, что по улицамъ въ это время ходятъ обыкновенно мущины и женщины, „преображающеся въ неподобная отъ Бога созданія, образъ человѣческій примѣняюще, бѣсовское и кумирское личатъ, косматые, и иными бѣсовскими ухищреньми содѣянные, образы на себя надѣвающе". Въ такомъ видѣ эти люди плясомъ и пѣніемъ и другими способами, по свидѣтельству благочестиваго патріарха, соблазняли православныхъ христіанъ. До чего немилосердна была наша церковь въ преслѣдованіи народныхъ игръ и забавъ, ясно видно изъ инструкціи патріарха Адріана [9]), который предписывалъ лишать церковнаго погребенія, наравнѣ съ самоубійцами, тѣхъ, кто „купаясь и похваляяся и играя утонетъ", наравнѣ съ убитыми на разбоѣ — тѣхъ, кто убьется съ качелей. Естественно, что отношенія церковной и свѣтской власти должны были значительно испортиться, когда новый царь самъ завелъ различныя игрища и ассамблеи.

Съ воцареніемъ Петра Великаго, правильнѣе—съ начала XVIII вѣка, — измѣняется и отношеніе власти къ народу. Царскимъ указомъ повелѣно: писаться во всѣхъ просьбахъ, жалобахъ и т. п. бумагахъ „цѣлыми именами съ прозваніями своими, а полуименами никому не писаться" [10]). Но различіе между высшими сословіями и *подлымъ народомъ* сидѣло еще крѣпко, и это выраженіе встрѣчается во многихъ указахъ [11]). Преобразователь шелъ наперекоръ многимъ народнымъ воззрѣніямъ и привычкамъ и прямо заявлялъ въ указѣ 5 ноября 1723 года, что народъ подобенъ дитяти: „не все ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ". Для оправданія образа дѣйствія царя, лишившаго престола своего сына, разгонявшаго дубинкою многое изъ того, что было дорого

и свято народу, потребовалась новая теорія, которая примиряла бы новую постановку царской власти съ исконными религіозными воззрѣніями русскаго общества. Такая теорія, какъ извѣстно, развивается въ „*Правдѣ воли монаршей*“, гдѣ самодержавная власть выводится изъ народной воли, за которою отрицается однако право постановить въ этомъ отношеніи новое рѣшеніе, „понеже (народъ) воли своей и власти лишился“ [12]).

Раздражаемый непрекращавшимися грубыми личными оскорбленіями и озлобленнымъ противодѣйствіемъ тому дѣлу, которому отдана была вся удивительная энергія Петра I, императоръ, подъ конецъ своего царствованія, сталъ строже относиться къ оскорбленіямъ величества. Но эти оскорбленія потому такъ близко къ сердцу принимались царемъ-преобразователемъ, что исходили отъ враговъ его новшествъ, были лишь особою формою осужденія петровскихъ реформъ. Со смертью Петра I обстоятельства мѣняются. Въ 1727 году выходитъ жестокій указъ, въ которомъ объявляется, что за непристойныя и противныя слова противъ членовъ императорскаго дома, „безъ всякихъ отговорокъ, учинена будетъ смертная казнь безъ пощады“ [13]). Иной разъ та форма почтенія къ верховной власти, которая требовалась указами, возбуждаетъ удивленіе современнаго читателя. 7 ноября 1740 года предписано было, напримѣръ, въ теченіе четверти года со дня смерти императрицы Анны Ивановны никого не вѣнчать въ Петербургѣ [14]). Но вліяніе европейскаго просвѣщенія чувствуется уже въ это грубое время. 7 апрѣля 1742 года издается указъ, который запрещаетъ отсылать писцовъ и рукоприкладчиковъ въ Тайную Канцелярію за неумышленную описку въ императорскомъ титулѣ [15]). За то Елизавета приказала „учинить жестокое *запрещеніе*“ писать портреты императрицы неискусно *невѣждамъ*. Въ этомъ случаѣ, говорило, надо думать, отчасти и женское тщеславіе. Ссылаясь въ собственныхъ указахъ на законодательство своего отца, какъ на образцовое, Елизавета во многихъ случаяхъ отступала тѣмъ не менѣе отъ основныхъ взглядовъ Петра Перваго. Послѣдній, вызывая на службу иностранцевъ, обѣщалъ имъ свободу вѣроисповѣданія. „Мы, говоритъ императоръ, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневолить не

желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“ [16]). Суровыя мѣры Петра противъ раскольниковъ имѣли политическій характеръ, были варварскимъ способомъ борьбы съ упорными защитниками ненавистной императору московской старины, какъ въ свою очередь расколъ доходилъ до варварской формы протеста противъ проклинаемыхъ имъ новшествъ, до самосожженій, напримѣръ. Рядъ указовъ, подтверждавшихъ требованіе „ходить на исповѣдь повсягодно“ [17]), имѣлъ косвенно тоже политическую или полицейскую цѣль. Конечно, Петру приходилось считаться съ религіозною ненавистью и съ тѣмъ укоренившимся взглядомъ, по которому свѣтская власть обязана была принудительно ограждать благочестіе гражданъ и благочиніе въ церквахъ. 8 декабря 1718 года объявляется штрафъ по рублю съ человѣка за неблагочиніе и разговоры во время церковнаго богослуженія. 16 іюля 1722 вновь предписывается священникамъ доставлять списки неисповѣдавшихся (за что взыскивались денежныя пени), и подтверждаются старыя предписанія ходить въ церковь по праздникамъ. Не смотря однако на эти и подобные указы, законодательство Петра Великаго носитъ явно свѣтскій характеръ, стремится освободить государство отъ слишкомъ тягостной зависимости отъ церкви и старается даже эту церковь поставить въ служебное по отношенію къ царской власти положеніе. Созданный Петромъ синодъ оказался, какъ это и имѣлось въ виду, менѣе авторитетнымъ и болѣе послушнымъ, чѣмъ были патріархи. Въ регламентѣ или уставѣ духовной коллегіи прямо указывается на вредныя послѣдствія народнаго воззрѣнія, приравнивавшаго патріарха царю и даже ставившаго перваго выше послѣдняго, хотя впередъ поставлено другое соображеніе: „Во-первыхъ бо извѣстнѣе взыскуется истина собранымъ сословіемъ, нежели единымъ лицемъ“, и т. д. Конечно, въ угоду Петру синодъ дозволилъ шведскимъ плѣнникамъ, бывшимъ въ Сибири, вступать въ браки съ православными, не перемѣняя религіи (дѣти должны были быть православными). Такое разрѣшеніе было дѣломъ неслыханнымъ до того времени, и синоду понадобилось длинное разъясненіе и оправданіе своего постановленія ссылками на Іакова, женившагося на дочери Лавана, и другими

благочестивыми примѣрами [18]). Императоръ иногда, пользуясь своею властью, для достиженія своихъ полицейскихъ цѣлей унижалъ церковь, оскорблялъ религіозныя убѣжденія народа. Синодскимъ указомъ 17 мая 1722 года священники обязывались, напримѣръ, заявлять о сказанномъ имъ на исповѣди намѣреніи совершить преступленіе. А въ патріаршемъ указѣ 21 іюня 1680 года было торжественно возвѣщено: „а что кто на исповѣди отцемъ своимъ духовнымъ въ покояніи сказываетъ, о томъ отцовъ духовныхъ не допрашиваютъ по правильному запрещенію и во свидѣтельство того не объявляютъ" [19]). Духовенство, значительная часть котораго, монахи въ собственности, стояла во главѣ недовольныхъ Петромъ, подвергалось со стороны послѣдняго разнообразнымъ и нерѣдко жестокимъ мѣрамъ предусмотрительности. Еще 31 января 1701 года монахамъ было запрещено писать въ кельяхъ, „понеже убо древнихъ отецъ преданіе бысть монаху ни что писати безъ повелѣнія начальнаго" [20]). Это запрещеніе впослѣдствіи подтверждалось и расширялось. Никто, говорится въ указѣ 1718 года, кромѣ учителей церковныхъ, не долженъ писать въ запертыхъ покояхъ. Знавшій объ этомъ, но недонесшій, если явится поврежденіе царскаго величества чести или какое возмущеніе, несетъ одинаковую казнь съ преступникомъ [21]).

Въ имущественномъ отношеніи Петръ Великій также, какъ извѣстно, не стѣснялся ни съ чернымъ, ни съ бѣлымъ духовенствомъ, прикрѣпивши и это сословіе на государеву службу. Здѣсь не мѣсто излагать подробно отношенія между свѣтскою и церковною властью при первомъ императорѣ, но указаніе на общій характеръ этихъ отношеній необходимо для уясненія того вліянія, которое имѣла преобразовательная дѣятельность Петра, и того сопротивленія и тѣхъ препятствій, которыя противостояли этой дѣятельности. Самъ царь колебался въ своихъ указахъ, то смягчая, то вновь обостряя борьбу, то пытаясь вступить, по примѣру прошлаго, въ тѣсный и неразрывный союзъ съ церковью. Послушное орудіе свѣтской власти, синодъ, издаетъ пастырское увѣщаніе, какъ надо относиться къ раскольникамъ: „открывайте укрывающагося и представляйте праведному суду государеву, якоже его императорскаго величества указы повелѣваютъ. Благодать Господа нашего Іисуса

Христа со всѣми вами. Аминь“ [22]). А *плутъ Өедосъ*, бывшій новгородскій архіерей Өеодосій, сочиняетъ особую формулу присяги, по которой присягаютъ и ему [23]). Превращая монастыри въ богадѣльни и больницы, Петръ, подъ конецъ своего царствованія, указалъ: „сумасбродныхъ и подъ видомъ изумленія бываемыхъ, каковые напредъ сего аки бы для исцѣленія посылывались въ монастыри: таковыхъ отнынѣ въ монастыри не посылать“ [24]). Но вскорѣ по смерти великаго царя, 15 марта 1727 года, вновь предписано посылать въ монастыри преступниковъ, „престарѣлыхъ, увѣчныхъ и изумленныхъ“ [25]). Но вообще въ законодательствѣ первыхъ преемниковъ Петра нельзя не замѣтить отсутствія той могучей воли, которою проникнуты петровскіе указы. Духовная власть вновь возвышается. 29 апрѣля 1729 года предписано: церковно и священнослужителей и монаховъ, которые „будутъ отъ невоздержанія и отъ пьянства своего сказывать за собою и за другими государево слово и дѣло“ понапрасну,—наказывать архіереямъ, „по своему разсмотрѣнію, безъ всякаго послабленія и упущенія“. Въ началѣ слѣдующаго года, по жалобѣ Лаврентія, епископа Устюжскаго и Тотемскаго, свѣтскимъ управителямъ подтверждено править по вѣдомостямъ штрафныя деньги съ неисповѣдывавшихся и не причащавшихся [26]). Но свѣтская власть не отказывалась отъ стремленія дисциплинировать въ государственныхъ цѣляхъ наше духовное сословіе. По указу Анны Ивановны, священнослужителямъ запрещалось принимать къ себѣ монаховъ даже на короткое время, ибо отъ этого „таковымъ бродягамъ къ ханженству придается способъ не малой, а духовному чину отъ того наносится неблагообразіе и поношеніе немалое“ [27]). 23 декабря 1736 года, по докладу тайной канцеляріи, кабинетъ-министры постановили: служителей духовнаго вѣдомства, не бывшихъ у присяги, „учиня распросы, бить плетьми и годныхъ писать въ солдаты“.

Еще съ давнихъ поръ наше правительство давало различныя облегченія и льготы иновѣрцамъ, переходившимъ въ православіе, и старалось вообще содѣйствовать такому переходу. Но правительству было извѣстно, что мѣстныя власти, въ чрезмѣрномъ усердіи, прибѣгали и къ насильственному обращенію въ православіе. Указъ 5 апрѣля 1685 г.

требуетъ крестить иновѣрцевъ безъ принужденія. Петръ Великій вынужденъ былъ издать указъ, запрещающій крестить и женить насильно шведскихъ военно-плѣнныхъ [28]). Но вотъ черемисы обратились къ царю съ челобитной не чинить имъ наказанья за утайку душъ при переписи, а крестить въ православную вѣру. Императоръ согласился: „и для того какъ имъ, такъ ежели и впредь такіе иновѣрцы въ утайкѣ душъ явятся, а пожелаютъ креститься, и тѣмъ наказанія не чинить“ [29]). Понятно, что такія предписанія открывали широкій просторъ отвратительнымъ злоупотребленіямъ, презрѣнному торгу совѣстью. Въ 1741 году издается указъ, освобождающій отъ смертной казни и отъ каторги калмыковъ, перешедшихъ въ православіе [30]). Убійцы — протестанты въ свою очередь пожелали воспользоваться этою милостью Анны Леопольдовны, но императрица Елизавета, 15 декабря того же года, отмѣняетъ указъ бывшей правительницы. Отмѣняя указъ 11 октября 1733 года, который предписывалъ отправлять въ солдаты лицъ духовнаго званія, замѣшанныхъ въ *словѣ и дѣлѣ*, не по первымъ двумъ пунктамъ, и возвращаясь въ этомъ отношеніи къ петровскимъ порядкамъ, Елизавета не отличалась тою вѣротерпимостью, какою обладалъ ея отецъ. 2 декабря 1742 года она предписываетъ выслать изъ Россіи всѣхъ евреевъ (такая же мѣра была указана еще въ 1727 году). Сенатъ предлагалъ дозволить евреямъ пріѣздъ „для купеческаго промыслу“. Императрица положила слѣдующую резолюцію: „Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“ [31]). Въ то же время магометанамъ за переходъ въ православіе даются разныя льготы [32]). Въ слѣдующемъ, 1744 году предписано не строить мечетей въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ живутъ русскіе и крещеные иновѣрцы, не крестить въ неволю [33]). Запрещала насильно крестить (персіянъ) и императрица Анна, но повтореніе указовъ свидѣтельствуетъ объ ихъ относительномъ безсиліи пресѣчь злоупотребленія на отдаленныхъ окраинахъ. Елизавета, въ особенности подъ конецъ своей жизни, стала очень заботиться о поддержаніи благочестія принудительными мѣрами. Такъ 27 октября 1753 года она требуетъ, чтобы члены присутственныхъ мѣстъ являлись по наряду на крестныя хожденья. За неисполненіе этого требованія вычиталось мѣсячное жало-

ванье. Еще раньше, 6 января 1749 года, за разговоръ въ придворной церкви приказано надѣвать на провинившихся цѣпи съ ящиками. Для знатныхъ чиновъ цѣпи эти должны были быть мѣдныя вызолоченныя, для среднихъ—бѣлыя луженыя, а для прочихъ чиновъ—простыя желѣзныя [34]).

Въ кратковременное царствованіе Петра III, русской церкви и духовенству пришлось перенести не мало оскорбленій, и нельзя не признать, что пороки духовенства въ значительной степени оправдывали презрительное отношеніе къ нему императора, смѣшные и непривлекательные недостатки котораго не должны закрывать этой истины. Въ *Русской Старинѣ* былъ напечатанъ указъ Петра III Святѣйшему Синоду, не вошедшій въ *Полное Собраніе Законовъ*, и въ указѣ этомъ (отъ 26 марта 1762 года) говорится о необходимости соблюдать правосудіе. Уже съ давняго времени, сказано въ названномъ распоряженіи, къ неудовольствію государя и къ общему соблазну примѣчено, что челобитныя въ синодѣ на архіеревъ отсылаются къ тѣмъ же архіереямъ, „такъ что въ семъ пунктѣ синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ неповинныхъ". Два вопіющихъ дѣла, говоритъ Петръ III, даже, несмотря на указы, не приведены къ окончанію съ 1754 года [35]). Три проникнутыхъ гуманнымъ чувствомъ указа по отношенію къ раскольникамъ, изданные 29 января 1762 г., 1 и 7 февраля того же года, не могли не увеличить неудовольствія со стороны духовенства на императора, слишкомъ мало заботившагося объ его интересахъ. Этимъ неудовольствіемъ искусно воспользовалась Екатерина II, манифестъ которой о восшествіи на престолъ, 28 іюня 1762 г., начанается съ заявленія, что „церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи Православія и принятіемъ иновѣрнаго закона" [36]). Вслѣдъ затѣмъ предписано распечатать домовыя церкви, запечатанныя при Петрѣ III [37]). Имѣнія, отобранныя у монастырей, возвращаются въ духовное управленіе, а коллегія экономіи уничтожается [38]). Но на слѣдующій же годъ, почувствовавъ, вѣроятно, себя крѣпко на престолѣ, вѣнчанный другъ Вольтера возобновляетъ эту коллегію. Въ инструкціи, данной коммиссіи о церков-

ныхъ имѣніяхъ, уже говорятся духовенству непріятныя истины: Петръ Великій, „совѣтуя довольно совсѣмъ освященнымъ Соборомъ и Синклитомъ, составилъ Духовный Регламентъ и предписалъ въ немъ такія правила, которыя въ простомъ народѣ учрежденіемъ благоразумно воспитанныхъ и обученыхъ священниковъ прямой путь къ поправленію нравовъ открывали. Но къ соболѣзнованію нашему видимъ, что столь многія лѣта уже миновалися, а народъ въ томъ же еще пребываетъ заблужденіи: отъ того ли сіе произошло, что дѣло было трудное, или попеченіе къ тому малое прилагаемо было, мы уже не изслѣдываемъ“. Въ заключеніе указывается на необходимость добраго употребленія недвижимаго имущества духовенства, въ цѣляхъ воспитанія и обученія [39]). Императрица возобновляетъ указы, стѣсняющіе поступленіе въ монахи и направленные противъ бродячаго духовенства [40]). Подтверждаются указы не ходить съ образами и свѣчами по гульбищамъ, для сбора пожертвованій [41]).

Синодъ старался поддержать свой авторитетъ и поднять нравственное значеніе духовнаго сословія. 7 іюня 1767 года онъ издаетъ указъ, „дабы священникамъ и іеромонахамъ, какъ пристрастныхъ распросовъ, такъ и никакихъ тѣлесныхъ наказаній чрезъ побои въ духовныхъ командахъ отнюдь чинимо не было“. Синодъ признаетъ, что „отъ духовныхъ командировъ, равно какъ бы и въ свѣтскихъ командахъ подлому народу, чинятся наказанія и пристрастные распросы“. Отъ этого происходитъ соблазнъ паствѣ и „причина къ презрѣнію“ духовенства прихожанами. Руководствуясь тѣми же соображеніями, синодъ требуетъ (П. С. З , XVIII., 4 іюля 1767 года), чтобы нигдѣ не было неприличныхъ изображеній (на иконахъ). Въ указѣ отъ 24 августа 1767 года говорится, напримѣръ, что св. Троицу рисовали съ тремя лицами, четырьмя глазами, и т. д. Эти мѣры не были, впрочемъ, новостью. Еще при Петрѣ Великомъ предписано было не продавать листовъ, изображеній, служебниковъ и каноновъ, безъ дозволенія Синода. Послѣдній, при Елизаветѣ, строго приказывалъ содержать иконы, въ крестьянскихъ избахъ, въ надлежащей чистотѣ и не печатать изображеній святыхъ, „дѣлаемыхъ отъ неискуства съ крайнею неистовостью“. Требовалась „апробація“ архіереевъ [42]).

Несмотря на заботы и духовной, и свѣтской власти, духовенство, сельское въ особенности, подвергалось частымъ и разнообразнымъ униженіямъ. Сенатъ 28 апрѣля 1769 г. повелѣваетъ помѣщикамъ не чинить побоевъ и оскорбленій духовнымъ лицамъ. Но въ то же время не прекращаютя и указы, вызванные непохвальнымъ образомъ дѣйствій самого духовенства. Сибирскій губернаторъ Чичеринъ представилъ, напримѣръ, въ томъ же 1769 году *реляцію*, въ которой сообщалъ, что проповѣдники, не зная мѣстнаго языка, „подъ предлогомъ проповѣди и обращенія, дѣлаютъ народу притѣсненія и самое разореніе". Именной указъ предписываетъ губернатору, вмѣстѣ съ преосвященнымъ тобольскимъ, пресѣчь эти злоупотребленія [43]).

Повторяя предписанія не подвергать духовныхъ лицъ тѣлеснымъ наказаніямъ [41]), синодъ не прекращаетъ и попытокъ противодѣйствовать мѣрамъ религіозной терпимости. Въ 1773 году синодъ сообщилъ сенату, что бывшій казанскій губернаторъ, Андрей Никитичъ Квашнинъ-Самаринъ, дозволилъ построить двѣ каменныя мечети, „близь благочестивыхъ церквей и въ общемъ жительствѣ татаръ и новокрещенъ". Императрица отвѣтила, что она, какъ Богъ на землѣ, терпитъ „всѣ вѣры, языки и вѣроисповѣданія". Синоду послѣ этого пришлось предписать архіереямъ не вступаться въ дѣла подобнаго рода [42]).

Но, конечно, правительство, въ собственныхъ интересахъ, не могло не поддерживать справедливыхъ требованій синода. Такъ 9 декабря 1796 года, по докладу Синода, предписано не наказывать тѣлесно священниковъ и діаконовъ, ибо это наказаніе „располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана". Въ 1796 же году мы встрѣчаемъ указъ, заключающій въ себѣ распространительное толкованіе указа 28 сентября 1743 года, объ освобожденіи иновѣрцевъ отъ наказанія за маловажныя преступленія, если они присоединяются къ православію [43]). Появленіе такого узаконенія объясняется, конечно, тѣмъ поворотомъ въ нашей внутренней политикѣ, который вызванъ былъ, въ значительной мѣрѣ, великою французскою революціею. Однако Павелъ I въ манифестѣ о своемъ восшествіи на престолъ 18 марта 1797 года, торжественно заявляетъ начало вѣротерпимости: „Вступивъ на Прародительскій нашъ императорскій престолъ, гово-

ритъ императоръ, предположили мы священнымъ себѣ долгомъ обезпечить каждому свободу исповѣданія вѣры имъ содержимой". Но борьба съ ересями и суевѣріями продолжалась и въ царствованіе Павла, и мы приведемъ указанія на то, какими мѣрами велась эта борьба въ теченіе всего XVIII вѣка, борьба, составлявшая одну изъ важнѣйшихъ особенностей и законодательства, и общественныхъ нравовъ прошлаго столѣтія русской жизни.

Въ 1684 году былъ сожженъ съ книгами и письмами еретикъ иноземецъ Квиринъ Кульманъ. Указъ 1689 года требуетъ осмотрительности при пропускѣ иноземцевъ. Суровость къ раскольникамъ петровскаго законодательства извѣстна. Извѣстно также, что эта суровость и тяжелыя денежныя взысканія не достигали цѣли, постановленной правительствомъ, которое принимало, впрочемъ, и другія мѣры для обращенія раскольниковъ. Такъ Анна Ивановна предписала прощать недоимки раскольникамъ, если они перейдутъ въ православіе [44]). По наказу или инструкціи 17 января 1737 г. кіевскому губернатору, онъ долженъ былъ, узнавши объ еретикахъ, арестовывать ихъ и отсылать въ синодъ, рапортуя сенату [45]). Въ 1738 году сожженъ, по доносу жены, вознагражденной помѣстьями, капитанъ-поручикъ Возницынъ за отпаденіе отъ христіанской вѣры и еврей Борохъ за совращеніе Возницына въ іудейскій законъ [46]). 2 іюня 1740 года, приказано казака Исаева за переходъ въ магометанство казнить смертію въ Петербургѣ, чтобъ онъ не убѣжалъ и „дабы въ провозѣ его не было напраснаго казеннаго убытка". Бережливость удивительная. Ниже мы приведемъ свѣдѣнія о томъ, какъ жестоки были вообще уголовныя наказанія въ прошломъ столѣтіи. Не легки они были и за чародѣйство, суевѣрія, и т. п.

Петръ Великій указалъ: „ежели гдѣ какія явятся мужеска и женска пола кликуши, и ихъ имая, приводить въ приказы и розыскивать" [47]). Поводомъ къ этому указу послужилъ слѣдующій случай: плотничья жена Варвара Логинова, въ церкви Исаакія Далматскаго, притворившись испорченною, оговорила по злобѣ плотника Григорья въ порчѣ. Въ *Уставѣ Воинскомъ* (1716 года) мы читаемъ: если явится среди воинскихъ чиновъ чернокнижникъ, ружья заговоритель, суевѣрный и богохулительный чародѣй или идолопоклонникъ—

тотъ подвергается шпицрутенамъ „или весьма сожженъ имѣетъ быть". Въ *Уставѣ Морскомъ* (1720 года)—„всѣ идолопоклонства, чародѣйства съ великимъ подтвержденіемъ запрещаются". Въ 1721 году императоръ подтверждаетъ также, чтобы священники на святую недѣлю людей не обливали, и не купали. Правительство желаетъ истребить этотъ „богопротивный и животъ человѣческій вредящій обычай" [84]). Указъ 16 іюля 1732 года не дозволяетъ юродивымъ просить въ церквахъ милостыню, а въ 1739 году императрица издала такой указъ [49]): „Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что обрѣтаются въ Новѣгородѣ нѣкакіе два человѣка ханжей, которые какъ лѣтомъ, такъ и зимою живутъ не въ домахъ, но въ шалашахъ при городовой степи и въ прочихъ тому подобныхъ мѣстахъ, являя себя простому народу святыми". Отсюда происходилъ соблазнъ, и Анна Ивановна повелѣваетъ этихъ ханжей тайнымъ образомъ взять и, безъ всякаго истязанія и наказанія, отправить въ разные монастыри, гдѣ и содержать какъ слѣдуетъ, если не захотятъ постричься. Затѣмъ предписывается на будущее время молодыхъ ханжей отправлять въ солдаты, дѣвокъ — на работу, а престарѣлыхъ въ монастыри. Противъ суевѣрій выступалъ и синодъ. 25 ноября 1737 года онъ повелѣваетъ духовнымъ властямъ не допускать „суевѣрныхъ шалостей". Наказанія за колдовство продолжаютъ быть жестокими. 25 мая 1731 года повелѣно: „дабы впредь никто никакихъ мнимыхъ волшебниковъ въ домы явно и тайно не приводили и къ нимъ въ домы не ходили и на пути о волшебствахъ разговоровъ съ ними не имѣли и никакому душевредному ихъ ученію не обучались". Волшебниковъ обѣщано жечь, а обращавшихся къ нимъ—бить кнутомъ или наказывать смертью. По подозрѣнію въ волшебствѣ производились пытки. Въ 1735 году производилось такое дѣло. Сознанія отъ обвинявшейся не получили, было доказано только, что она пользовала отъ болѣзней малыхъ дѣтей *шопотами*. Рѣшено эту женщину наказать на тѣлѣ и сослать въ монастырь, а если уйдетъ оттуда, то казнить смертью [50]). Мѣры противъ кликушъ подтверждаются указомъ 8 октября 1762 года [51]). Приговореннымъ кликушамъ назначаются плети [52]). Сенатскій указъ 29 сентября 1775 г. предписываетъ ловить ханжей (и бродягъ). При Екатеринѣ

же II, *въ инструкціи сотскому съ товарищи*, подтверждается, на ряду съ наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы въ праздники и въ дни высочайшихъ торжествъ ходили въ церковь, постились, исповѣдывались и т. д., обязанность преслѣдовать мнимыхъ волшебниковъ, и т. п. [53]).

Мы упоминали объ общей жестокости наказаній по русскому законодательству XVIII вѣка. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1663 г. было подтверждено [54]), чтобы женъ за убійство мужей „противъ *Уложенія*, окапывать въ землю по прежнему„ (въ томъ же году Ивашка Долговъ за убійство жены, которая „отъ него воровала блудно", наказанъ кнутомъ). Это безчеловѣчное наказаніе примѣнялось и въ началѣ XVIII вѣка. Витвортъ доносилъ, напримѣръ, своему правительству, что 19 ноября 1706 г. была зарыта въ землю мужеубійца, умершая только 24 ноября [55]) Дѣлавшимъ фальшивую монету, по законамъ начала XVIII столѣтія, заливали горло расплавленнымъ металломъ. Указъ 5 февраля 1723 г. говоритъ: „и буде такіе заливающіе (sic) горло скоро не умрутъ, то отсѣчь для скорой смерти голову". Ссылаемыхъ на каторгу клеймили и вырѣзывали имъ ноздри. Въ 1724 году правительство усмотрѣло, что у многихъ *каторжныхъ невольниковъ* „ноздри вынуты малознатно", и предписано вынимать ихъ до кости [56]). Лишь въ 1757 году запрещено вырывать ноздри и ставить на лицѣ знаки у женщинъ, ибо онѣ не могутъ убѣжать изъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири. Смертная казнь угрожала гробокопателямъ (указъ 8 февраля 1739 г.), поджигателямъ (указъ 30 сентября 1737 г., возстановленный 24 іюля 1740 г.). Въ 1738 году самозванца, выдававшаго себя за Алексѣя Петровича, и содѣйствовавшаго ему попа Гаврилу Могилу посадили на колъ, сообщниковъ четвертовали. Еще въ царствованіе Анны Ивановны смертная казнь грозила за вывозъ за границу ревеня. 15 іюня 1735 г. за это законнарушеніе назначена была конфискація всего имущества, но новый случай такого нарушенія побудилъ правительство усилить кару [57]).

Въ продолженіе вѣка мы замѣчаемъ колебаніе законодательства и возрастаніе относительнаго, разумѣется, смягченія наказаній. Иной разъ, дѣлая шагъ впередъ, законъ потомъ отступалъ обратно. Такъ было возстановлено отмѣненное въ 1689 году [61]) окапываніе мужеубійцъ. Но въ об-

щемъ нельзя не отмѣтить увеличенія гуманности въ нашихъ законахъ, въ воззрѣніяхъ правительства. Петровскій указъ 1721 года говоритъ: „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и домовыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малый вопль бываетъ". Указъ требуетъ, если нельзя пресѣчь совершенно эти злоупотребленія, продавать людей по крайней мѣрѣ цѣлыми семьями [62]). Подобныхъ постановленій издано не мало въ теченіе прошлаго вѣка. 4 апрѣля 1722 года отмѣнена пытка по малымъ дѣламъ. 10 іюля 1727 года, какъ было уже сказано въ главѣ третьей, приказано уничтожить въ Петербургѣ каменные столбы и колья, на которыхъ натыканы были тѣла и головы казненныхъ; велѣно похоронить эти останки. 17 сентября 1729 года повелѣвается не чинить смертной казни внутри городовъ. Законодатель начинаетъ правильнѣе соображать степень виновности преступника и смягчаетъ участь преступныхъ дѣтей. Въ 1740 году приказано пятнадцатилѣтнюю дѣвочку не казнить за поджогъ смертію, а сослать въ дальній монастырь на вѣчную работу [63]). Въ скоромъ времени произошелъ новый случай, побудившій правительство издать общее постановленіе: четырнадцатилѣтняя дѣвочка убила двухъ малютокъ. Императрица Елизавета признаетъ дѣтей до 17 лѣтъ, обоего пола, малолѣтними и освобождаетъ ихъ отъ пытки и смертной казни. Средствами исправленія для этихъ малолѣтнихъ преступниковъ остаются батоги, плети и монастырь [64]). 18 іюня 1744 года малолѣтнихъ за святотатство, убійство и поджогъ приказано бить плетьми, безъ пытокъ заковывать въ ножныя кандалы и ссылать на семь лѣтъ въ монастырь. Петръ III, издавшій нѣсколько разумныхъ и гуманныхъ узаконеній, 9 марта 1762 года повелѣлъ солдатъ и матросовъ „не штрафовать отнынѣ безчестными наказаніями, какъ-то батожьемъ и кошками, но токмо шпагою или тростью: мы увѣрены, что милосердіе наше возбудитъ паче благодарность и благонравіе, а не умножитъ отнюдь продерзостей, ибо великія преступленіи тѣмъ не меньше по всей строгости законовъ наказуемы будутъ". Въ кратко-

временное царствованіе этого императора мы встрѣчаемъ въ законодательныхъ актахъ заявленіе общихъ началъ, а не распоряженія только по поводу отдѣльнаго случая, который такъ или иначе обратилъ на себя вниманіе правительства. Преемники Петра Великаго не отличались этимъ достоинствомъ и не отдавали себѣ яснаго отчета, каковы для нихъ задачи управленія, какихъ цѣлей и какими средствами должно достигать государство. Они стоятъ въ этомъ отношеніи неизмѣримо ниже великаго царя. Въ *Регламентѣ главнаго магистрата* Петръ говоритъ, что „полиція особливое свое состояніе имѣетъ, а именно: оная споспѣшествуетъ въ правахъ и въ правосудіи, рождаетъ добрые порядки и нравоученіи, всѣмъ безопасность подаетъ отъ разбойниковъ, воровъ, насильниковъ и обманщиковъ и симъ подобныхъ, непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ, и принуждаетъ каждаго къ трудамъ и къ честному промыслу, чинитъ добрыхъ досмотрителей, тщательныхъ и добрыхъ служителей, города и въ нихъ улицы регулярно сочиняетъ, препятствуетъ дороговизнѣ, и приноситъ довольство во всемъ потребномъ къ жизни человѣческой, предостерегаетъ всѣ приключившіяся болѣзни, производитъ чистоту по улицамъ и въ домахъ, запрещаетъ излишество въ домовыхъ расходахъ и всѣ явныя погрѣшенія, призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и прочихъ неимущихъ, защищаетъ вдовицъ, сирыхъ и чужестранныхъ по заповѣдямъ божіимъ, воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ; вкратцѣ жъ надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ, и фундаментальной подпоръ человѣческой безопасности и удобности“. На помощь государству для достиженія такой исполинской и неосуществимой задачи Петръ Великій призывалъ выборное коллегіальное начало и личный починъ. Прошло много лѣтъ, и Петръ III, отмѣняя манифестомъ 21 февраля 1762 года Тайную Розыскную Канцелярію, говоритъ: къ учрежденію этой канцеляріи царя побудили „тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы“. Со времени великаго императора, оптимистически говорится въ манифестѣ, „отъ часу меньше становилась надобность въ помянутыхъ канцеляріяхъ [65]); но какъ Тайная Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ“,

то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ, или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ и непріятелей". Въ этихъ словахъ манифеста, которыя не свидѣтельствуютъ объ исправленіи нравовъ, нѣтъ никакого преувеличенія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Петръ III объявляетъ, что *ненавистное израженіе* „слово и дѣло" не должно болѣе ничего значить, что всѣ уже возбужденныя по такимъ доносамъ слѣдствія прекращаются, и дѣла передаются вѣчному забвенію. Манифестъ Петра III показываетъ, что наше правительство, при доброй волѣ, могло весьма значительно улучшить законодательство и благотворнымъ образомъ повлiять на общественные нравы. Екатерина II, получившая такое образованіе, какого не получалъ еще ни одинъ изъ русскихъ государей, въ своихъ законоположеніяхъ высказываетъ не мало свѣтлыхъ идей, твердое и послѣдовательное осуществленіе которыхъ принесло бы неисчислимое благо народу. Въ началѣ царствованія Екатерины II, въ *Новомъ уставѣ императорскаго шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса* мы читаемъ, въ предварительныхъ разсужденіяхъ, что „нѣтъ ничего труднѣе, какъ *удобрить нравы и склонности цѣлаго народа*", который не знаетъ и не чувствуетъ своего порабощенія, но паче любитъ оное [66]). Въ знаменитомъ *Наказѣ*, въ § 6 главы первой говорится, что Россія есть европейская держава. „Доказательство сему слѣдующее: перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили (въ оцѣнкѣ этихъ успѣховъ Екатерина сходится съ своимъ покойнымъ супругомъ), что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали съ климатомъ, и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ Первый, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какъ онъ и самъ не ожидалъ". (§ 7). Самъ Петръ Великій относительно этихъ удобностей былъ другаго мнѣнія, и удобности оказались въ дѣйствительности не велики. Но, оставляя въ сторонѣ произведенную Екатериною II оцѣнку историческихъ событій, нельзя не признать здравости и гуманности за многими изъ раздѣляемыхъ ею взглядовъ, что и не удивительно, ибо учи-

телями императрицы были въ данномъ случаѣ Монтескье, Филанджіери, Вольтеръ, Дидро. „Весьма худая та политика, заявляетъ *Наказъ*, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями“ (§ 60). Но полицейски-отеческій характеръ удерживается за верховною властью. Законы, говоритъ Екатерина, должны быть просты, въ нихъ должно заключаться „простое и правое разсужденіе отца о чадахъ и домашнихъ своихъ пекущагося“ (§ 452). *Наказъ* убѣдительно высказывается о вредѣ гоненій въ дѣлѣ вѣры и о необходимости свободы мысли. Политическія преступленія, совершаемыя на словахъ и на письмѣ, требуютъ, по справедливому замѣчанію императрицы, особенно осторожнаго къ себѣ отношенія, ибо тонъ рѣчи и толкованіе сказаннаго не поддаются точному и безпристрастному анализу. Строгость можетъ повести въ этомъ случаѣ къ тому, что „умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетѣніе, а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ“. Еслибъ императрица такъ дѣйствовала, какъ разсуждала!

Управленіе нравами сильно заботило Екатерину. Въ *Наказѣ* (§§ 76, 77) мы находимъ соображенія о преступленіяхъ противъ нравовъ. „Такія суть: нарушеніе чистоты нравовъ или общей всѣмъ, или особенной каждому, то есть всякіе поступки противъ учрежденій [67]), показующихъ, какимъ образомъ должно всякому пользоваться внѣшними [68]) выгодами, естествомъ человѣку данными для нужды, пользы и удовольствія его. Наказанія сихъ преступленій должно также производить изъ свойства вещи“. Такими наказаніями является денежное взысканіе, безславіе, безчестіе всенародное, изгнаніе изъ города и изъ общества. Въ дополненіе къ *Наказу* [69]) говорится, что къ попеченію полиціи „все то принадлежитъ, что служитъ къ сохраненію благочинія въ обществѣ“. На первомъ мѣстѣ стоитъ охраненіе порядка и благолѣпія въ церквахъ, и т. д.; „цѣломудріе нравовъ есть вторымъ предлогомъ сохраненія благочинія“. Въ *Начертаніи о приведеніи къ окончанію коммиссіи проэкта новаго уложенія* [70]) прямо говорится *о управленіи нравовъ:* „каждый градоначальникъ обязанъ наблюдать въ подчиненныхъ своихъ благопристойность нравовъ, такъ какъ каждый хозяинъ въ своихъ домашнихъ“. Наблюденіе это въ особен-

ности принадлежитъ полиціи. Въ *Уставѣ благочинія или полицейскомъ* [71]), въ наказѣ управѣ благочинія, говорится: „не чини ближнему, чего самъ терпѣть не хочешь“ (статья первая); „Въ добромъ помогите другъ другу, веди слѣпаго, дай кровлю неимѣющему, напой жаждущаго“ (IV); „Блаженъ кто и скотъ милуетъ; буде скотина и злодѣя твоего спотыкнется, подъими ее“. (VI). Эти и имъ подобныя правила должны были служить „зерцаломъ управѣ благочинія въ разсужденіи обязанности взаимной гражданъ между собою“. По статьѣ 57-й *Устава*, „Управа благочинія миръ и тишину православныя святыя церкви охраняетъ“- Статья 154 гласитъ слѣдующее: „квартальный надзиратель въ его кварталѣ имѣетъ попеченіе, чтобъ молодые и младшіе почитали старыхъ и старшихъ, и о повиновеніи слугъ и служанокъ хозяевамъ и хозяйкамъ во всякомъ добрѣ“, и т. д. Эта сантиментальная полиція, это смѣшеніе нравственныхъ требованій съ юридическими предписаніями и подавляющее личность сосредоточеніе административной власти не могло не отразиться весьма печальнымъ образомъ на общественной жизни и на характерѣ русскаго человѣка. Широкіе планы и дѣйствительно гуманныя мысли перемѣшивались въ законодательствѣ Екатерины II-ой съ постановленіями, которыя отличаются узостью взгляда и явно несбыточными цѣлями. Такъ *Генеральный планъ Московскаго Воспитательнаго Дома* [72]) ставитъ задачею этого учрежденія приготовлять дѣтей *въ третій чинъ людей*, обучая ихъ искусствамъ и ремесламъ *). По плану Мелиссино (утвержденному 21 февраля 1784 года), для артиллерійскаго и инженернаго кадетскаго корпуса, „всякое училище, желающее доставить отечеству гражданъ полезныхъ, должно ихъ сдѣлать и добродѣтельными“. Бецкій и другіе педагоги времени Екатерины II-й хотѣли создать *новую породу людей*, и въ ихъ воззрѣніяхъ, которыя являлись не всегда удовлетворительнымъ отраженіемъ идей Жанъ Жака Руссо, человѣчное и заботливое отношеніе къ вопросамъ воспитанія составляетъ самую привлекательную сторону. Дѣловая по-

---

*) Мысль о созданіи третьяго сословія была въ большомъ ходу у насъ въ прошломъ вѣкѣ. Ср., напримѣръ, *Краткое изъясненіе о вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина* (*Архивъ кн. Воронцова*, XXVI; 315—324).

становка учебно-воспитательныхъ заведеній страдаетъ значительными недостатками, которые и лишали гуманную теорію едва-ли не бо̀льшей части ея достоинствъ на практикѣ. Въ упомянутомъ уже *генеральномъ планѣ* находятся предписанія для воспитателей, повторить которыя было бы далеко не безполезно и въ наше время. „Ежели услышишь самоѣда,—читаемъ мы здѣсь,—хвалящагося язычествомъ, татарина магометанствомъ, и прочихъ полагающихъ непорочность въ своей вѣрѣ: сноси: не противоборствуй ни словами, ни дѣломъ, будь терпѣливъ: ни малѣйшаго права не имѣешь управлять разумомъ другаго; онъ такой же человѣкъ, какъ и ты“.

Признаніе Россіи государствомъ европейскимъ обязывало правительство принимать новыя формы отношеній между властью и народомъ, а это могло, при благопріятныхъ условіяхъ вести и къ измѣненію содержанія такихъ отношеній. 19 февраля 1786 года указано въ челобитныхъ писать *не бьетъ челомъ рабъ*, а—приноситъ жалобу или проситъ всеподданнѣйшій или вѣрный подданный. Прослѣдимъ теперь поближе законодательную дѣятельность нашего правительства въ области управленія нравами, въ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова. Мы увидимъ, какъ часто принимавшіяся государствомъ практическія мѣры и отдѣльные указы расходились съ гуманными началами, составлявшими украшеніе наказовъ, уставовъ или манифестовъ.

II.

Обратимся прежде всего къ семейнымъ и половымъ отношеніямъ, въ виду близкой связи правительственныхъ мѣропріятій въ этой области съ основными религіозно-нравственными воззрѣніями власти.

Въ *Новоуказныхъ статьяхъ* [73]) мы читаемъ, что сынъ или дочь за убійство отца или матери наказывается смертію. „Будетъ отецъ или мати сына или дщерь убьетъ до смерти, и ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ“. По истеченіи этого срока преступные родители должны были приходить въ церковь и объявлять „тотъ свой грѣхъ всѣмъ людемъ въ слухъ“. Жена за убійство мужа наказывалась, какъ мы уже упоминали, чудовищною казнью. За убійство дѣтей, въ

блудѣ прижитыхъ, назначалась родителямъ смертная казнь, „чтобъ на то смотря, иные такого беззаконнаго и скверна-го дѣла не дѣлали и отъ блуда унялись". Людямъ, которые „учнутъ дѣлати своды женками и дѣвками на блудное дѣло", грозило жестокое наказаніе кнутомъ. Кнутомъ били и дѣтей, по челобитью отца или матери, если дѣти грубили или подымали руку на родителей. По инструкціи патріарха Адріана, на которую мы имѣли уже случай ссылаться, отца незаконнорожденнаго ребенка приказано бить шелепами и ссылать въ монастырь подъ началъ на мѣсяцъ, а если онъ не женатъ, то обязательно вѣнчать его на обольщенной. Шелепы назначались также вдовѣ или дѣвкѣ въ томъ случаѣ, когда онѣ участвовали въ блудномъ дѣлѣ добровольно. Но благочестивое правительство съ конца XVII столѣтія смотрѣло на половыя преступленія иной разъ и снисходительно. Такъ въ 1685 году сына боярскаго, Дмитрія Рахманова, за растлѣніе дѣвки Телепнева, послѣ обычной пытки, отправили, вмѣсто ссылки, въ полкъ стольника князя Шейдякова [74]).

Вотъ каково было законодательное наслѣдіе старой Руси въ области семейныхъ и половыхъ отношеній. Петръ Великій обратилъ вниманіе на горькую участь незаконнорожденныхъ. Въ 1714 году онъ повелѣлъ „для зазорныхъ младенцевъ, которыхъ жены и дѣвки рождаютъ беззаконно, при церквахъ, гдѣ пристойно, сдѣлать гошпитали, въ Москвѣ мазанки, а въ другихъ городахъ деревянныя" [75]). Ровно черезъ годъ издается на этотъ счетъ болѣе подробный указъ. Императоръ, требуя устройства госпиталей, ссылается на примѣръ новгородскаго митрополита Іова. За убійство незаконнорожденныхъ Петръ грозитъ смертною казнью. Пріемъ младенцевъ въ госпиталь предписывается тайный, въ окно, „черезъ какое закрытіе, дабы приношенныхъ (sic) лица было не видно" [76]). По воинскому уставу Петра Великаго, насиліе наказуется, если оно совершено и надъ явною блудницею, „ибо насиліе есть насиліе". 5 января 1724 года вышелъ указъ, чтобы родители дѣтей, а господа рабовъ, не принуждали къ браку, подъ опасеніемъ тяжкаго денежнаго взысканія. Въ 1730 году синодъ предписываетъ священникамъ не давать разводныхъ писемъ [77]). Въ 1744 году правительство получило свѣдѣнія, что въ Малороссіи

явился обычай: молодые по совершеніи брачнаго вѣнчанія, живутъ по нѣскольку лѣтъ отдѣльно, до наступленія „брачнаго веселія“. Указъ требуетъ непремѣнно совмѣстнаго жительства супруговъ немедленно послѣ вѣнчанія, угрожая въ противномъ случаѣ эпитемьей за прелюбодѣяніе [78]).

Въ царствованіе Елизаветы мѣры противъ половой распущенности усиливаются въ строгости. *Непотребныхъ женщинъ* предписывается приводить въ главную полицію, откуда ихъ посылали въ особую коммиссію, въ калинкинскій домъ. По именному указу, данному вотчинной канцеляріи 4 апрѣля 1745 года, отъ вдовы Носовой отбирается дочь, недвижимое и движимое имущество (съ опредѣленіемъ ежегоднаго содержанія), „для ея непостояннаго житья“ [79]). Но въ царствованіе Елизаветы гнѣвъ часто смѣнялся на милость, какъ и милость на гнѣвъ. 15 апрѣля 1754 года, напримѣръ, приказано людей (крѣпостныхъ) Евреинова за похищеніе крѣпостной дѣвушки Сытина бить кошками, а самого Евреинова, если онъ холостъ, женить на дѣвушкѣ, которую онъ растлилъ, и отобрать въ пользу несчастной половину имѣнія у Евреинова. Послѣдній, вѣроятно, нашелъ заступниковъ. Черезъ недѣлю вышелъ новый указъ: Евреинова женить на уже сговоренной имъ невѣстѣ, а въ пользу Авдотьи Алексѣевой взыскать съ него двѣ тысячи рублей. Тѣмъ дѣло и кончилось [80]).

По указу 4 мая 1765 года, *праздныхъ и непорядочныхъ дѣвокъ* стали отправлять въ подлежащія мѣста на поселеніе. Въ *Уставѣ благочинія* за открытіе непотребнаго дома и за посѣщеніе его назначалось денежное взысканіе, а проститутокъ подвергали заключенію на $^1/_2$ года въ смирительномъ домѣ. Но у правительства была старая и тяжелая забота: слѣдовало бороться противъ развратнаго и глубоко вкоренившагося обычая вѣнчать малолѣтнихъ съ взрослыми дѣвицами, отъ чего происходило сожительство молодой съ свекоромъ, убійства мужей-мальчиковъ, и т. д. Обычай этотъ держался долго и упорно. Законодательство Екатерины II повторяетъ запрещеніе вѣнчать малолѣтнихъ. Изъ указа 17 декабря 1774 года видно, что въ бракъ вступали нерѣдко даже восьмилѣтніе мальчики [81]). Законодателю приходилось принимать мѣры и противъ жестокаго отношенія къ незаконнорожденнымъ. Въ январѣ 1764 года синодъ увѣщевалъ насе-

леніе, черезъ проповѣдниковъ, сохранять здоровье „несчастливо рожденныхъ младенцевъ". Это гуманное выраженіе, замѣнившее грубое (оффиціальное) названіе, бывшее въ ходу въ до-петровское время, свидѣтельствуетъ о благодѣтельномъ измѣненіи взглядовъ нашего правительства. Въ 1787 году „ея императорское величество благоволила узаконить, что ни кому, кто только объявитъ незаконнорожденнаго младенца, въ стыдъ сіе не вмѣняется" [82]).

Семейные нравы сильно страдали отъ неупорядочности развода, который не былъ дозволенъ, но совершался въ дѣйствительности, среди простаго народа посредствомъ разводныхъ писемъ, дававшихся священниками, а въ высшихъ сословіяхъ по отдѣльнымъ указамъ верховной власти. Такъ морской артиллеріи капитана Осипа Аннибала за незаконный бракъ при первой женѣ (рожденной Пушкиной) отправили только, для покаянія, на одну компанію въ Сѣверное море [83]).

Для полноты свѣдѣній о семейныхъ и половыхъ отношеніяхъ, по скольку ими занималось законодательство, упомянемъ о томъ, что правительству приходилось часто повторять запрещенія париться въ баняхъ мужчинамъ и женщинамъ вмѣстѣ [84]). Нѣсколько разъ повторялись и распоряженія о томъ, чтобы не купались внутри города [85]). Законодатель старался пріучить населеніе къ новымъ взглядамъ на требованія стыдливости и чести, возставая противъ стародавнихъ воззрѣній, противъ вѣками укоренившихся привычекъ. Но борьба съ этими привычками была не легка, и остатки, напримѣръ, мѣстничества даютъ себя чувствовать долго спустя послѣ его оффиціальной отмѣны [86]). Понятія о чести и личномъ достоинствѣ подверглись въ теченіи XVIII вѣка значительному измѣненію. Грамота 1655 г. говоритъ, что дворянамъ ставили *въ безчестье и укоризну*, если ихъ выбирали къ государевымъ знаменамъ. Грамота объявляетъ: „а кто имъ учнетъ то въ безчестье и въ укоризну ставить и учнутъ ихъ знаменщиками называть, и тѣмъ отъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя Россіи самодержца, быти въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ безъ пощады" [87]). Въ то же время приказано не ставить въ безчестье и не судить, если въ челобитьѣ неправильно написано чье либо

имя (*а* вмѣсто *о*, и т. п.); „а кто кого браня назоветъ княземъ безъ имени: и за то править безчестье". При Софьѣ указано взыскивать безчестье съ тѣхъ, кто напишетъ безъ *вича* жену думнаго дворянина [88]). Указомъ 25 марта 1680 года запрещено укорять стрѣлецкихъ полковниковъ, полуполковниковъ и капитановъ прежними чинами (головами, полуголовами и сотниками). Въ 1681 г. правительство обратило вниманіе на то, что стольники, дворяне, жильцы и иныхъ чиновъ служилые люди, встрѣчаясь съ боярами, думными и ближними людьми, слѣзали съ лошадей и кланялись въ землю, чего прежде не бывало. Указъ запрещаетъ это, ибо „съ лошадей вамъ сходить пристойно и бить челомъ одному ему великому государю" [89]). Петръ Великій назначаетъ за безчестье правежъ и отмѣняетъ отдачу истцамъ отвѣтчиковыхъ помѣстій и вотчинъ [90]). Въ виду частыхъ злоупотребленій и развитія сутяжничества, 24 мая 1700 г. приказано отказывать солдатамъ въ искахъ о безчестіи и брани со стороны торговыхъ всякихъ чиновъ людей. Широко распространенное обыкновеніе употреблять отвратительныя бранныя слова составляло такое безобразное явленіе, что правительство считало своею обязанностью грозить за подобную брань строгими наказаніями. „Скверно браниться" запрещено, напримѣръ, указомъ 25 января 1744 г. (этимъ отличались извощики и кучера). 23 мая того же года (П. С. З., XII) приказано бить кнутомъ нещадно, въ страхъ другимъ, двороваго человѣка Петра Татаринова за то, что онъ избранилъ служителя того же дома (графа Головина) и сенатъ матерно. 29 ноября 1753 г. предписывается не употреблять въ челобитныхъ бранныхъ (безчестныхъ и укорительныхъ) словъ [91]). Въ 1763 г. запрещается употреблять брань и поносныя слова въ указахъ и повелѣніяхъ [92]). Но правительство не въ состояніи было исполнить этого добраго намѣренія и выражалось въ своихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ довольно крѣпко. На другой годъ, напримѣръ, послѣ этого указа, по поводу одного пасквиля, сенатъ говоритъ, что нескладное сочиненіе сего пасквиля доказываетъ, что оно произошло отъ самаго подлаго и глупаго духа [93]). Въ то же время издается распоряженіе переименовывать при межеваніи „непристойныя названія" [94]).

Много указовъ вызвано желаніемъ власти прекратить пьянство, драки и азартныя игры. Указы эти весьма любопытны для характеристики общественныхъ нравовъ въ теченіе XVIII вѣка. Во второй половинѣ XVII столѣтія мы встрѣчаемъ запрещенія отдавать зернь и карты на откупъ (грамота, напримѣръ, туринскому воеводѣ отъ 22 сентября 1668 г.). При Петрѣ Великомъ былъ напечатанъ указъ никому не играть на деньги въ карты. 23 января 1733 года этотъ указъ подтверждается. Тройнымъ штрафомъ „обрѣтавшихся денегъ въ игрѣ" зло не сокращалось, „богомерзкая игра не пресѣклась, отъ чего не только въ крайнее убожество и раззореніе приходятъ, но и въ самый тяжкій грѣхъ впадаютъ и души свои въ конечную погибель приводятъ". Доносчику предлагается треть штрафа. Въ случаѣ повторенія закононарушенія, офицеровъ и прочихъ знатныхъ людей предписано сажать въ тюрьму на мѣсяцъ, а „подлыхъ людей"—бить нещадно батогами. Попавшимся въ третій разъ наказаніе удвоивается, „а кто уже за тѣмъ пойманъ будетъ,—кончаетъ указъ,—съ таковыми поступать жесточае, смотря по важности дѣла". Въ 1733 же году, вскорѣ послѣ изданія этого строгаго указа, велѣно было солдата Якова Потапова бить кошками за карточную игру [95]). Запрещеніе играть на деньги въ карты повторяется 11 марта 1747 г. При Елизаветѣ предписано въ азартныя игры на деньги и на вещи никому и нигдѣ не играть, „исключая во дворцахъ Ея Императорскаго Величества апартаменты". Въ частныхъ домахъ дозволяется играть, на небольшія суммы, въ ломберъ, кадрилію, пикетъ и контру, „единственно для препровожденія времени". За нарушеніе этого узаконенія конфискуются всѣ бывшія въ игрѣ деньги и взимается штрафъ въ размѣрѣ двойнаго годичнаго жалованья игравшихъ [96]). Но вскорѣ понадобилось повтореніе запрещенія (30 января 1766 г.). Указомъ 10 марта того же года всѣ карточные долги уничтожаются. Законодатель черезъ пять лѣтъ опять освобождаетъ отъ платежа карточныхъ долговъ [97]). Азартная игра запрещается и въ *Уставѣ благочинія или полицейскомъ*. Именной указъ 11 октября 1786 г. вновь грозитъ наказаніями за недозволенныя игры (въ клубахъ, въ публичныхъ сборищахъ). Продажа картъ становится монополіей воспитательнаго дома (П. С. З., XXV, 4 марта 1798 г.).

Съ азартною игрою переплетались въ XVIII-мъ столѣтіи пьянство, ссоры и драки, почему во многихъ указахъ говорится обо всѣхъ этихъ безобразныхъ явленіяхъ. Правительство еще въ концѣ XVII-го вѣка вынуждено было запрещать шумъ, крикъ и кулачные бои въ Кремлѣ [98]). По *Статьямъ объѣзжимъ головамъ* (19 марта 1686 г.) за стрѣльбу въ городѣ назначались батоги, за кулачные бои — кнутъ и ссылка въ Сибирь и другія мѣста на вѣчныя времена. По наказу сибирскимъ воеводамъ *задорныхъ пьяницъ* должно было бить батожьемъ или иначе, кому что по винѣ пристойнѣе, „чтобы такіе задорные пьяницы нужныя свои потребы противъ, къ своему дѣлу въ которой чинъ и къ которому дѣлу кто званъ, не сотворилъ себя вовсе негодно". Этотъ наказъ требуетъ, „чтобъ пили умѣренно и честно въ веселіе и въ отраду своихъ дорожныхъ пріятныхъ нуждъ, а не на пагубу своей души" [99]). За стрѣльбу изъ ружей и бросанье въ городѣ ракетъ, по указу 30 августа 1699 г., опредѣлялись въ первый разъ батоги, во второй — кнутъ и ссылка съ женами и дѣтьми въ Азовъ на поселеніе. Петръ Великій строго запрещаетъ иноземцамъ ссоры и поединки [100]). И свѣтская власть, и церковная повторяютъ запрещенія нарушать тишину богослуженія и производить различныя буйства [101]). При кулачныхъ бояхъ, въ Петербургѣ, пускали въ ходъ ножи, кистени и каменья, бросали песокъ въ глаза, и т. д. Того ради, говоритъ указъ отъ 21 іюля 1726 г., не быть кулачнымъ боямъ безъ позволенія главной полицейской канцеляріи. Камеръ-пажей и пажей запрещается допускать въ кабаки и вольные дома (трактиры), гдѣ имѣлись билліарды [102]). Въ то же время, по указу 12 августа 1735 года, не дозволено принимать въ кабакахъ и вольныхъ домахъ вещи подъ закладъ. За принятіе вещей обѣщано „не малое истязаніе". Въ слѣдующемъ году правительствующему сенату стало извѣстно, что во многихъ вольныхъ домахъ происходятъ безчинства, „а особливо вольнодомцы содержатъ непотребныхъ женокъ и дѣвокъ, что весьма противно христіанскому благочестивому закону" [103]). Противъ этихъ злоупотребленій принимаются крутыя мѣры. Въ 1743 году сенатъ по *вѣденію* синода, запрещаетъ во время литургіи и крестныхъ ходовъ продовать водку и производить кулачные бои. Синодъ желалъ запрещенія скачекъ, плясокъ, ристаній и дру-

гихъ, по его выраженію, безчинствъ. Сенатъ основательно возразилъ по этому поводу, что подобныя народныя забавы бываютъ по окончаніи церковной службы и „для народнаго полированія, а не для какого безобразія“ [104]). Обывателямъ Петербурга дозволяется указомъ 21 декабря 1750 г. „для увеселенія честныя компаніи и вечеринки съ пристойною музыкою или для нынѣшняго предъидущаго (sic) праздника русскія комедіи“. Въ 1762 году (22 марта) иностранцу Нейгофу дозволено въ Петербургѣ, Москвѣ, Ревелѣ и Ригѣ разыгрывать „вольныя комедіи“. За шесть лѣтъ передъ этимъ былъ учрежденъ *Русской для представленія трагедій и комедій театръ* (30 августа 1756 г.), а въ 1783 году появляется особый комитетъ „для управленія различными зрѣлищами и музыкою со всѣми потребными людьми“ [105]).

Народныя игры и забавы нерѣдко переходили въ буйство и безобразіе и не могли уже служить на пользу *полированія.* Сенатскій указъ 5 августа 1769 года говоритъ, что во многихъ городахъ и посадахъ пьяные люди поднимаютъ ссоры и при этомъ бьютъ въ набатъ. Герберги и трактиры подвергаются строгому полицейскому наблюденію [106]). Грубость нравовъ очевидна изъ многихъ указовъ того времени. Разбои были обычнымъ явленіемъ даже въ столицахъ и ближайшихъ къ нимъ губерніямъ. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи указъ 10 декабря 1759 года, который запрещаетъ молебщикамъ къ новоявленному чудотворцу Димитрію въ Ростовѣ и къ чудотворному образу въ Ахтырку чинить по дорогамъ обиды, брать безденежно подводы, съѣстные припасы, и т. д. Само правительство дѣлало иной разъ значительныя уступки такимъ общественнымъ вкусамъ, которые въ другое время встрѣчали въ законодательствѣ рѣшительное осужденіе. Такъ въ концѣ вѣка именнымъ указомъ московскому главнокомандующему князю Прозоровскому дозволено иностранцу Ферринду „построить театръ для звѣринаго боя, поелику таковымъ позорищемъ, какъ вы сами доносите, тамошняя публика будетъ довольна“ [107]).

Роскошь въ одеждѣ и экипажахъ и мотовство разнаго рода вызвали въ теченіе XVIII вѣка длинный рядъ указовъ. Мы оставимъ въ сторонѣ петровскія и позднѣйшія распоряженія объ одеждѣ раскольниковъ (и объ ихъ бородахъ), такъ какъ распоряженія эти имѣли религіозно-полицейскій

характеръ и не выражали намѣренія правительства вести борьбу противъ роскоши [108]). Вообще, вводя иностранное платье, Петръ Великій имѣлъ, какъ извѣстно, въ виду придать русскому человѣку европейскую внѣшность и этимъ сокрушить замкнутость старо-русской жизни. Мѣры, имъ употребленныя, отличались, по обыкновенію, суровостью и рѣшительностію. Каторга грозила тому, кто, вопреки запрещеніямъ императора, вздумалъ бы торговать русскимъ платьемъ [109]). Такое же наказаніе постигало и тѣхъ, кто продавалъ въ Петербургѣ скобы и гвозди, которые употреблялись на подбивку сапоговъ и башмаковъ, и т. д. Уже съ давнихъ поръ законодательство наше начало вмѣшиваться въ частную жизнь, запрещая то ношеніе опредѣленной одежды изъ дорогаго матеріала, то употребленіе извѣстныхъ экипажей, то пользованіе большимъ числомъ лошадей. При подобнаго рода распоряженіяхъ имѣлось иной разъ въ виду установить соотвѣтствіе одежды, экипажей и т. п. съ общественнымъ положеніемъ человѣка.

Подъ конецъ XVII вѣка, въ грамотѣ къ стольнику и воеводѣ Глѣбову, въ Енисейскѣ [110]), посольскимъ и всякихъ чиновъ людямъ запрещается носить роскошное платье. „А буде у кого,— говорится въ грамотѣ, — какимъ промысломъ правымъ, нажитокъ лишній сверхъ его нужныхъ расходовъ явится, и тѣ пожитки ему довелось держать на покупку добраго себѣ ружья и панцырей и платья нужнаго, чтобъ къ нашей великаго государя службѣ былъ всегда готовъ и къ боямъ съ непріятелемъ потребенъ или держалъ въ домовое каменное себѣ прочное строеніе, въ которомъ бы пожитокъ его отъ случая пожарнаго былъ всегда въ цѣлости“. Въ случаѣ несоблюденія этого приказанія велѣно отбирать одежду въ казну безденежно, а виновному чинить наказаніе. Еще раньше вышло распоряженіе, чтобъ число лошадей и родъ экипажей соотвѣтствовали званію ихъ владѣльцевъ [111]). Петръ Великій, самъ отличавшійся простотою въ одеждѣ, въ пищѣ и въ жилищѣ, требовалъ того же и отъ русскаго общества. Съ 1740 года появляется особенно много указовъ, направленныхъ противъ роскоши. 17 декабря этого года объявляется [112]); „отнынѣ вновь богатыхъ съ золотомъ и съ серебромъ и изъ другихъ шелковыхъ парчей и штофовъ дороже отъ 3 до 4 рублей платьевъ, никто изъ на-

шихъ подданныхъ (окромѣ трехъ первыхъ классовъ и кто изъ придворныхъ нашихъ кавалеровъ сами пожелаютъ, также и пріѣзжающихъ сюда въ службѣ нашей не обрѣтающихся чужестранцевъ) дѣлать и носить не дерзалъ, и у кого такое богатое платье есть, оное позволяется донашивать безъ прибавки вновь". Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещается привозъ иностранными купцами *излишняго числа* предметовъ роскоши. Въ началѣ 1742 года, приказано, до поступленія въ продажу парчи, позументовъ и тому подобныхъ товаровъ, предъявлять ихъ ея императорскому величеству [113]). Въ концѣ этого года издается длинный указъ (11 декабря) противъ роскоши въ платьѣ. Но на придворные маскерады императрица требовала „ѣздить въ хорошемъ и негнусномъ платьѣ, а въ тѣлогрѣяхъ, полушубкахъ и кокошникахъ не ѣздить" [114]), а въ 1745 году (именнымъ указомъ 18 января) иностраннымъ купцамъ дозволяется безъ ограниченій выписывать въ Петербургъ парчу, бахраму, позументы и т. п.; только всѣ эти товары должно было объявлять Василію Чулкову, *метеръ де гардеробу* Елизаветы, которая многое изъ объявленнаго покупала для себя. При этой императрицѣ мы вообще замѣчаемъ противорѣчія въ законодательствѣ о роскоши, такъ какъ личные вкусы законодательницы рѣшительно расходились съ преданіями петровскаго времени, которымъ Елизавета хотѣла слѣдовать. 18 сентября 1741 года, напримѣръ, приказано было упряжныхъ лошадей содержать по классамъ высшихъ и низшихъ чиновъ. Елизавета отмѣняетъ этотъ указъ въ скоромъ времени, предоставляя каждому содержать лошадей по желанію. Однако 18 октября 1742 года вышло запрещеніе ѣздить въ Петербургѣ, изъ тщеславія, цугами и четвернями, при чемъ указъ основывается на дороговизнѣ сѣна и овса. Именнымъ указомъ 1746 года [115]) ограничивается пышность при погребеніи знатныхъ персонъ: запрещается обивать дома и кареты чернымъ сукномъ, употреблять гербы, знамена, факелы. Вскорѣ затѣмъ не дозволяется одѣвать прислугу (послѣ погребенія) въ черныя ливреи, такъ какъ это представляетъ напрасный расходъ [116]). 11 іюня 1751 года запрещено носить глубокій трауръ: платье съ плерезами и флеры. Быть можетъ, въ послѣднемъ случаѣ сказалась боязнь смерти, которою отличалась Елизавета [117]). 18 марта 1761 года возоб-

новляется запрещеніе вывозить изъ-за границы *излишнія вещи*, то есть предметы роскоши, къ которымъ причисляются блонды, кружева, галантереи, бумажныя табакерки, перчатки, и т. д. Указъ жалуется на то, что умножилась „расточительная роскошь молодыхъ людей". 3 апрѣля 1775 года торжественно, манифестомъ, „для прекращенія излишества въ экипажахъ", опредѣляется какому чину въ какихъ экипажахъ и съ какими ливреями ѣздить. Законодатель приводитъ, какъ объясненіе своей мѣры, тѣ пагубныя послѣдствія, тѣ неоплатные долги, какіе вызваны были роскошью. Нарушители новаго узаконенія подвергаются денежнымъ взысканіямъ. 7 ноября того же года разрѣшено было ѣздить съ верховыми. Нѣкоторые изъ указовъ объ одеждѣ, экипажахъ, и т. п., вызваны были требованіями придворнаго этикета. Укажемъ лишь на немногіе и позднѣйшіе. 23 октября 1782 года форма платья придворныхъ дамъ подвергается законодательному опредѣленію, а головные уборы предписано „носить не выше двухъ вершковъ, разумѣя отъ лба". Лакеямъ, скороходамъ и прочей прислугѣ не дозволено было носить на шляпахъ и киверахъ бѣлыхъ перьевъ [118]).

Мѣры противъ роскоши принимались до конца царствованія Екатерины II. Указомъ 13 іюля 1790 года приказано было украшенія на лошадяхъ, экипажахъ и одеждѣ кучеровъ и лакеевъ отрывать въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, въ пользу котораго поступали, при нарушеніи правительственныхъ распоряженій, и лошади.

Императоръ Павелъ запретилъ ѣздить въ маскерадъ въ обыкновенныхъ костюмахъ. Ослушниковъ приказано было брать подъ караулъ [119]). Этотъ государь издалъ нѣсколько распоряженій объ экипажахъ и одеждѣ и запретилъ ношеніе круглыхъ шляпъ. Но въ послѣднемъ случаѣ наше правительство вступило въ борьбу уже не съ роскошью, а съ идеями французской революціи [120]).

III.

Въ длинномъ рядѣ законодательныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій, которые наполняютъ страницы двадцати-пяти томовъ *Полнаго Собранія Законовъ*, начиная съ 1649 года и кончая 1799-мъ, мы особенно часто встрѣчаем-

ся съ указами о лихоимствѣ и о доносахъ. Уставная грамота 30 апрѣля 1654 года, отмѣнявшая отдачу на откупъ мытовъ, мостовъ, съѣстныхъ припасовъ и т. д., говоритъ про откупщиковъ:... „и тіи откупщики, врази Богу и человѣкомъ, немилосердіемъ ревнуютъ прежнимъ окояннымъ мытаремъ и прочимъ злодѣемъ". Въ томъ же году, по именному указу, били кнутомъ за взятки князя Александра Кропоткина и дьяка Ивана Семенова, „чтобъ на то смотря, въ передъ инымъ такимъ ворамъ и безстрашникомъ неповадно было воровать и посуловъ имать". Но эти „иные" не унимались. Въ 1655 году стольника Плещеева приговариваютъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ Сибирь. „И вмѣсто битья (ради праздниковъ), говорится въ постановленіи, указалъ Государь написать тебя по московскому списку вѣчнымъ клятвопреступникомъ, и ябедникомъ, и бездѣльникомъ, и клеветникомъ. А что ты отца своего полживилъ, и такъ дѣлаютъ не природные отцовъ своихъ дѣти, а наймиты и выблядки" [121]). Плещеевъ провинился въ злоупотребленіяхъ по отпуску изъ Смоленска хлѣбныхъ запасовъ. Петръ Великій предписываетъ доносить самому его царскому величеству на грабителей народа и повредителей интересовъ государственныхъ. Доносчикамъ отдается движимое и недвижимое имущество преступника [122]). Но нѣсколько ранѣе, по недостатку средствъ въ казнѣ, правительство должно было сдѣлать пагубную уступку. Подъячіе секретнаго стола били челомъ о прибавкѣ жалованья. Сенатскимъ указомъ [123]) рѣшено: „Вмѣсто жалованья, вѣдать въ секретномъ столѣ всѣ иноземческія и Строгановы дѣла, кромѣ городскихъ товаровъ". 21 мая 1720 года выходитъ суровый указъ противъ „плутовъ, которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать и несытость свою исполнять". Но законы дѣйствовали плохо, самыя жестокія наказанія не устрашали грабителей. „Извѣстно ему великому государю учинилось,—говорится въ другомъ указѣ того же года [124]),—что возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне, приходятъ въ раззореніе и бѣдность". 3 октября 1720 года выходитъ новый указъ противъ лихоимцевъ и

взяточниковъ. По указу 22 января 1724 г., предписано не ставить въ службу, если обличенный въ преступленіи донесетъ на другихъ. Въ 1725 году царь велѣлъ повѣсить коммиссаровъ новгородской провинціи, Никиту Арцыбашева, Григорія Баранова и подъячаго Якова Волоцкаго за похищеніе казны и излишніе поборы въ Обонежской пятинѣ. Тѣлъ приказано не снимать, все движимое и недвижимое имущество виновныхъ, кромѣ приданаго женъ, — взять въ казну [125]). Зло держалось крѣпко. Указъ 1740 года [126]) объявляетъ что въ Малороссіи и въ слободскихъ полкахъ военные и проѣзжавшіе чиновники „поступаютъ съ тамошними жителями безсовѣстно и, не смотря на запретительные толь многіе наши указы, чинятъ великія обиды и разоренія, берутъ нагло подводы безъ подорожныхъ и безъ платежа прогоновъ, и харчъ всякой, и фуражъ безденежно, и многихъ невинныхъ людей напрасно бьютъ и увѣчатъ жестокими побоями; а нѣкоторые нападками своими и взятки берутъ деньгами, вещами и скотомъ“. Отымали лѣса, угодья, хутора; у вдовъ и сиротъ вымогали крѣпости на земли [127]). Эти самые администраторы въ своихъ отчетахъ заботливо выводили даже доли копѣйки, такъ что указъ 5 мая 1740 года запрещаетъ писать въ приходѣ и расходѣ менѣе четверти копѣйки. Въ 1760 году, по признанію правительства, „несытая алчба корысти до того дошла, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе предводительствомъ судей, а потворство и упущеніе ободреніе беззаконникамъ“ [128]). Въ 1762 году ссылается на вѣчную работу въ Сибирь регистраторъ новгородской губернской канцеляріи, Яковъ Ренберъ, бравшій взятки при присягѣ, и въ указѣ говорится при этомъ: „едва есть-ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ божественное сіе дѣйствіе судъ безъ зараженія сей язвы (лихоимства) отправлялося“ [129]). Вскорѣ затѣмъ правительство прибѣгаетъ къ слѣдующей мѣрѣ: оно публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе имена наказанныхъ за лихоимство и взятки. На первый разъ въ этомъ спискѣ красуются бѣлогородскій губернаторъ князь Григорій Шаховской, товарищъ губернатора Петръ Безобразовъ, прокуроръ,—око государево,— Зыбинъ, и другіе [130]). Указы противъ лихоимства повторяются, отъ времени до времени, до самаго конца прошлаго столѣтія.

Въ числѣ средствъ борьбы съ этимъ ужасающимъ порокомъ администраціи высшая власть, какъ мы упомянули уже, обратилась и къ поощренію доноса. Доносы особенно поощрялись при государственныхъ или политическихъ преступленіяхъ. *Слово и дѣло*, сгубившее такъ много людей при Петрѣ Великомъ и ближайшихъ его преемникахъ, вызвало много указовъ [131]). 4 апрѣля 1729 г. Преображенская канцелярія уничтожается, завѣдывавшій ею Ромодановскій увольняется въ отставку, и важнѣйшія дѣла переносятся въ Верховный Тайный Совѣтъ, а менѣе значительныя—въ сенатъ. 24 марта 1731 года дѣла упраздненной канцеляріи передаются печально извѣстному Ушакову, но рѣшенія по нимъ предоставляются сенату. Екатерина II подтверждаетъ (словами манифеста Петра III, о которомъ однако вовсе не упоминается) уничтоженіе тайной канцеляріи [132]), фактически, какъ извѣстно, продолжавшей дѣйствовать.

Но, вызвавши къ жизни темную силу, пробудивши въ русскомъ обществѣ позорные инстинкты, правительство принуждено было усиленно бороться съ крайними злоупотребленіями доносовъ. Петръ Великій повелѣваетъ 23 декабря 1713 года доносить самому царю только въ дѣлахъ, „которыя касаются о ихъ государскомъ здоровьи и высокомонаршеской чести, или увѣдаютъ какой бунтъ и измѣну; а о прочихъ дѣлахъ, которыя къ вышеписаннымъ не касаются, доносить кому надлежитъ“. Нарушители указа будутъ въ великомъ наказаніи и разореніи, имъ обѣщается даже каторга. Въ началѣ 1715 года [133]) императоръ, въ виду того, что появляется много подметныхъ писемъ,—„въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольничьихъ вымышленій, которыми подъ видомъ добродѣтели, ядъ свой изливаютъ“, — приказываетъ не доносить о такихъ письмахъ, а жечь ихъ, не читая [134]). 28 апрѣля 1722 года изданъ указъ, вызванный тѣмъ, что „нѣкоторой человѣкъ кричалъ всенародно многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести его императорскаго пресвѣтлаго величества, и весьма вредительныя государству“. Сошлось много народу, слушали эти возмутительныя рѣчи, но никто „злодѣя“ не схватилъ, и только посадскій человѣкъ Ѳедоръ каменьщикъ извѣстилъ о происшедшемъ мѣстное начальство. Указъ вновь требуетъ доносить и ловить оскорбителей чести

государевой. 23 іюня 1725 года приказано старыя дѣла „по фискальскимъ и доносителевымъ доношеніямъ", кромѣ дѣлъ о крестьянскихъ недоимкахъ, о данныхъ изъ казны деньгахъ и о штрафахъ за утайку душъ, — предать забвенію, *отставить*. „А впредь доносителямъ мимо фискаловъ нигдѣ не доносить". Управленіе доносами получаетъ такимъ образомъ прочную постановку. Вскорѣ повторяются обѣщанія выдавать награды за доносъ о писавшихъ или распространявшихъ подметныя письма [135]). Анна Ивановна, въ одномъ изъ первыхъ указовъ своего царствованія, признаетъ, что поощреніе правительствомъ доноса вызвало большія злоупотребленія. Доносили изъ личной мести, чтобъ запутать невиннаго и подвергнуть его ужасамъ пытки, доносили уголовные преступники, чтобъ отсрочить наказаніе, имъ назначенное. Императрица повелѣваетъ „за ложный и затѣйный доносъ чинить смертная казнь, безъ всякія пощады". Если преступники будутъ говорить *слово и дѣло* передъ самымъ исполненіемъ надъ ними смертной казни,—не вѣрить имъ и казнить, не откладывая. Этотъ указъ вышелъ 10 апрѣля 1730 года, а черезъ нѣсколько дней объявляется смертная казнь недонесшимъ *о великихъ дѣлахъ* и сильныя наказанія за недонесеніе въ другихъ случахъ [136]). Подметныя письма указами 11 августа 1732 и 31 января 1745 года предписано было сжигать при свидѣтеляхъ, не раскрывая. Но казни не устрашали, ложные доносчики продолжали являться „изъ солдатства и другихъ чиновъ, будучи за воровство и за прочія свои подозрительства подъ карауломъ" [137]). Втораго ноября 1733 года за ложное *слово и дѣло*, лицъ священнаго и монашескаго чина, согласно указу 10 апрѣля 1730 года, повелѣно разстригать и писать въ солдаты, а старыхъ, негодныхъ къ службѣ, бить кнутомъ, вырѣзывать ноздри и ссылать въ Сибирь на вѣчную работу. Любопытно, что утилитарное соображеніе побудило правительство смягчить наказаніе за ложное *слово и дѣло* для крестьянъ и посадскихъ людей: ихъ приказано бить, хотя и нещадно, но не кнутомъ, а плетьми, „дабы они впредь при отдачѣ въ рекруты годны быть могли" [138]). Каково же, стало быть, оказывалось наказаніе кнутомъ! Императрица Елизавета объявляетъ 25 мая 1752 г., что, къ крайнему своему неудовольствію, она слышитъ

о раззореніи и притѣсненіи подданныхъ ябедниками. „Не безъизвѣстно жъ, продолжаетъ указъ, что въ таковыхъ непристойныхъ званію своему поступкахъ отставной лейбъгвардіи прапорщикъ князь Никита Андреевъ сынъ Хованской находится, которому впредь себя отъ этого удержать". Ложными доносами занимались и фискалы. 17 января 1754 г. налагается денежное взысканіе на фискала Мейстера за лживый доносъ на рижскую губернскую канцелярію. 6 сентября 1755 года велѣно бить кнутомъ и сослать въ Оренбургъ купца Свинухина за ложный доносъ на завѣдывавшаго низовою соляною конторою полковника Казаринова. Другимъ участникамъ этого доноса были назначены плети. Петръ III въ манифестѣ объ уничтоженіи тайной розыскной канцеляріи назначаетъ строгія наказанія за ложные доносы. Императоръ говоритъ: „Совсѣмъ не чаемъ мы, чтобъ благородные дворяне, офицеры или тѣми чинами отъ насъ удостоенные, или же кто-либо изъ знатнаго купечества, нашлись когда-либо въ столь мерзкихъ предъ Богомъ и предъ свѣтомъ преступленіяхъ, каковы суть противъ первыхъ двухъ пунктовъ [139]), а еще меньше ожидаемъ, чтобъ нашлись между ими толико подлые и безчестные люди, кои похотѣли бы дѣлаться клеветниками, то-есть ложными доносителями". Лицъ, представлявшихъ доносъ, предписывается, подъ карауломъ, отправлять въ сенатъ, и до указа послѣдняго оговоренныхъ не арестовывать и не считать подозрительными. Но *подлые и безчестные люди* не переводились, и въ томъ же году были наказаны плетьми два арзамаскихъ купца за ложный доносъ на мѣстный магистратъ [140]).

Екатерина II назначаетъ награду тѣмъ, кто донесетъ о неправильно захваченныхъ земляхъ [141]). Она подтверждаетъ прежнія постановленія о подметныхъ письмахъ. Поводомъ къ послѣднему указу послужило то, что подметное письмо подбросилъ во дворцѣ какой-то „сущій бездѣльникъ и наполненный развращенною дерзостію человѣкъ" [142]). Императоръ Павелъ, указомъ 20 декабря 1798 года, назначаетъ денежное вознагражденіе за доносъ о бѣглыхъ солдатахъ. 25 января 1799 года были учреждены фискалы въ литовской, минской, волынской, подольской, кіевской и бѣлорусской губерніяхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Изъ представленнаго очерка нашего законодательства въ теченіе XVIII вѣка видно, что это законодательство постепенно секуляризировалось, все болѣе и болѣе принимало свѣтскій характеръ, хотя государство при этомъ поглощало церковь, и, охраняя узко понимаемые интересы послѣдней, дѣлало ее покорною слугою правительственныхъ цѣлей. Въ законодательные акты, по почину верховной власти, вводятся новыя начала, которыя нерѣдко объясняются и защищаются при мотивировкѣ отдѣльныхъ законовъ. Эта правительственная пропаганда новыхъ идей не могла остаться безъ вліянія на общество. Въ области государственнаго права взгляды Петра Великаго защищались Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, и нельзя не отмѣтить того, что теорія, развивавшаяся въ *Правдѣ воли монаршей*, имѣла вредное вліяніе и на юридическія воззрѣнія, и на ходъ политическихъ событій въ имперіи. Престолонаслѣдіе утрачивало обычный порядокъ, вносился произволъ туда, гдѣ прежде господствовали ясныя и точныя правила, что не могло не содѣйствовать усиленію произвола и смуты въ многихъ другихъ отношеніяхъ. Въ *Наказѣ* императрицы Екатерины II возвѣщаются новыя, гуманныя идеи, — отголосокъ западно-европейской философской мысли. Много важнаго и поучительнаго находимъ мы въ законодательныхъ актахъ какъ этой императрицы, такъ и ея предшественниковъ. Въ указѣ отъ 24 ян-

варя 1755 года, напримѣръ, объ учрежденіи московскаго университета, говорится, что „всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется“ [1]). Сенатъ указомъ 19 іюня 1761 года требовалъ обращать раскольниковъ въ православіе исключительно „мечомъ духовнымъ“. Но при Петрѣ Великомъ, который заявлялъ всенародно дѣйствительно то, что думалъ, въ чемъ былъ самъ убѣжденъ, и при всѣхъ его преемникахъ въ теченіе прошлаго столѣтія, гуманные взгляды, возвѣщавшіеся правительствомъ, справедливыя начала, которыя оно выставляло въ своихъ повелѣніяхъ, парализировались образомъ дѣйствія самихъ правительственныхъ лицъ и раболѣпными привычками общества. Заботясь о просвѣщеніи, восхваляя его въ своихъ торжественныхъ заявленіяхъ, правительство весьма неодобрительно относилось къ критикѣ его дѣйствій, къ зарождавшемуся общественному мнѣнію по вопросамъ политическимъ. Въ указѣ отъ 5 іюня 1757 года говорится, „что ежели кто отнынѣ разглашая какія либо извѣстіи, или еще и вымышляя оныя, *о непринадлежащихъ до него, особливо политическихъ* и воинскихъ дѣлахъ, превратныя толкованіи и разсужденіи дѣлать станетъ, а намъ о томъ донесется, такой неминуемо всю тягость нашего гнѣва почувствуетъ, такъ какъ напротиву того каждый, кто единственно своей должности, званію или ремеслу прилежитъ, о монаршемъ нашемъ благоволеніи обнадеженъ быть можетъ“. Въ указѣ 4 іюня 1763 года, гдѣ императрица, произнося различныя угрозы, ссылается на природное свое человѣколюбіе, находятся слѣдующія знаменательныя выраженія: „Противъ всякаго чаянія къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ; но какъ сами заражены странными разсужденіями, *о дѣлахъ, со всѣмъ до нихъ не принадлежащихъ*, не имѣя о томъ прямаго свѣденія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ“. Г. Пыпинъ говоритъ: „какъ ни были ничтожны люди, въ рукахъ которыхъ осталось дѣло Петра по его смерти, дальнѣйшее время принесло не мало результатовъ, вполнѣ отвѣчавшихъ идеѣ реформы: не говоря о разныхъ практическихъ пріобрѣтеніяхъ, увеличившихъ государственныя средства и силу Россіи, великія пріобрѣте-

нія были сдѣланы въ области умственнаго развитія“ [2]). Но самъ г. Пыпинъ указываетъ, какою цѣною пріобрѣталось иной разъ это содѣйствіе умственному развитію: Третьяковскій, собираясь печатать книжку о правописаніи, проситъ о разрѣшеніи президента академіи, графа Разумовскаго, „увѣряя подъ лишеніемъ чести и живота, что въ сей книжкѣ нѣтъ никакихъ противностей православной вѣрѣ, самодержицѣ, отечеству, добронравію; также нѣтъ въ ней никакихъ обидныхъ словъ и изображеній ни тайныхъ, ни явныхъ никому“. Императрица Екатерина II, въ 1769 г., съ Орловыми, Шуваловыми и другими приближенными лицами, переводитъ мармонтелевскаго *Велизарія*. Г. Незеленовъ утверждаетъ, что она—„главная представительница того направленія литературы, которое развилось у насъ подъ вліяніемъ такъ называемой освободительной философіи. Если не всѣ, то многія идеи Вольтера и энциклопедистовъ нашли у насъ выраженіе въ ея сатирическихъ статьяхъ, комедіяхъ, драмахъ, законодательныхъ, историческихъ, и педагогическихъ произведеніяхъ“ [3]). Свободолюбивые взгляды начали было развиваться въ нашей литературѣ. Въ трагедіи Николева *Сорена и Замиръ* находятся между прочимъ слѣдующіе стихи:

«Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца» *).

Московскій главнокомандующій, графъ Брюсъ, запретилъ представленіе и донесъ императрицѣ. Екатерина отвѣчала, что запрещать пьесу не слѣдовало, потому что „авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерію“. Дашковой императрица приказала напечатать трагедію въ *Россійскомъ Θеатрѣ* (1786 г., часть V). Но *Вадимъ Новгородскій* Княжнина вызвалъ бурю *). Сенатскій указъ предписывалъ сжечь „оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями“. Извѣстна печальная участь Новикова и Радищева. Г. Шугуровъ говоритъ про послѣдняго: „Одушевленный желаніемъ блага родной странѣ, съ уди-

*) *Русская Старина*, 1871, іюнь, 725—726.

вительною смѣлостію, не останавливаясь ни предъ какими соображеніями, вскрылъ онъ темныя стороны своей современности, которыя безобразіемъ своимъ должны были глубоко оскорблять и возмущать его нравственное чувство. Вотъ откуда шла обида ему, чего не хотѣли или не могли понять ни императрица, ни окружавшія ее лица" [5]). „Идеальная личность Новикова, говоритъ рецензентъ книги г. Незеленова (*Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 г.*),—и нѣкоторыхъ подобныхъ ему людей выступаетъ еще рельефнѣе среди русскаго общества XVIII в., чуждаго всякихъ идеаловъ, какъ общественныхъ, такъ и нравственныхъ, и перенявшаго цѣликомъ передовыя идеи французскихъ философовъ, которыхъ оно не въ состояніи было ни оцѣнить, ни понять надлежащимъ образомъ" [6]). А московскій главнокомандующій, князь Прозоровскій, писалъ о Новиковѣ Шешковскому: „Жду отъ ея императорскаго величества высочайшаго повелѣнія и сердечно желаю, чтобы вы ко мнѣ пріѣхали, а одинъ съ нимъ не слажу. Эбова плута тонкаго мало я видалъ". Въ другомъ письмѣ къ тому же господину Прозоровскій говоритъ: „Птицу Новикова къ вамъ отправилъ, правда, что не безъ труда вамъ будетъ съ нимъ, лукавъ до безконечности, безсовѣстенъ, и смѣлъ, и дерзокъ" [7]). Литература начинала пріобрѣтать значеніе въ обществѣ. Съ появленіемъ извѣстнаго сочиненія Радищева измѣнилось воззрѣніе, по которому книга была нѣчто пустое, а потому и невредное [8]). Къ печатному слову стали относиться подозрительно, придирчиво и сурово. Журналы Новикова, въ которыхъ проводились нерѣдко свѣтлые взгляды, подверглись стѣсненіямъ, и проповѣдь человѣческаго достоинства, борьба съ крѣпостнымъ правомъ и съ административными и судебными злоупотребленіями должна была смолкнуть [9]). На вопросъ фонъ-Визина, въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ? Екатерина II поспѣшила отвѣтить: „Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, *въ образцовомъ послушаніи* и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ". Г. Незеленовъ говоритъ, что волтеріанство,—то есть тѣ легкомысленно усвоенные и крайне поверхностные взгляды, которые принимались въ русскомъ обществѣ того времени за „послѣднее слово" европейскаго просвѣщенія,—„поддерживало въ нашемъ обществѣ екате-

рининскихъ временъ то неслыханное презрѣніе къ простому народу, какого не знали предшествующіе вѣка нашей исторіи" [10]). Но дѣйствительное просвѣщеніе, пускавшее мало по малу корни въ обществѣ, было, разумѣется, неразрывно связано съ защитой человѣческаго достоинства въ себѣ и въ другихъ, съ борьбой противъ стѣсненій и несправедливостей, нагроможденныхъ вѣками. Было другое воззрѣніе, кромѣ легкомысленнаго волтеріанства, которое также принесло не мало вреда русскому обществу: это столь же легкомысленно принятое ученіе Руссо о превосходствѣ нравственнаго воспитанія передъ развитіемъ умственныхъ способностей. Г. Незеленовъ основательно замѣчаетъ, что въ такомъ взглядѣ кроется глубокая ложь. „Невѣжество первобытнаго человѣка, живущаго жизнью, близкой къ природѣ, обыкновенно соединяется съ непосредственной нравственностью, съ первобытной, безсознательной неиспорченностью души. Но совсѣмъ не то бываетъ, когда невѣжество овладѣетъ уже давно вышедшимъ изъ непосредственной жизни обществомъ: тогда неизмѣннымъ спутникомъ его является—развратъ" [11]). И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи не разнорѣчатъ заслуживающія довѣрія показанія современниковъ. Болотовъ, напримѣръ, говоритъ, что гвардейская служба была для дворянъ „сущимъ ядомъ и отравою", развивая среди нихъ роскошь и развратъ. Эти свойства вошли въ моду, стали считаться существеннымъ признакомъ хорошаго тона, образованности. Тѣмъ большаго сочувствія заслуживаетъ дѣятельность такихъ людей, какъ Новиковъ. „Невѣжество, читаемъ мы въ его *Московскомъ Изданіи*, есть ядовитый источникъ, изъ коего проистекаютъ всѣ мученія, обременяющія вселенную: слѣпое суевѣріе, беззаконіе и варварство, уничижающее искусство, суть его спутники". Въ *Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ* 1783 года напечатана статья о воспитаніи, которую г. Незеленовъ приписываетъ Новикову. Въ ней оспаривается указанная идея вѣка,— о превосходствѣ воспитанія надъ образованіемъ, и приводятся сильныя доказательства того, что развитіе сердца обусловливается развитіемъ разума. Вредъ поверхностнаго усвоенія далеко не лучшихъ при томъ особенностей европейской культуры былъ очевиденъ, а плодотворныя послѣдствія распространенія въ обществѣ образованности не могли еще обнару-

житься, и поэтому добросовѣстные защитники старины небезъ основанія могли указывать на превосходство, въ нравственномъ отношеніи, этой старины надъ современными порядками. Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, въ примѣчаніяхъ къ изданной имъ въ 1793 году *Духовной* Мономаха, сильно возстаетъ противъ галломаніи и старается „показать отцевъ нашихъ почтенные обычаи и нравы, кои моднымъ французскимъ воспитаніемъ исказилися". Лопухинъ въ своихъ *Запискахъ* говоритъ о „заразительной гнилости" западно-европейскихъ обычаевъ, которая „снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ Россійскихъ". Щербатовъ утверждаетъ, что „развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе государю, всякаго рода раскошь составляли отличительныя умоначертанія двора; а оттуда уже разлилися и на другія состоянія людей".

Вліяніе гуманныхъ идей замедлялось и тѣмъ, что правительство придерживалось въ своихъ дѣйствіяхъ такихъ воззрѣній, которыхъ оно не рѣшалось защищать всенародно. Даже императрица Екатерина II, въ тайномъ наставленіи генералъ-прокурору князю Вяземскому, говоритъ, что за исключеніемъ самого государя,—„другіе всѣ, по слову Евангельскому, наемники есть" [12]). 31 мая 1767 года приказано было московскаго первой гильдіи купца Дятлева высѣчь публично плетьми за то, что нѣсколько разъ утруждалъ ея императорское величество подачею въ собственныя руки разныхъ прошеній [13]). Не мудрено поэтому, что раболѣпіе не искоренялось въ высшемъ русскомъ обществѣ, среди высшихъ правительственныхъ лицъ. Такъ генералъ-прокуроръ Глѣбовъ на упрекъ Екатерины въ томъ, что „открылъ конфиденцію", спѣшитъ, конечно, представить объясненіе и при этомъ добавляетъ: „но совсѣмъ тѣмъ не можетъ рабъ передъ Господомъ своимъ оправдаться". Попрошайничество, по замѣчанію Карновича, проходитъ весьма замѣтною полосою въ исторіи нашего дворянства, и этимъ только усиливалась зависимость сословія отъ правительственной власти. Сознаніе человѣческаго достоинства и правъ и обязанностей гражданина тѣмъ не менѣе развивалось въ русскомъ обществѣ XVIII столѣтія, хотя и медленно, иной разъ даже испытывая давленіе попятнаго движенія. При Екатеринѣ I сенаторы отправили назадъ нераспечатаннымъ первый указъ

изъ верховнаго тайнаго совѣта. Явился кабинетъ-секретарь Макаровъ съ подтвержденіемъ воли императрицы, и сенаторы уступили [15]). Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій и членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Степановъ, жалуясь на оскорбленія, ссылаются на свои чины *и на всенародныя права*. „Мы должны, говоритъ Соловьевъ, привѣтствовать это начинаніе, ибо тѣмъ же путемъ, т. е. обращеніемъ болѣе и болѣе сильнаго вниманія на всенародныя права, общество мало по малу придетъ къ обезпеченію человѣка, какъ человѣка, а не совѣтника канцеляріи только“ [16]). Когда оберъ-прокуроръ сената, Неклюдовъ, по случаю мира съ Швеціей, въ 1790 году, произнесъ хвалебную рѣчь Екатеринѣ II, принижая передъ нею Петра Великаго, это вызвало горячую и рѣзкую отповѣдь князя М. М. Щербатова: *Отвѣтъ гражданина* [16]). Но подобныя явленія были исключительными. Требовалось выдающееся умственное развитіе и необычная у насъ нравственная стойкость, чтобы противостоять и страху, и искушенію. Добролюбовъ справедливо выражаетъ сожалѣніе, „что сатира Екатерининскаго вѣка не находила возможности развивать свои обличенія изъ простыхъ положеній о вредѣ личнаго произвола и о необходимости для блага общества *общей силы закона*, которою бы всякій равно могъ пользоваться“ [17]). Такое положеніе вещей не мѣшало, разумѣется, льстецамъ воспѣвать „великій вѣкъ Екатерины“. У Державина *Фелица* заявляетъ:

Я вамъ даю свободу мыслить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить
И въ ноги мнѣ челомъ не бить.

А Капнистъ написалъ высокопарную *Оду на истребленіе въ Россіи званія раба*, гдѣ возвѣщается между прочимъ:

Россія! ты свободна нынѣ!
Ликуй! во вѣкъ въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна.

„Правительственный механизмъ, говоритъ г. Иловайскій, преобразованный Петромъ I, но далеко не обработанный въ главныхъ своихъ частяхъ, по смерти энергическаго мастера часто переходилъ въ руки людей, имѣвшихъ весьма малое понятіе о потребностяхъ государства и преслѣдовав-

шихъ свои личные интересы" [18]). И какіе еще личные интересы! Энгельгардтъ разсказываетъ, что князь Потемкинъ, въ лагерѣ, усиленно ухаживалъ за княгинею К. Ѳ. Долгорукою, но, ко всеобщему изумленію *), успѣха не имѣлъ. А чтобы угодить княгинѣ, свѣтлѣйшій не останавливался передъ слѣдующими пріемами. Княгиня сказала однажды, что любитъ цыганскую пляску. Потемкинъ узнаетъ, что въ кавказской арміи отлично пляшутъ два офицера, братья Кузьмины. Немедленно изъ Новороссіи мчатся гонцы на Кавказъ и привозятъ оттуда названныхъ офицеровъ. Ихъ переодѣваютъ цыганомъ и цыганкою, Кузьмины пляшутъ передъ К. Ѳ. Долгорукою и вслѣдъ затѣмъ возвращаются на Кавказъ. Энгельгардтъ наивно говоритъ: „должно отдать справедливость мастерству гг. Кузьминыхъ: я лучшей пляски въ жизнь мою не видывалъ" [19]).

Наиболѣе высоко-поставленные люди отличались и узостью взглядовъ, и черствымъ, если не жестокимъ отношеніемъ къ обществу и народу. Такъ въ 1748 году новый московскій главнокомандующій, графъ Брюсъ, смѣнившій Чернышева, требовалъ отъ извѣстнаго И. В. Лопухина увеличенія наказаній. Не пятьдесятъ ударовъ надо назначать, говорилъ онъ, а 200, 300, 500. „Да эдакъ, возражалъ Лопухинъ, будемъ всегда засѣкать до смерти"? Возраженіе не смутило Брюса: „Чего жъ ихъ жалѣть? отвѣтилъ онъ,—и это наказаніе вмѣсто смертной казни". Лопухину съ трудомъ удалось убѣдить главнокомандующаго, что открытая смертная казнь отмѣнена не затѣмъ, чтобъ ее замѣнило смертельное истязаніе [20]). При Неплюевѣ бѣглыхъ заводскихъ крестьянъ топили и сожигали въ доменныхъ печахъ, а князь Урусовъ при усмиреніи бунта Солтанъ-Гирея, прозваннаго Каракасалъ, т. е. черная борода, наказалъ до 300 человѣкъ отрѣзаніемъ ушей и носовъ [21]). Но формы сношеній высшихъ правительственныхъ лицъ другъ съ другомъ, дѣйствительно, во второй половинѣ вѣка въ особенности, становятся утонченными. Такъ московскій почтъ-директоръ, Пестель, вскрывавшій письма мартинистовъ, снималъ съ этихъ писемъ копіи на золотообрѣзной бумагѣ, съ водяными знаками льва и рыцаря,

*) Завадовскій писалъ по этому случаю С. Р. Воронцову: «женщина превзошла нравы своего пола въ нашемъ вѣкѣ: пренебрегла его сердце». (*Архивъ князя Воронцова*, XII, 68).

съ надписью: *pro patria* [22]). А Массонъ сообщаетъ, что нѣкоторыя дамы высшаго круга „воспитывали“ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ для разврата за выгодную цѣну [23]). Не смотря на упорную и продолжительную борьбу съ грубыми проявленіями неуваженія къ человѣку, императрица Екатерина II должна была постоянно повторять запрещеніе жестоко обращаться съ придворною прислугою. Въ указѣ отъ 6 мая 1771 говорится: „Воля наша не исполняется, и паки при дворѣ нашемъ возобновилась злая привычка ливрейныхъ служителей бить“. Въ одномъ изъ писемъ къ Сиверсу Екатерина говорила: „Въ случаѣ не совсѣмъ надежныхъ свѣдѣній, берегитесь, чтобы господа дворяне не употребили во зло доброту вашего сердца, когда имъ вздумается вымогать вспоможеніе изъ казенныхъ магазиновъ. Есть русская пословица: казенному лѣсу всякій родня“. Такимъ образомъ истинное понятіе о чести, о личномъ достоинствѣ, которое является, какъ необходимый спутникъ истиннаго образованія, медленно развивалось въ русскомъ обществѣ; но, повторяемъ, виновато было въ этомъ и само правительство, сплошь и рядомъ нарушавшее основныя требованія гуманности, справедливости и законности. Наиболѣе просвѣщенная русская правительница въ XVIII вѣкѣ не затруднялась писать къ князю М. Н. Волхонскому, московскому главнокомандующему, чтобъ онъ не пропускалъ вракъ безъ изслѣдованій, но не давалъ „вракамъ иералямъ большаго уваженія, нежели по разбору и существу вещь сама собой заслуживаетъ. Но, — прибавляетъ императрица,—какъ нынѣ на Москвѣ вранья было безъ конца и безъ счету; того для, если вы усмотрите, что сіи врали не унимаются, прикажите враля — другаго, по изслѣдованіи, что врали, высѣчь плетьми публично черезъ полицію, сказавъ въ сентенціи, что то дѣлается для воздержанія educated вралей отъ вранья“. Но Екатерина все таки заботилась о соблюденіи внѣшней благопристойности. Въ письмѣ къ тому же Волхонскому, отъ 1 марта 1772 года, по дѣлу Михаила Пушкина, братъ котораго попался съ поддѣланными ассигнаціонными штемпелями, императрица говоритъ: „При семъ старайтесь всего того отдалить, чтобъ въ публикѣ казаться могло насиленіемъ“ [24]). Камердинеръ императрицы „сдѣлалъ проказу“ надъ секретаремъ юстицъ - коллегіи. Екатерина

предписываетъ поступить по законамъ, „дабы видѣла публика, что безпутство и въ моихъ комнатныхъ справедливое возмездіе получаетъ“ [25]). Нельзя не отмѣтить, какъ признака смягченія нравовъ въ правительственныхъ сферахъ, подъ благотворнымъ вліяніемъ западноевропейскаго просвѣщенія, и такого, напримѣръ, факта. Въ 1778 году пьяный солдатъ болталъ, что въ крымскихъ степяхъ появился Петръ III. Солдата допрашивали, и при этомъ не пытали, а били батогами. Императрица утвердила докладъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго: батоги вмѣнены солдату въ наказаніе и онъ принятъ опять на службу [26]). Въ указѣ отъ 28 апрѣля 1768 года сказано, что при публичномъ исполненіи (въ Петербургѣ) тѣлесныхъ наказаній ловятся насильно изъ зрителей по нѣскольку человѣкъ, чтобы держать преступника. Указъ предписываетъ „употреблять къ сей должности подобныхъ наказываемому преступниковъ и осужденныхъ колодниковъ [27]).

Но смягченіе нравовъ изъ высшихъ сферъ распространялось медленно, да и въ нихъ самихъ парализировалось другими особенностями двора и придворныхъ. Вильямъ Коксъ, бывшій у насъ въ 1778 году, говоритъ, что „богатство и пышность русскаго двора превосходятъ самыя вычурныя описанія. Слѣды древняго азіатскаго великолѣпія смѣшивались съ европейскою утонченностію“. Коксъ сообщаетъ далѣе, что въ одну зиму при немъ три человѣка были засѣчены до смерти, и скептически относится поэтому къ прославленной отмѣнѣ смертной казни [28]). Никита Ивановичъ Панинъ, по сообщенію Порошина, говорилъ, что его чуть параличъ не убилъ при чтеніи дѣла о Волынскомъ. Это, конечно, добрый знакъ; но иное впечатлѣніе производитъ извѣстіе, что „недавно (1789 годъ) пожалованъ нашъ Кутузовъ въ камеръ-пажи за то, что уроненный Зубовымъ платокъ умѣлъ поднять кстати“. А между тѣмъ Екатерина II, въ письмѣ къ Г. Г. Орлову, отъ 11 января 1773 года, заявляла, что презираетъ „подлецовъ и ласкателей, коихъ безконечное множество около двора“ [29]). Завадовскій пишетъ графу С. Р. Воронцову (въ 1776 году): „кромѣ двухъ Орловыхъ я не вижу, кого бы интересовалъ жребій отчизны“. „Корысть и подобные тому пороки, — читаемъ мы въ другомъ его письмѣ, — разольются часъ отъ часу болѣе, по

мѣрѣ того, какъ мать ихъ роскошь господствуетъ" [30]). Гарновскій усердно добивается запрещенія ввоза стекла, потому что свѣтлѣйшій князь Потемкинъ завелъ собственный стеклянный заводъ. Храповицкій заноситъ въ свой дневникъ 17 сентября 1790 года такую замѣтку: „Разговоръ о дѣвкахъ театральныхъ. Отъ того погибла Франція qu' on tombe dans la crapule et les vices: опера Буфа всѣхъ перековеркала. Je crois que les gouvernantes de vos filles sont de maquerelles. Смотрите за нравами"! А между тѣмъ при русскомъ дворѣ италіанскую оперу должны были посѣщать даже члены синода. Кутузовъ писалъ къ женѣ (Фридрихсгамъ, 1799): „Волхонской даетъ превеликіе банкеты, хотя у бѣднаго подмосковную въ маѣ мѣсяцѣ съ публичнаго торгу за долги продали". Начальникъ тайной канцеляріи, Шешковскій, хвалился, что знаетъ средство вынуждать признанія: онъ начиналъ тѣмъ, — пишетъ сынъ Радищева, что допрашиваемое лицо хватитъ палкой подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрещатъ, а иногда и повыскакаютъ". Шешковскій такъ обращался *съ знатными особами*: простолюдины попадали на расправу къ его подчиненнымъ. А при дворѣ еще въ 1744 году былъ введенъ церемоніалъ для пріема иностранныхъ пословъ, шестьдесятъ восьмымъ параграфомъ котораго предусмотрѣнъ такой деликатный случай: „когда же за узостію дверей послу вмѣстѣ съ помянутыми персонами пройтить не можно будетъ, то посолъ сзади".

Про послѣдніе годы прошлаго вѣка, про царствованіе Павла, писатель - очевидецъ, котораго самому запуганному воображенію невозможно заподозрить въ вольнодумствѣ,— Гречъ, — выражается такимъ образомъ: „Ужасное время! я былъ тогда ребенкомъ, въ томъ возрастѣ, когда все кажется намъ въ розовомъ цвѣтѣ, когда живешь годы, о которыхъ потомъ вспоминаешь съ удовольствіемъ, съ сожалѣніемъ, что они прошли, а не могу и теперь, въ старости, вспомнить безъ страха и злобы о тогдашнемъ времени, когда самый честный и благородный человѣкъ подвергался ежедневно, безъ всякой вины, лишенію чести, жизни, даже тѣлесному наказанію, когда владычествовали злодѣи и мерзавцы, и всякій квартальный былъ тираномъ своего округа" [31]). Жестокость смѣнялась нелѣпостью, великодушный порывъ — новою жестокостью. 28 іюля 1798 года издается

именной указъ генералъ-прокурору князю Куракину: Литовской губерніи бржешкій городничій Пирхъ публично ходилъ къ круглой шляпѣ и фракѣ, „и сею неблагопристойною одеждою ясно изображалъ развратное свое поведеніе; употребляя также казенныхъ людей въ свои домашнія услуги, а потому, выкинувъ изъ службы онаго городничаго Пирха, велѣли мы просить прощеніе при разводѣ на колѣняхъ у полковника Жукова“ [32]). Содержатели общихъ столовъ, кофеенъ, собраній, купцы, наемная прислуга,—обязаны были ежедневно сообщать полиціи обо всемъ, что видѣли или слышали [33]). Гулять въ императорскомъ саду позволено было только безъ шапокъ, передъ дворцомъ проходить также. При встрѣчѣ съ императоромъ должно было выходить изъ экипажей и снимать верхнее платье. За неисполненіе этого предписанія сынъ одного богатаго купца получилъ 50 ударовъ кнута. Красавица Ирина Логиновна Богаевская, замужняя, при встрѣчѣ съ Павломъ вышла по церемоніалу изъ кареты. Императоръ остановился, внимательно посмотрѣлъ на нее и отвѣчалъ на поклонъ съ особенною благосклонностію. Затѣмъ, отъѣхавъ немного, онъ послалъ Кутайсова узнать объ имени и мѣстожительствѣ встрѣтившейся дамы. Богаевская, ѣхавшая навѣстить больную пріятельницу, Полуектову, назвалась ея именемъ. На другой день Кутайсовъ былъ отправленъ узнать о здоровьи мнимой Полуектовой. Дѣйствительная Полуектова въ это время скончалась, о чемъ Кутайсовъ и донесъ немедленно императору. „Это навело императора на размышленіе о превратности человѣческой жизни и странной игрѣ случая“. Богаевскіе поспѣшили, конечно, уѣхать въ деревню. „Въ теченіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Гатчинѣ въ постоянномъ раздраженіи отъ хода дѣлъ и придворныхъ условій, въ характерѣ Павла пріобрѣла полное господство эта раздражительная мелочность, отъ которой онъ не избавился и на престолѣ: какъ прежде, когда кругъ его власти ограничивался Гатчиной, онъ не стѣснялъ себя ничѣмъ, такъ теперь гатчинскія привычки перенесены были на управленіе имперіей“ [34]). О возмутительномъ состояніи правосудія къ концу вѣка, о казнокрадствѣ и всяческихъ злоупотребленіяхъ со стороны администраціи, мы имѣемъ много вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствъ [35]).

Высшее сословіе, дворянство наше, къ концу вѣка, подъ

вліяніемъ двора, съ одной стороны, и крѣпостнаго права, съ другой стороны, утрачиваетъ всякое самостоятельное значеніе въ политическомъ смыслѣ и вноситъ въ общество самодурство, раболѣпіе и развратъ. Болотовъ сообщаетъ поразительные факты низкопоклонства судей и другихъ чиновниковъ передъ княземъ Гагаринымъ. Самого Болотова Гагаринъ грубѣйшимъ образомъ разругалъ за то, что разъ на охотѣ не оказалось зайцевъ. Болотовъ, называвшій Вольтера и Гельвеція извергами и развратителями человѣческаго рода, разсказываетъ про себя слѣдующія вещи. Ему разъ принесли письмо для передачи Верещагиной, женѣ его подчиненнаго, съ которымъ Болотовъ былъ не въ ладахъ: „печати у сего письма случилось какъ-то на почтѣ повредиться такъ, что было оно совсѣмъ почти распечатано. Увидавъ сіе, не могъ я преодолѣть стремленія любопытства своего“. Верещагинъ писалъ женѣ, что надѣялся занять мѣсто Болотова. Послѣдній оставилъ это письмо у себя [36]). Болотовъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ помѣщиковъ второй половины прошлаго столѣтія *), не затруднился совершить вполнѣ безчестный поступокъ, какъ не затруднялся онъ порою жестоко обращаться съ крестьянами. Въ этомъ виноваты были общественныя условія нашей жизни. Крѣпостное право развращало дѣйствительно хорошихъ людей, какимъ былъ и Болотовъ. Вора, не хотѣвшаго указать товарища, этотъ долго бывшій за границею, образованный и мягкій помѣщикъ велѣлъ насильно кормить самою соленою селедкой и запереть въ теплую баню. Воръ не вытерпѣлъ пытки и далъ требуемое показаніе. Тогда по приказанію Болотова воровъ, голыхъ, намазали дегтемъ и водили по деревнѣ; крестьянъ выгоняли за ворота смотрѣть, а мальчишкамъ велѣно было кричать: воры! и бросать въ нихъ грязью. По поводу пугачевскаго бунта, Болотовъ замѣчаетъ, что помѣщики почитали крестьянъ первыми и злѣйшими своими врагами. „Глупость и крайнее безразсудство нашего подлаго народа, — пишетъ онъ, — была намъ слишкомъ извѣстна“ [37]).

---

*) Редакція *Русской Старины* говоритъ даже: «Болотовъ есть полный представитель лучшихъ русскихъ людей прошлаго столѣтія». Но это ужь преувеличеніе.

Русская знать, новая и переродившаяся старая, пріобрѣла большую склонность не только къ роскоши, картежной игрѣ, фейерверкамъ и другимъ празднымъ забавамъ, но и къ иностраннымъ путешествіямъ, въ большинствѣ случаевъ для такого же времяпрепровожденія. Пикаръ (письма къ князю А. Б. Куракину, 1781—1782 гг.) сообщаетъ, что „страсть къ путешествіямъ до того развилась между здѣшнею (то есть петербургскою) молодежью, что каждый день слышишь объ отъѣзжающихъ и возвратившихся". Но просвѣщенія придворный людъ не долюбливалъ. Такъ, цензура и придворные кружки препятствовали постановкѣ на сцену *Недоросля*, и фонъ-Визинъ добился этой постановки только при содѣйствіи графа Н. И. Панина [38]). Произволъ и развратъ, путемъ злоупотребленій помѣщичьей властью, проникали въ глубину народныхъ массъ и задерживали, искажали даже ихъ правильное развитіе. Семейныя отношенія были неудовлетворительны по всей Россіи. Г. Левицкій, на основаніи актовыхъ книгъ XVIII вѣка, констатируетъ тиранство, насиліе и развратъ, какъ весьма распространенныя явленія въ юго-западной Россіи, и основательно видитъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ порчи нравовъ въ уничтоженіи свободы развода [39]). Въ низшихъ слояхъ народа еще крѣпко держались старые предразсудки, грубые и циническіе обычаи. Такъ въ одной книгѣ, изданной въ Москвѣ въ 1786 г., мы читаемъ про городъ Торопецъ: „Тамо женихъ и всѣ его домашніе нарочно призываютъ для того дѣвокъ, которыя при входѣ ее (невѣсты) отъ вѣнца въ домъ жениховъ, стоя на крыльцѣ, поютъ между прочимъ: „намъ чиль бы Василисчишка во трехъ шубахъ ажно она беременна, ты несешь ли люлечку, ты ведешь ли нянечку. Оглянись ко ты назадъ, полюбовники стоятъ, да по грамоткѣ держатъ". Авторъ книги говоритъ: „сіе мнѣ кажется, ни увеселенія, ни чести, ни жениху, ни невѣстѣ не приноситъ". Въ Торопцѣ, прибавляетъ онъ, „и знатное купечество сіе употребляетъ [40]). Въ 1789 г. учители Козловскаго малаго народнаго училища жаловались на попечителя Баженова: онъ разогналъ изъ классовъ учениковъ, одного избилъ палкою такъ, что мальчикъ двѣ недѣли былъ болѣнъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, въ училище приходила жена Баженова, которая „ругала всѣхъ учителей непристойно". Этотъ удивитель-

ный попечитель утверждалъ, что „училища безполезны и только въ немалую обществу основаны тягость“ [41]).

Было бы, разумѣется, грубою ошибкою утверждать, что повсюду на Руси господствовали въ теченіе XVIII вѣка жестокость, лихоимство и развратъ, что добрые нравы и честные люди были исключеніями. Въ глубинѣ народныхъ массъ крѣпки были здоровые инстинкты, а въ рядахъ образованнаго меньшинства, во главѣ котораго стояли такіе, напримѣръ, люди, какъ Новиковъ или Радищевъ, находилось не мало неподкупныхъ характеровъ и честныхъ дѣятелей. Только для этихъ людей слишкомъ узка была область практическаго, общественно-полезнаго труда, и много силъ, поэтому, пропадало даромъ. Радищевъ, въ *Житіи Ѳедора Васильевича Ушакова*, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Примѣръ самовластія государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе, ниже въ расположеніяхъ своихъ другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начальника мыслить, что пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частью, какъ тотъ въ общемъ. И сіе столь справедливо, что нерѣдко правиломъ пріемлется, что противорѣчіе власти начальника есть оскорбленіе верховной власти. Мысль несчастная, тысячи любящихъ отечество гражданъ заключающая въ темницу и предающая ихъ смерти; тѣснящая духъ и разумъ, и на мѣстѣ величія водворяющая робость, рабство и замѣшательство, подъ личиною устройства и покоя! Да сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію, и Гельвеціево о семъ мнѣніе ежечасно подтверждается“. Въ примѣчаніи у Радищева сказано: „съ вѣроятностію корень сего правила о неприкосновенномъ повиновеніи найти можемъ въ воинскихъ законоположеніяхъ и въ смѣшеніи гражданскихъ чиновниковъ съ военными. Большая часть у насъ чиновниковъ въ гражданскомъ званіи начали обращеніе свое въ службѣ отечеству съ военнаго состоянія, и привыкнувъ давать подчиненнымъ своимъ приказы, на которые возраженія не терпитъ воинское повиновеніе, вступаютъ въ гражданскую службу съ пріобрѣтенными въ военной мыслями. Имъ кажется вездѣ строй; кричитъ въ судѣ на караулъ, и опредѣленіе нерѣдко подписываетъ палкою“ *). Въ екатерининской

*) Любопытно, что эта книжка Радищева напечатана была въ 1789 году въ императорской типографіи.

коммиссіи Николай Матонисъ, депутатъ отъ шляхетства гадяцкаго, миргородскаго и полтавскаго полковъ, энергично отстаивалъ свѣтлые взгляды на достоинство человѣческой личности. Отечество, по его выраженію, можетъ сказать про низшіе классы: „Никто ихъ подлыми да не называетъ! подлаго у меня нѣтъ никого! Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ. Подлы тѣ только, которые имѣютъ дурныя свойства, производятъ дѣла, противныя законамъ, непристойныя своему званію, нарушающія общее спокойствіе и наконецъ тѣ, которые, не радя о моемъ благѣ, жизнь свою препровождаютъ праздно“ [42]). Такія рѣчи свидѣтельствуютъ, что общество значительно подвинулось впередъ со времени Петра Великаго, который долженъ былъ указами объявлять не безчестьемъ слѣдующія, напримѣръ, выраженія: смотритъ на него звѣрообразно, изъ подъ печки тебя вытащили, ребенокъ, вчерась — было меня на площади удавилъ, и т. п. [43]).

О томъ, что происходило въ глубинѣ народа, мы имѣемъ, разумѣется, относительно мало свѣдѣній, но и этихъ свѣдѣній достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ много энергіи, ума и добрыхъ стремленій таилось тамъ. Въ нѣкоторыхъ толкахъ раскола, въ народныхъ картинкахъ, въ фактахъ, отмѣченныхъ образованными современниками, мы имѣемъ достаточное основаніе для такого утвержденія. Не мало воли, хотя бы и невѣрно направленной, нужно было, напримѣръ, для того, чтобы крикнуть *слово и дѣло*, какъ посадскій человѣкъ Андрей Ивановъ: „пришелъ я извѣщать государю, что онъ разрушаетъ вѣру христіанскую, велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое и табакъ тянуть“. Ивановъ не былъ раскольникомъ [44]). Въ царствованіе Екатерины II купецъ Алексѣй Смолинъ поплатился заточеніемъ въ Шлиссельбургѣ за письмо къ императрицѣ, въ которомъ онъ упрекалъ ее за ограбленіе церкви (то есть отобраніе въ казну церковныхъ имуществъ), за поощреніе разврата учрежденіемъ воспитательныхъ домовъ, и т. д. Лопухинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ слѣдующій случай, свидѣтельствующій, по нашему мнѣнію, о чистотѣ нравовъ въ разныхъ захолустьяхъ громаднаго государства. Будучи въ Вяткѣ, въ 1800 г., онъ, безъ всякаго дурнаго умысла,

далъ молоденькой калашницѣ, къ ея большой радости, пять рублей. На другой день пришелъ къ Лопухину отецъ дѣвушки: оказалось, что надъ нею стали издѣваться, и дѣвушка отъ стыда хотѣла покончить съ собою самоубійствомъ. Тогда Лопухинъ размѣнялъ нѣсколько сотъ рублей и раздалъ по пяти рублей всѣмъ калашницамъ, чѣмъ и успокоилъ общественное мнѣніе.

Въ лубочныхъ картинкахъ и разныхъ сатирическихъ произведеніяхъ выражался протестъ народа противъ несимпатичныхъ ему людей и правительственныхъ дѣйствій; но какъ указываетъ г. Ровинскій, правительство не дало возможности развиться у насъ повѣстямъ и картинкамъ сатирическимъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Петръ I объявилъ, что „за составленіе сатиры сочинитель ея будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ". „Упражняясь въ шутовствѣ,—говоритъ г. Ровинскій, Петръ не терпѣлъ однако же ни настоящей сатиры, ни сколько нибудь свободнаго слова по этой части". Императоръ запретилъ, напримѣръ, переводъ Ювенала [45]). Преемники Петра дѣйствовали въ такомъ же направленіи, рѣдко прибѣгая, изъ презрѣнія къ народу, къ народной картинкѣ для объясненія своихъ дѣйствій [46]). Не особенно заботилось правительство объ объясненіи своихъ намѣреній и актовъ и образованному русскому обществу. При такихъ условіяхъ государственнаго развитія пышный расцвѣтъ всевозможныхъ злоупотребленій являлся роковымъ результатомъ. Андрей Печерскій (Мельниковъ) такъ характеризуетъ прошлое столѣтіе русской жизни: „поднимая заповѣдную, пышную завѣсу, за которую отъ пытливыхъ взоровъ грядущихъ поколѣній хоронится восьмнадцатый вѣкъ, видишь душевную пустоту, царствующую надъ вѣтренымъ поколѣніемъ, что прыгая, танцуя, шутя и смѣясь, съ тріолетомъ и буриме на устахъ, врасплохъ застигнутое смертью, нежданно для него и негаданно вдругъ очутилось въ сырыхъ и темныхъ могилахъ... Когда оживаютъ въ памяти разсказы милой бабушки и возстаютъ передъ душевными очами образы давно почившихъ дѣдовъ, слышатся: и наглый крикъ временщиковъ, и таинственнй лепетъ юродивыхъ, и подобострастныя рѣчи блюдолизовъ, и голосъ вѣчно живущей правды изъ-подъ дурацкихъ колпаковъ. Слышатся: амурный шопотъ петиметровъ и метрессъ, громкія,

сочныя лобзанья дворовыхъ красавицъ, ревъ медвѣдей, глухіе удары арапника, вой собакъ и сладостныя созвучья итальянской музыки. Чудятся баснословные праздники: ледяной дворецъ Анны Ивановны, маскарадъ на московскихъ улицахъ, екатерининскій карусель, потемкинскій балъ, плаванье по Волгѣ съ переводомъ Мармонтеля, блестящая поѣздка въ Тавриду... Все ликовало въ тотъ вѣкъ!... И какъ было не ликовать? То былъ вѣкъ богатырей, вѣкъ, когда юная Россія поборола двухъ королей — полководцевъ, двѣ первостепенныя державы низвела на степень второклассныхъ, а третью подѣлила съ сосѣдями. Полтава, Берлинъ и Чесма, Минихъ въ Турціи, Суворовъ на Альпахъ, Орловъ въ Архипелагѣ и геніальный, неподражаемый великолѣпный князь Тавриды, создающій Новую Россію изъ ничего!... Что за величавые образы, что за блескъ, что за слава!“

„Но съ этимъ блескомъ, съ этой славой объ руку идутъ высокомѣрное полуобразованіе, раболѣпство, слитое во едино съ наглымъ чванствомъ, корыстныя заботы о карманѣ, наглая неправда и грубое презрѣніе къ простонародью“.

Къ этому слѣдуетъ прибавить: и упорная, жестокая борьба съ представителями пробудившейся общественной мысли.

II.

Факты, которые были собраны въ предшествовавшихъ главахъ, характеризуютъ нравственное состояніе высшихъ и отчасти среднихъ классовъ. Непосредственное воздѣйствіе правительства чувствовалось именно этими классами. Крестьянское большинство населенія было загорожено отъ верховной власти и высшей администраціи сотнею тысячъ полицеймейстеровъ, какъ не безъ основанія были названы помѣщики. На крестьянахъ не могла не отражаться пагубными послѣдствіями крѣпостническая власть. Извѣстно, что даже лучшіе люди развращались, благодаря предоставленному имъ произволу, что даже образованные и добрые отъ природы помѣщики злоупотребляли своею почти безконтрольною властью. Таково великое значеніе учрежденій, тѣхъ основныхъ началъ, которыя заложены въ формы общежитія, тѣхъ руководящихъ народною жизнью идей, которыя воплощаются въ общественной организаціи.

Если крѣпостное право не принесло еще болѣе прискорбныхъ послѣдствій, то въ этомъ нельзя не видѣть благодѣтельнаго вліянія нашего міра, общины. Внутри крестьянскаго населенія существовала правильная, по своему принципу, организація, въ которой каждый членъ общежительной ячейки чувствовалъ себя крѣпкимъ связью съ другими членами и былъ равноправенъ имъ. Внѣшній гнетъ былъ великъ, насиліе въ разнообразнѣйшихъ формахъ поражало крестьянина и его семью. Ни человѣческое достоинство, ни женская честь, ни трудовая собственность и самая жизнь русскаго мужика не были ограждены въ сколько нибудь достаточныхъ размѣрахъ; но „міръ“ могущественно содѣйствовалъ тому, что нашъ народъ сохранилъ „душу живу“. Страшный пугачевскій бунтъ, всколебавшій имперію, ярко раскрылъ глубокую пропасть, отдѣлявшую помѣщиковъ отъ крестьянъ. Не даромъ при извѣстіяхъ объ успѣхахъ бунтовщиковъ за Волгой приходили въ тревогу помѣщики центральныхъ губерній.

Мы можемъ только упомянуть о томъ подъемѣ духа, который обусловливался исходившимъ изъ глубины народныхъ массъ стремленіемъ къ истинѣ и правдѣ и могъ вызывать соотвѣтствующій подъемъ въ представителяхъ православной церкви. Этимъ теченіемъ могла, до извѣстной степени и косвеннымъ путемъ, направляться правительственная дѣятельность; но мною былъ поставленъ лишь вопросъ о вліяніи законодательства и правительства на нравы, о направленіи и относительномъ значеніи этого вліянія. Въ извѣстныхъ предѣлахъ правительственная власть могла ускорять или замедлять общественное и личное развитіе, усиливать одни наклонности и стремленія, ослаблять другія. Ломоносовъ не безъ основанія говоритъ въ своемъ разсужденіи *О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа*, что „Россійскій народъ гибокъ“. Наше общество въ теченіе XVIII столѣтія замѣтно поддавалось правительственному давленію. Всю обширную область законодательнаго и судебно-административнаго воздѣйствія можно распредѣлить въ четыре отдѣла. Въ первый входитъ общее измѣненіе нравовъ, въ смыслѣ увеличенія или ослабленія жесткости и жестокости въ обществѣ. Въ связи съ такимъ измѣненіемъ находится ростъ или паденіе роскоши, а послѣдняя, прямо или косвенно, обу-

словливаетъ соотвѣтствующія перемѣны въ семейныхъ и половыхъ отношеніяхъ, сокращая или усиливая распущенность. Кромѣ этого воздѣйствія, правительство вліяетъ на общественные нравы въ болѣе узкой сферѣ судебно-административной, подкрѣпляя или разрушая своимъ образомъ дѣйствій чувство законности, безъ котораго не мыслимо правильное общежитіе. Наконецъ, мѣриломъ достоинства законодательной и административной дѣятельности является ея отношеніе къ свободѣ совѣсти и мнѣнія, къ правамъ личности, подымающейся изъ круга исключительно частныхъ заботъ до интереса къ вопросамъ общественнымъ и государственнымъ. Разсматривая явленія русской жизни съ этой точки зрѣнія, мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Несомнѣнно, что къ концу прошлаго вѣка нравы у насъ сравнительно съ началомъ этого столѣтія значительно смягчаются. Какъ ни ужасно было состояніе Россіи въ царствованіе императора Павла, но и при немъ стали уже невозможны многія явленія, бывшія заурядными при Петрѣ Великомъ или при Аннѣ Ивановнѣ. А. М. Тургеневъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что „краткій, но жестокостію незабвенный періодъ 1796—1801 гг., былъ ужаснѣйшій ураганъ, все ниспровергшій и обратившій все вверхъ дномъ“ [47]. Этотъ ураганъ не могъ быть продолжительнымъ, и между царствованіемъ Александра I, даже послѣдними годами его царствованія, и царствованіемъ Петра I лежитъ глубокое различіе, и аракчеевщина все же не можетъ пойти въ сравненіе съ бироновщиною. Смертная казнь примѣняется съ царствованія Елизаветы и Екатерины II въ относительно рѣдкихъ случаяхъ; все рѣже и рѣже становятся звѣрскіе разбои. Внѣшнія отношенія въ высшемъ обществѣ становится мягче, утонченнѣе, а этимъ улучшеніемъ не слѣдуетъ пренебрегать. Правда, изящные по манерамъ и по рѣчи люди оказывались жестокими и злыми, а въ сношеніяхъ съ низшими кромѣ того и грубыми людьми, но въ общемъ развившаяся въ извѣстныхъ кругахъ привычка сдерживать непосредственно-дикіе порывы есть доброе пріобрѣтеніе русскихъ нравовъ конца прошлаго столѣтія. Сюда же должно отнести окрѣпшее стремленіе къ чистотѣ въ одеждѣ и въ жилищахъ.

Смягченію нравовъ содѣйствовало и правительство съ во-

царенія дочери Петра Великаго. Въ царствованіе самого Петра и его ближайшихъ преемниковъ, въ особенности при Аннѣ Ивановнѣ, такого вліянія власти почти не было. Графъ А. Р. Воронцовъ говоритъ въ Запискѣ, поданной въ 1801 г. императору Александру Павловичу, что правленіе Анны „было вообще суровое". Графъ прибавляетъ, что при этой государынѣ „невѣроятное множество было несчастныхъ жертвъ, казненныхъ, истязанныхъ и въ заточеніе разосланныхъ по звѣрскимъ видамъ нѣмцевъ"*). Смягченію нравовъ помогали мѣры, направленныя къ установленію безопасности, затѣмъ примѣръ двора, въ особенности въ продолжительное царствованіе Екатерины II. Несмотря на факты, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что жестокость и грубость не были окончательно изгнаны изъ придворнаго міра, нельзя не видѣть въ этомъ отношеніи большаго улучшенія. Современники жалуются на плохую дисциплину въ арміи [48]); но русское войско къ концу вѣка было устроено правильнѣе, чѣмъ въ прежнія времена, и не вносило такого ужаса, разоренія и разврата въ населеніе, какъ въ былые годы. Екатерина II борется съ укоренившеюся привычкою бить придворныхъ служителей; но знаменательна эта самая борьба, несомнѣнно имѣвшая значительный, хотя и не полный успѣхъ. Жить стало безопаснѣе въ Россіи конца XVIII вѣка сравнительно съ началомъ столѣтія. Благодаря правительственнымъ мѣрамъ, улицы нашихъ городовъ стали не такими безобразными и опасными, какъ въ былые годы, и это не могло не отразиться благопріятнымъ образомъ на нравахъ, уменьшая ихъ грубость, вызывая большую свободу въ движеніяхъ человѣка, отучая его отъ тревоги за жизнь или кошелекъ.

Сокращеніе и смягченіе пытокъ при слѣдствіяхъ и вообще улучшеніе въ формахъ уголовнаго судопроизводства дѣйствовали въ этомъ же направленіи. Изъ помѣщенныхъ въ приложеніяхъ и въ примѣчаніяхъ документовъ видно, какою грубостію отличался нашъ процессъ [49]). Человѣкъ кричитъ на улицѣ „караулъ", его схватываютъ, ведутъ въ полицейское управленіе вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, на котораго онъ кричалъ. Оказывается, что это было средствомъ задержать неисправнаго должника. Когда по ули-

*) *Архивъ кн. Воронцова*, книга XXIX; 456.

цамъ водили „языка“, крикнувшаго *слово и дѣло*, то купцы прятались, чтобы этотъ „языкъ“, изъ вымогательства, не указалъ на нихъ, чтобы ихъ не затаскали по полицейскимъ управленіямъ и застѣнкамъ. Послѣ указа Петра III, запретившаго *слово и дѣло*, любители доносовъ стали было кричать *секретъ*. За это власти назначали плети, съ такимъ нравоученіемъ: „Коли знаешь секретъ, то и содержи его въ тайнѣ“. „Само собою разумѣется, что такая мѣра должна была произвести въ понятіи народа благотворный нравственный переворотъ, показавъ ему, что правительственная власть не гонится за тайными доносами, а хочетъ вести дѣло на чистоту“ *). Грубому административно-судебному вмѣшательству подвергались и дѣла семейныя. Къ концу вѣка правительствомъ произведено въ этомъ отношеніи много улучшеній, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря недостаточно-послѣдовательному проведенію и противодѣйствовавшимъ причинамъ, на практикѣ далеко отстали отъ намѣреній законодателя. При этомъ мы имѣемъ въ виду, разумѣется, главнымъ образомъ дѣятельность Екатерины II [50]). Попытки отдѣлить судъ отъ администраціи не дали вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, потому что это отдѣленіе не было проведено строго и до конца. Но и эти попытки не могли не содѣйствовать уменьшенію административнаго произвола и жестокости. Не привилось и прекрасное учрежденіе, основанное Екатериною II, — совѣстный судъ. Идея этого выборнаго суда заслуживаетъ полнаго сочувствія. „Понеже, говорится въ 395 статьѣ *Учрежденій для управленія губерній Всероссійскія имперіи*,—личная безопасность каждаго вѣрноподданнаго весьма драгоцѣнна есть человѣколюбивому Монаршему сердцу; и для того, дабы подать руку помощи страждущимъ иногда болѣе по несчастливому какому ни на есть приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ, отягощающихъ судьбу его выше мѣръ имъ содѣяннаго, за благо разсуждается всемилостивѣйше учредить: учреждаемъ и повелѣваемъ установить въ каждомъ намѣстничествѣ по одному суду подъ названіемъ: совѣстный судъ“. Но гуманныя идеи императ-

---

*) *К. Н. В: Провинціальная канцелярія и черты народной русской жизни* (*Историч. Вѣстникъ*, 1884, X).

рицы слабо прививались къ русскому обществу, отчасти вслѣдствіе того, что образованіе еще не глубоко проникло въ это общество, отчасти потому, что правительство само нерѣдко нарушало тѣ начала, которыя оно торжественно признавало въ законодательныхъ актахъ и въ различныхъ заявленіяхъ [51]).

На ряду съ относительнымъ смягченіемъ нравовъ нельзя не отмѣтить усиленія роскоши при русскомъ дворѣ и, подъ его вліяніемъ, въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка. Князь Щербатовъ приводитъ поучительные примѣры разоренія отъ тщеславныхъ затѣй и безпутнаго образа жизни. Князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій, напримѣръ, „неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ разорился, что, продавъ всѣ деревни, оставилъ токмо себѣ нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сіи, ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали“. Что въ этомъ отношеніи личный примѣръ правителей и вліяніе двора сказывались на высшемъ обществѣ, а черезъ него дѣйствовали и на другіе классы, это представляется несомнѣннымъ и для современниковъ, и для историковъ. Только Петръ Великій не былъ расточителенъ и не любилъ роскоши; но, какъ было въ свое время замѣчено, онъ вліялъ на развитіе среди его окружавшихъ пьянства и распущенности. Г. Стоюнинъ справедливо обратилъ вниманіе на то, что въ теченіе прошлаго вѣка „въ семью не была введена идея общественности, безъ которой у семьи нѣтъ руководящей идеи, и все нравственное воспитаніе зависитъ отъ случайностей“ [52]).

Старый русскій грѣхъ, московская волокита и взяточничество, процвѣталъ въ теченіе всего XVIII столѣтія. Только новыя учрежденія, только знаменитые судебные уставы императора Александра II нанесли смертельный ударъ повальному лихоимству въ области правосудія,—одно изъ наиболѣе вѣскихъ доказательствъ, какое глубокое значеніе имѣютъ въ народной жизни учрежденія. Въ этомъ отношеніи законодательная дѣятельность русскихъ правителей, за исключеніемъ Петра Великаго, расходилась съ образомъ дѣйствія высшихъ правительственныхъ лицъ. Фавориты въ теченіе времени съ кончины перваго императора и до девятнадцатаго столѣтія нагло попирали основныя требованія

правосудія. Державинъ говоритъ, что Екатерина II „управляла государствомъ и самымъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ“. Пѣвецъ Фелицы приводитъ факты, подтверждающіе это заявленіе. До императрицы, напримѣръ, дошли слухи о злоупотребленіяхъ въ псковской казенной палатѣ, и она поручила Державину произвести негласное дознаніе. Оказалось, что злоупотребленій дѣйствительно множество. Дѣлу данъ былъ дальнѣйшій ходъ, и въ то же время чрезъ статсъ-секретаря Турчанинова Екатерина „приказала увѣдомить о дошедшемъ до нея слухѣ Ивана Ивановича Кушелева, свояка тамошняго вице-губернатора, Брылкина, который былъ женатъ на родной сестрѣ покойнаго бывшаго ея фаворита, Александра Дмитріевича Ланскаго, дабы онъ послалъ къ Брылкину нарочнаго и остерегъ его, чтобъ онъ взялъ свои мѣры, когда генералъ-губернаторъ прикажетъ о томъ слѣдовать“. Лихоимцы и казнокрады приняли, конечно, свои мѣры, и „спустя нѣсколько времени, Государыня, призвавъ къ себѣ Державина въ кабинетъ, ему же голову вымыла, что онъ такіе до нея доводитъ слухи и тѣмъ ее безпокоитъ; а потому чтобъ онъ и былъ впередъ осмотрительнѣе“ [53]). Этотъ случай—не единственный въ своемъ родѣ. Слѣдующій, напримѣръ, еще характернѣе. Московскій совѣстный судъ отнялъ у купца Корабейникова его домъ и рѣшительно безъ всякаго основанія, угождая губернатору Лопухину, призналъ домъ собственностью купца Роговикова. Корабейниковъ, черезъ фаворита Зубова, подалъ жалобу императрицѣ, которая приказала передать дѣло на разсмотрѣніе втораго департамента сената. Докладывалъ генералъ-рекетмейстеръ Терскій, „поелику же Безбородка былъ связанъ по любовной интригѣ съ женою Лопухина, котораго былъ приверженецъ Роговиковъ, то натурально Терскій и покривилъ вѣсы правосудія на сторону послѣдняго. Поелику онъ зналъ совершенно нравъ Государыни, что она чрезвычайно самолюбива, и учрежденіе свое о губерніяхъ почитала выше всѣхъ въ свѣтѣ законовъ, и что вопреки онаго волосомъ никому прикоснуться не позволяла, то онъ, принесши докладъ Сената къ Императрицѣ, ничего другаго ей не сталъ объяснять, какъ только сказалъ: вашъ Правительствующій Сенатъ, въ противность Вашего Величества

учрежденія, отставилъ Совѣстнаго Суда рѣшеніе, на мнѣніи обѣихъ тяжущихся сторонъ основанное. Довольно было сего. Государыня разгнѣвалась и подписала на докладѣ Сената: быть по мнѣнію посредниковъ". Зубовъ, по вторичной просьбѣ Корабейникова, разъяснилъ всю несправедливость приговора суда, на которомъ посредники Корабейникова вовсе не участвовали. Императрица разсердилась и, подумавъ нѣсколько, сказала: „Чтожь дѣлать? Я самодержавна".

Русское общество прошлаго вѣка страдало отъ взяточничества, но было бы несправедливостію поставить это, при наличности указанныхъ условій, въ его исключительную вину: значительная доля отвѣтственности падаетъ на правительство. Рѣдкій изъ администраторовъ и судей отличался неподкупною честностью, и общество умѣло цѣнить подобныхъ людей. Добрынинъ разсказываетъ, что генерала, Петра Ивановича Боборыкина, извѣстнаго своею честностію, въ театрѣ разъ встрѣтили рукоплесканіями и привѣтственными криками. Этотъ случай указываетъ, конечно, и на то, какимъ рѣдкимъ исключеніемъ являлся П. И. Боборыкинъ.

Нѣкоторые знаменательные факты, нами приведенные, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка выросло понятіе человѣческаго достоинства, что на мѣсто старой сословной чести выступило, благодаря въ особенности Петру Великому, трудовое начало. Но трудъ требовался на государственную службу и человѣкъ цѣнился по табели о рангахъ. Поэтому есть доля основательности въ сѣтованіяхъ Щербатова: „Разрушенное мѣстничество (вредное, впрочемъ, службѣ и государству) и не замѣненное ни какимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребили мысли благородной гордости въ дворянахъ, ибо стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги, и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя услуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ". Истинное понятіе о правахъ гражданина и о личномъ достоинствѣ приходило съ образованіемъ и сталкивалось съ установленными принципами нашего общежитія. Какъ только мысль русскаго человѣка въ прошломъ

вѣкѣ переступала границы семейныхъ и вообще частныхъ отношеній, она встрѣчала оффиціальное противодѣйствіе. Какъ это ни удивительно на первый взглядъ, даже императрица—философъ, Екатерина II, и тайная экспедиція съи стязаніями, издѣвательствомъ надъ человѣкомъ, находились въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ. Шешковскій, по словамъ г. Корсакова, оберегалъ репутацію Екатерины „отъ всего, что могло бросить тѣнь на ея величіе и, такъ сказать, дискредитировать его въ общественномъ мнѣніи. Такова, по крайней мѣрѣ, была служебная миссія, возложенная на него Екатериной“ [54]). Къ какимъ мѣрамъ не затруднялась прибѣгать императрица даже по отношенію къ женщинамъ высшаго круга, — вотъ образчикъ. Жена генералъ-майора, Марья Дмитріевна Кожина, произнесла въ обществѣ нѣсколько неосторожныхъ выраженій. Это дошло до Екатерины и она пишетъ Шешковскому: „она (Кожина) всякое воскресенье бываетъ въ публичномъ маскерадѣ, поѣзжайте сами и, взявъ ее оттуда въ тайную экспедицію, слегка тѣлесно накажите и обратно туда же доставьте со всею благопристойностью“.

Просвѣщеніе, говоритъ Пекарскій, развивалось медленно при Петрѣ Великомъ. „Это происходитъ не отъ того, что просвѣщеніе, какъ иные думаютъ, тогда только прочно, когда выработывается постепенно и безъ скачковъ изъ какихъ то своихъ, впрочемъ, еще никѣмъ не объясненныхъ началъ, но потому единственно, что вообще успѣхъ наукъ и литературы въ цѣломъ народѣ всегда обусловливается благопріятными обстоятельствами во внутренней жизни народа, каковы, напримѣръ, развитіе политическихъ правъ народа, участіе его въ общественныхъ дѣлахъ, подавленіе личнаго произвола, слѣдовательно, искорененіе рабства, и т. п.“ [55]). „Идея государственности, на московскій ладъ, замѣчаетъ другой даровитый и безпристрастный историкъ, т. е. идея царства московскаго, воплощеннаго въ лицѣ царя, не допускала развиваться никакимъ другимъ представленіямъ, даже юридическимъ, не говоря о философскихъ“ [56]).

III.

Сводя сказанное въ одно общее заключеніе, мы можемъ выставить слѣдующія положенія. Русское законодательство

и правительство въ теченіе XVIII значительно вліяли на измѣненіе нравовъ высшихъ сословій (дворянскаго въ особенности); правительственное вмѣшательство въ однихъ случаяхъ превосходило мѣру справедливаго и общественно-полезнаго, а въ другихъ случаяхъ не достигало этой мѣры. Посредствомъ высшихъ сословій, отчасти же и непосредственно, власть дѣйствовала такимъ же образомъ и на средніе и низшіе слои населенія. Въ обществѣ, на ряду съ правительственными вліяніями, начинаетъ сказываться вліяніе западноевропейскаго просвѣщенія; при поверхностномъ воздѣйствіи этого просвѣщенія, происходитъ рядъ печальныхъ явленій: легкомысленное пренебреженіе ко всему родному, чрезвычайное развитіе роскоши, и т. п.; но воспитательное, въ высокой степени благотворное вліяніе западноевропейскихъ идей заключается въ томъ, что оно пробудило заглохшее было чувство человѣческаго достоинства. Поэтому энергическій протестъ противъ крѣпостнаго права послышался къ концу вѣка именно изъ рядовъ европейски образованнаго меньшинства, вполнѣ совпадая въ этомъ отношеніи съ никогда неумиравшими стремленіями крестьянства [57]). Но это и сродныя ему стремленія образованнаго меньшинства встрѣтились съ враждебнымъ теченіемъ, при чемъ власть встала на защиту узко-сословныхъ дворянскихъ интересовъ. Русское дворянство въ XVIII вѣкѣ, освободившись отъ обязательной службы, говоритъ г. Ключевскій, „такъ правило обществомъ, что въ странахъ, гдѣ дворянство считало себя потомками завоевателей, власть его не отличалась ни большей энергіей и широтой привилегій, ни большими злоупотребленіями" [58]).

„Исторія Россіи прошлаго вѣка,—замѣчаетъ Ешевскій,—по смерти Петра Великаго, всего менѣе можетъ похвалиться единствомъ направленія, исключительнымъ господствомъ одной какой нибудь идеи или одного стремленія, которымъ бы подчинялись всѣ остальныя, правильнымъ послѣдовательнымъ ходомъ общественнаго развитія. Приверженцамъ такъ называемой философской исторіи всего труднѣе пришлось бы сладить съ частыми противорѣчіями, съ измѣнчивостью и случайностью, которыми рѣзко отличается это время, всего труднѣе было бы объяснить и необходимость многихъ явленій" [59]). Въ предшествовавшемъ изложеніи я старался уста-

новить причинную связь между состояніемъ нравовъ въ концѣ XVIII вѣка и дѣятельностью русскаго правительства, показать, что послѣднее являлось самостоятельнымъ и замѣтнымъ факторомъ въ этомъ отношеніи. Въ виду сложности общественныхъ явленій и ихъ перекрестнаго вліянія, необходимо представить въ защиту главныхъ положеній моего разсужденія нѣсколько дополнительныхъ соображеній.

Случайность, о которой говоритъ Ешевскій, дѣйствительно играла немаловажную роль въ нашей исторіи прошлаго вѣка. Но случайность эта вытекала изъ той постановки верховной власти и замѣны учрежденій лицомъ, которая была выработана предшествовавшею исторіею [60]). Неограниченная власть, сосредоточенная въ рукахъ царей московскихъ, а потомъ императоровъ всероссійскихъ, не была, разумѣется, историческою случайностью; но такою случайностью отличался характеръ пользованія этою властью. Послѣднее не исключаетъ того важнаго обстоятельства, что всѣ правители Россіи не могли не испытывать на себѣ общаго вліянія самого факта обладанія абсолютною властью [61]).

Приведемъ одинъ важный для насъ примѣръ случайности, то есть значительнаго явленія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ рѣшенію правительства, внѣ зависимости отъ какихъ либо народныхъ интересовъ.

Уже современники, какъ графъ С. Р. Воронцовъ, указывали на вредное вліяніе продолжительныхъ и кровавыхъ войнъ прошлаго вѣка на внутреннее развитіе Россіи. На этотъ вредъ обращаетъ вниманіе и Соловьевъ. Беремъ семилѣтнюю войну. Извѣстно, что при нашемъ дворѣ боролось два иностранныхъ вліянія, что Россія могла быть вовлечена своимъ правительствомъ въ войну не съ Фридрихомъ Великимъ, а за него. Но допустимъ, что этого не было, что воевать съ Пруссіею насъ побуждала историческая необходимость. Почему же со смертію императрицы Елизаветы Петровны и съ восшествіемъ на престолъ Петра III эта мнимая необходимость мгновенно замѣняется потребностью вступить въ союзъ съ Фридрихомъ II, а съ внезапнымъ воцареніемъ Екатерины II совершается полное устраненіе Россіи отъ этой войны? Для насъ ясно, что въ семилѣтнюю войну сотни тысячъ жизней и множество средствъ русскаго на-

рода погибли по напрасну, что народъ являлся въ этомъ случаѣ въ чисто страдательной роли [62]).

При чрезмѣрномъ сосредоточеніи власти ея вмѣшательство, какъ я старался показать, не могло не сопровождаться пагубными послѣдствіями для правильнаго развитія личности, гражданина [63]). Г. Тарасовъ указываетъ на то, что въ теченіе большей части XVIII вѣка *полиція* и *юстиція* смѣшивались, что правосудіе находилось въ рукахъ администраціи и вмѣшательству послѣдней въ частную жизнь не было какихъ либо принципіальныхъ (и практическихъ) границъ. „Полиція наблюдала за порядкомъ и безопасностью не только въ народныхъ увеселеніяхъ, но и въ домашнихъ, равно какъ она наблюдала за ношеніемъ платья и ливрей по указаннымъ образцамъ. Она не должна была допускать азартныхъ игръ. Наказомъ 1728 года постановлено было въ обязанность старостамъ унимать слободчанъ отъ непотребствъ; полиція же наблюдала, чтобы въ публичныхъ мѣстахъ не происходило непристойнаго пѣнія и свиста и чтобы вообще не произносились бранныя слова и т. д.“ [64]). Законодательство вмѣшивалось въ совершенно частныя отношенія. Такъ, указъ 11 октября 1732 года приглашаетъ петербургскихъ обывателей отдавать квартиры офицерамъ лейбъ-гвардіи по умѣреннымъ цѣнамъ, иначе „хотя они въ неволю къ нимъ не поставятся, однакожъ, тѣ ихъ покои или дворы другимъ постороннимъ въ наймы допущены не будутъ“. Въ пятой главѣ этого сочиненія была представлена характеристика нашего законодательства XVIII вѣка и здѣсь умѣстно привести лишь нѣсколько новыхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о произволѣ и жестокости правительственныхъ предписаній. 14 февраля 1700 года указано: „буде кто нарочно *или ненарочно* (говорится про лѣкарей) кого уморятъ, а про то сыщется: и быть имъ казненнымъ смертью“. По *Уставу воинскому*, тѣло самоубійцы надлежитъ палачу въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ или обозу *). Указомъ 9 августа 1787 г. объявляется смертная казнь за возвышеніе противъ назначенной цѣны на строительные матеріалы. Не понимая, изъ за чего онъ

---

*) Если самоубійство совершено было въ безпамятствѣ или болѣзни, предписывалось закапывать тѣло въ особливомъ, но не безчестномъ мѣстѣ.

долженъ нести тяжелую военную службу, народъ уклонялся отъ нея членовредительствомъ. Указъ 24 марта 1727 года предписываетъ рекрутъ, которые станутъ отсѣкать себѣ пальцы или умышленно наносить раны, „изъ десяти одного съ жеребья повѣсить, а прочихъ, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылать въ вѣчную каторгу, а плательщиковъ, кои такихъ воровъ сами приведутъ, зачитать въ рекруты".

Будучи въ теченіе XVIII вѣка носительницею неограниченнаго полицейскаго вмѣшательства, русская власть не питала однако довѣрія къ низшимъ своимъ органамъ. Такъ въ указѣ отъ 28 марта 1737 года сказано, что отъ назначенія полицейскихъ чиновъ правительствомъ „будетъ казенный убытокъ", —фискальныя цѣли никогда не упускались изъ виду,—и отъ назначенныхъ такимъ образомъ лицъ „будутъ обывателямъ происходить обиды". По этому полиція этимъ указомъ передавалась въ ратуши (подъ вѣдомствомъ губернаторовъ и воеводъ).

Въ самой постановкѣ власти заключалась неустранимая причина злоупотребленій администраціи и вреднаго правительственнаго вліянія на нравы, въ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова. Между закономъ и распоряженіемъ *), между юстиціей и полиціей, между правомъ и произволомъ у насъ не было въ XVIII вѣкѣ сколько нибудь опредѣленныхъ границъ. Чувство законности не получало правильнаго воспитанія въ русскомъ обществѣ. „Если я уважаю законъ, говоритъ г. Чичеринъ, то и законъ долженъ оказать мнѣ уваженіе" [65]). Такого уваженія русскому человѣку законъ въ прошломъ вѣкѣ не оказывалъ. У насъ не было прочнаго правоваго порядка, а порядокъ этотъ, по прекрасному выраженію К. Д. Кавелина, „работаетъ въ руку нравственному развитію, сдерживая внѣшними мѣрами, принужденіемъ и карами, хотя бы только внѣшнія проявленія безнравственности и тѣмъ внѣдряя добрые привычки и нравы въ большинствѣ колеблющихся, шаткихъ, слабыхъ и увлекающихся людей. Этимъ подготовляется и значительно облегчается нравственное развитіе, такъ какъ, въ глазахъ большинства, практическая полезность всегда была, есть и будетъ мѣриломъ достоинства и правильности отвлеченныхъ

*) Ср. *Градовскій*: *Начала русскаго государственнаго права*, II., § 1.

началъ и идеаловъ" [66]). Поэтому то намъ и представляется преувеличеннымъ мнѣніе К. Д. Кавелина, высказанное въ его знаменитомъ *Взглядѣ на юридическій бытъ древней Россіи*, будто бы „вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской исторіи" [67]). Начало это можно подмѣтить въ эпоху, ближайшую къ петровской; развиваясь въ теченіе XVIII столѣтія, не безъ содѣйствія со стороны власти, оно со стороны этой же власти встрѣчало и сильнѣйшее противодѣйствіе. По справедливому замѣчанію г. Пыпина, „въ обществахъ, гдѣ власть правителя не имѣетъ никакихъ границъ, его личные взгляды и даже капризы становятся могущественнымъ факторомъ всей жизни общественной и государственный: естественный ходъ развитія постоянно нарушается вмѣшательствами власти, иногда благотворными, иногда вредными" [68]). Вслѣдствіе личныхъ особенностей нашихъ правителей въ теченіе XVIII вѣка, сильный перевѣсъ оказывается на сторонѣ воздѣйствій, вредныхъ въ общественномъ смыслѣ; но главная причина неблагопріятнаго вліянія государственной власти заключалась, какъ мы уже говорили, не въ этихъ особенностяхъ, а въ томъ, что принципъ, положенный въ основу власти, не допускалъ свободнаго развитія личности. Этотъ принципъ дозволялъ компромиссы, шелъ на второстепенныя уступки, самъ призывалъ европейское просвѣщеніе и уступалъ нѣкоторымъ изъ его требованій; но только до поры до времени, до того момента, когда встревоживался въ немъ инстинктъ самосохраненія. Конечно, въ концѣ XVIII вѣка стали уже немыслимы такіе судьи—администраторы, какъ Ѳедоръ Шакловитый, который приказывалъ подъячимъ пытать невинныхъ людей и вырѣзывать у нихъ языки [69]). Невозможными сдѣлались и страшныя дѣла о волхвованіяхъ, которыми богатъ конецъ XVII и начало XVIII вѣковъ [70]). Нравы общества перестали допускать и такія энергическія мѣры для общественныхъ увеселеній, какія употреблялъ Петръ Великій [71]). Пробудилась потребность обсуждать общественные вопросы, слѣдить за дѣйствіями администраціи, за ходомъ правосудія. Въ 1791 году Новиковъ издаетъ *Театръ судовѣдѣнія или чтеніе для судей и всѣхъ любителей юриспруденціи*, въ которомъ высказываетъ здравые и новые по

тому времени взгляды, отстаивая гласность судопроизводства. „Симъ бы средствомъ говорилъ онъ, законы, совокупяся съ обыкновеніями, возымѣли сильнѣйшія вліянія, а всеобщее осужденіе, слѣдующее за преступленіями, раздѣляло бы съ законами дѣйствіе наказанія“. Но подобныя требованія шли дальше правительственныхъ намѣреній и вызывали противъ себя, какъ было уже упомянуто, крутыя и въ высшей степени несправедливыя мѣры.

ПРИЛОЖЕНІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(Изъ рукописей московскаго архива министерства юстиціи).

I.

1) Въ Московскую Полицымейстерскую Канцелярію.

Изъ команды капитана Рыкачева да подпоручика Павлова съ товарыщіи,

Доношеніе.

Сего 725 году марта въ 1 день во опредѣленную команду въ Съѣзжей дворъ Кіевского драгунского полку команды господина полковника Артемья Загряского, драгунъ Прокофей Васильевъ сынъ Лутошкинъ привелъ дву человѣкъ денежного двора работника, которой на денежномъ дворѣ обрѣтаетца въ работѣ въ покраденыхъ отъ него деньгахъ въ трехъ рублехъ которые у него укралъ въ торговой бани что на Полянки, о чемъ явно въ извѣтѣ его.

И потому его извѣту оной денежного двора работникъ на Съѣзжей дворъ принятъ и допрашиванъ, а въ допросѣ показалъ: что онъ маэора Петра Матвѣева сына Рослапова Ерославского уѣзду села Борисовского, крестьянской сынъ, зовутъ его Иваномъ Лукьяновъ сынъ, и пропитаніе краденые денги, не винился, и его драгуна не знаетъ, а другого приводного человѣка которой сказался Ерославского уѣзду Лейбъ гварди Семеновского полку коптенармуса Клима Яковлева сына Баракова, деревни Першини крестьянинъ его Петръ Яковлевъ сынъ Боронинъ и поклепалъ его напрасно; о чемъ явствуетъ въ его Ивановыхъ допросныхъ рѣчахъ.

И потому его допросу онъ Петръ Сьѣзжего двора до указу свобожепъ на росписку безъ допросу, понеже что онъ Иванъ на него хлѣбника въ допросѣ ничего не показалъ.

И на вышепоказанной извѣтъ и приводной денежнаго двора работ-

никъ Иванъ Лукьяновъ и допросные его рѣчи въ Московскою полицымейстерскую канцелярію, при семъ доношеніи посланы. — Петръ Гурьевъ.

Марта 3 дня 1725 году.	1725 марта въ 3 день. Записавъ въ книгу приводного человѣка принявъ, отдать подъ караулъ, а по дѣлу доложить.

2) И тогожъ числа въ Московскую полицеймейстерскую концелярію приводной крестьянинъ принятъ и противъ вышеписаннаго челобитья и помѣты роспрашиванъ.

А въ роспросѣ сказалъ: Яковомъ зовутъ Степановъ сынъ, прозваніемъ Бородинъ, отъ роду ему тридцать лѣтъ.

Отецъ его Степанъ Максимовъ сынъ Бородинъ крѣпостной крестьянинъ блаженной памяти фелтьмаршала и ковалера Бориса Петровича Шереметева Ярославского уѣзду Юхоцкой волости села Нового во крестьянахъ.

Отецъ его родился во ономъ селѣ Новомъ, а онъ Яковъ родился въ Москвѣ при отцѣ своемъ для того что отецъ его издавныхъ лѣтъ живетъ въ вотчинѣ блаженной памяти имянитого человѣка Григорья Дмитріевича Строгонова въ Московскомъ уѣздѣ въ селѣ Лафертовѣ на мельницѣ Кузминѣ, а оной отецъ его живетъ на той мельницѣ у оного Строгонова наймуя изъ оброку по записи и по пошпорту оной фелть-маршаловой дому дворецкого Гарасима Кострова, а оброкъ госпожѣ своей фелть-маршаловой платить съ отцомъ своимъ по два рубли съ полтиною въ годъ.

Въ канцеляріи генерала маэора господина Чернышева онъ съ отцомъ своимъ изъ дому госпожи фелтьмаршаловой отъ вышеписаннаго дворецкаго Кострова явленъ.

Въ нынѣшнемъ 1725 году прошедшаго февраля 28 числа на дворѣ госпожи ихъ фелтьмаршаловой графины Анны Петровны въ домовную канцелярію отецъ его Степанъ Моксимовъ сынъ приходилъ, и на него Якова во всякомъ его непослушаніи и въ непочтеніи и во отбывательствѣ отъ него отца своего чтобъ его наказать за его непослушаніе и непочтеніе къ отцу своему и за отбывательство изъ дому его просилъ.

А непослушаніе его Якова къ отцу своему такое что онъ Яковъ бывалъ временемъ пьянъ и въ томъ пьянствѣ досаждалъ отцу своему грубыми рѣчьми и дня съ два безъ вѣдома отца своего начевалъ въ Москвѣ у свойственниковъ своихъ у шляпника Семена Андреева да кошельной слободы у Ѳедора Леонтьева и за оное пьянство непо-

слушанія и отбыванія отецъ его Якова наказывалъ словами, и онъ Яковъ и того словесного приказу отца своего не слушалъ, а кромѣ де грубыхъ рѣчей ему отцу своему онъ другимъ ничѣмъ не досажалъ; да онъ же Яковъ назадъ тому съ недѣлю пріѣзжалъ въ Москву и взялъ у родственника своего Кошелной слободы у Ѳедора Леонтьева возъ ржи для молотья на мельницу отца своего и тое рожъ на оной мелницѣ смоловъ послѣ оного времени на третей день на лошади своей, привели къ нему Ѳедору, и отдавъ тое муку поѣхалъ по прежнему въ домъ отца своего на оную мельницу и заѣхалъ въ Таганкѣ на кабакъ для питья вина, и выпивъ вина поѣхалъ въ домъ свой, и какъ будетъ межъ Серпуховской и Коломенской дорогъ и не доѣзжая Стрѣлецкого столба что лежитъ дорога на село Мячково которое Святлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова въ ввечеру въ отдачу дневныхъ часовъ попались ему во встрѣчу невѣдома какова чину люди человѣкъ съ шесть и ухватя его Якова и стали у него лошади съ санми отымать, и онъ Яковъ отъ нихъ боронился и оныя воровскія люди за недачу оной лошади его Якова хотѣли умертвить и въ тожъ время ѣхали незнамо какова чину люди и сколько числомъ не знаетъ, и оныя воры убоясь тѣхъ людей его Якова покиня, побѣжали прочь; и онъ Яковъ вскоча въ сани свои, отъ нихъ воровъ уѣхалъ и пріѣхавъ къ отцу своему на оную мельницу и про оное что попались ему оныя воровскія люди встрѣчу и его Якова грабили, объявилъ отцу своему, и отецъ де его взявъ на другой день привезъ его съ той мельницы въ Москву на дворъ госпожи фелтьмаршаловой, и въ домовой канцеляріи его объявилъ, и по объявленію онаго двора стряпчево, приведенъ въ Московскую полицемейстерскую концелярію.

А на воровствахъ де и на татьбахъ и на разбояхъ, онъ, Яковъ, ни съ кѣмъ и нигдѣ не бывалъ и съ воровскими людьми незнался и домовъ подозрительныхъ не знаетъ же, а за непослушаніе предъ отцемъ своимъ за вину его Яковлеву что указомъ Ея величества государыни Императрицы повѣлено будетъ.

А буде онъ Яковъ въ семъ допросѣ сказалъ что ложно, повиненъ смертной казни. Къ сему роспросу пищикъ Андрей Радинъ вмѣсто Якова Степанова по его прошенію руку приложилъ.

1725 году Марта въ 17 день изъ Московской полицемейстерской канцеляріи фельтмаршаловой графини Анны Петровны Шереметевой ростовского уѣзду села Ващажникова, крестьянинъ Яковъ Степановъ отданъ за болѣзнію на росписку нижеподписавшимся роспищикомъ въ томъ, что его, Якова, какъ впредь въ полицемейстерскую канцеля-

рію спросятъ или ставитца не учнетъ, то повинны; онъ Яковъ по дѣлу своему, а роспищиковъ, что Ее Величество Государыня Императрица укажетъ. по вышеписанной роспискѣ тоежъ вотчины крестьянинъ Степанъ Максимовъ вышеозначенного сына своего Якова Степанова взялъ на росписку, а вмѣсто его Степана Максимова по его прошенію росписался ее фельтмаршаловой графини Анны Петровны Шереметевой домовныхъ дѣлъ подьячей Семенъ Өедоровъ. По сей роспискѣ Басманной слободы Евменей Родіоновъ вмѣсто салдата Михаила Парфентьева что онъ оного Якова Степанова на росписку взялъ по его прошенію руку приложилъ.

II.

1725 году марта въ 2 день, вѣдомства полицымейстерскихъ дѣлъ команды господина капитана Теприцкого на Сьѣзжемъ дворѣ сотской Гардѣй Никитинъ извѣщалъ словесно и при иномъ извѣтѣ привелъ отставного пушкаря Максима Ермолаева, на немъ надѣта юпка камчатая травчетая на фижмахъ, да на немъ же надѣто душегрейка женская китайчетая, да жену его Каптелину Тихонову дочь, а въ словесномъ извѣтѣ сказалъ: сего де марта 2-го дня въ отдачу дневныхъ часовъ шелъ де онъ Гордѣй Понкратьевской слободы къ Ивану Иванову сыну Кубрину для своихъ домовныхъ нуждъ, и какъ будетъ противъ переулка которой близь церкви Понкратья чудотворца и услышалъ въ томъ переулкѣ шумъ и крикъ, и пришедъ онъ сотской и спрашалъ ихъ что за люди и для чего необычно кричатъ, и оной приводной пушкарь его сотского сталъ бранить всякими неподобными словами и бить и взявъ за галстукъ давить незнаемо за что съ помянутою женою своею и съ другими жонками, которые съ ними были въ то число и сбили съ него сотскаго шапку цѣною въ шездесятъ алтынъ, да рукавицы сафьянные съ вареги цѣною двѣ гривны, и оной сотской вырвався у нихъ закричалъ, и на оной крикъ выбѣжавъ къ нему сотскому десяцкой Аника Петровъ, и оного пушкаря и съ женою его оной десяцкой съ вышеписаннымъ соцкимъ взявъ, привели на Съѣзжей дворъ, а которые при немъ пушкарѣ были жонки, ушли на дворъ къ нему пушкарю гдѣ оной пушкарь живетъ. Къ сему извѣту Мещанской слободы теглецъ Аника Петровъ и вмѣсто соцкого Красносельской слободы теглеца Гордѣя Никитина по его прошенію руку приложилъ.

А по осмотру на вышеписанномъ сотскомъ Гордѣе Никитинѣ явилось битыхъ мѣстъ: лѣвой глазъ подбитъ и по немъ синѣ и багрово

подъ лѣвой щекою оцараплено и на головѣ въ трехъ мѣстахъ спухло и волосы съ затылку знатно выдраны.

И тогожъ числа вышеозначенные приводные люди на Съѣзжей дворъ приняты и по приказу господина капитана Теприцкого допрашиваны.

А въ допросѣ отставной пушкарь Максимъ Ермолаевъ сказалъ:

Отъ роду ему 34 года.

Отецъ де его Ермолай Матвѣевъ бывалъ Тобольскаго пѣхотнаго полку, и въ прошлыхъ де годѣхъ а сколько не упомнитъ отъ оного полку отставленъ.

Отца де его гдѣ родина того онъ Максимъ не знаетъ, а онъ де Максимъ родился въ Москвѣ за Арбацкими вороты за Землянымъ городомъ въ приходѣ церкви Пресвѣтые Богородицы Смоленскіе въ домѣ отца своего; и въ прошлыхъ де годѣхъ, тому лѣтъ съ четырнатцать, взятъ онъ Максимъ въ пушкари и служилъ въ пушкаряхъ лѣтъ съ двѣнатцать, и тому нынѣ другой годъ за болѣзнью животною изъ Военной Коллегіи отставленъ и присланъ изъ оной коллегіи при промемори для опредѣленія къ дѣламъ въ Акцызную камору и изъ окцызной каморы отосланъ на Петровское кружало, а съ Петровского кружала нынѣ опредѣленъ на фартину въ цѣловальники, которая обстоитъ близъ Бутырской слободы, пропитаніе себѣ имѣетъ отъ своего пожитку.

Сего де Марта 2 дня пришедъ со означенной фартены въ домъ свой которой у него за Встрѣтинскими вороты въ Земляномъ городѣ въ Понкратьевской слободѣ, въ приходѣ церкви Панкратія, изъ того дому пошелъ онъ въ торговыя Спасскія бани съ женою своею Каптелиною Тихоновою, да съ мачихою Маланьею Ивановою; и въ тѣхъ де баняхъ онъ, Максимъ, въ муской бани, а жена де его и мачиха въ женской; и вышедъ де изъ той бани, на дорогѣ взявъ онъ, Максимъ, жены своей платье, для смѣху надѣлъ на себя фижмы крашенинныя, юбку комчатую травчетую, душегрѣйку женскую китайчетую; и какъ де онъ Максимъ съ женою своею и съ мачихою будучи близъ двора своего, вышеозначенной сотской Гордѣй Никитинъ попался имъ на дорогѣ и сталъ ему Максиму говорить: для чего де ты съ курвою идешь, и ударилъ жену его Максимову ногою въ брюхо и таскалъ за волосы и сбилъ съ жены его чепецъ штофной съ позументомъ золотымъ, шапку соболью верхъ камчатой зеленой, и оной жъ де сотской взявъ его Максима и жену его съ десятскимъ, привелъ на Съѣзжей дворъ, а его де сотского онъ Максимъ не бивалъ и за галстукъ недавливалъ и шапки съ рукавицами не биралъ же; кто его Гордѣя билъ и шапку съ рукавицами кто взялъ ли, того

онъ не видалъ же; а какъ де онъ Максимъ съ женою и съ мачихою шли изъ бани, въ то число у нихъ шуму и крику не было и кромѣ де жены его и мачихи другихъ бабъ никого не быложъ и на дворъ къ нему Максиму неухаживали, только де какъ его Максима съ жено взялъ оной сотской на Съѣзжей дворъ, и въ то де число пошла на дворъ его вышеозначенная мачиха его Максимова.

И въ семъ допросѣ сказалъ онъ Максимъ сущую правду и ничего не утаилъ, а буде сказалъ ложно и за то указала бы Ея Императрицына Величества учинить ему Максиму указъ чего будетъ достоинъ. Къ сему допросу Максимъ Ермолаевъ руку приложилъ.

Въ допросѣ Каптелина Тихонова дочь сказала:

Отъ роду ей тридцать лѣтъ.

Отецъ де ее Тиханъ Карповъ бывалъ города Вологды посадской человѣкъ, и въ прошлыхъ де годѣхъ тому лѣтъ съ двѣнадцать умре.

Отца де ее и ее Каптелинина родина въ вышеписанномъ городѣ Вологдѣ, и тому лѣтъ съ тринатцать изъ вышеписанного города Вологды вывезъ дядя ее вологжанинъ же Меркулъ Карповъ сынъ Правдинъ которой былъ въ домѣ Петра Шафирова у отправленія почты и жила въ домѣ его года съ полтора, и тому лѣтъ съ двѣнатцать означенной дядя выдалъ замужъ церкви Ѳлора и Лавра что близь Месницкихъ воротъ за сторожа Деменьтья Левонтьева и жила со означеннымъ мужемъ своимъ по разнымъ мѣстамъ, и въ прошломъ году оной мужъ ее умре, а она де Каптелина послѣ оного мужа своего, тому нынѣ съ годъ, вышла замужъ за означенного отставного пушкаря Максима Ермолаева и живетъ де съ мужемъ своимъ во дворѣ которой у нихъ въ Попкратьевской слободѣ.

Сего де марта 2 дня вышеозначенной мужъ ее Максимъ Ермолаевъ пришедъ съ фартеной въ домъ свой, изъ того дому пошла она Каптелина съ нимъ мужемъ, да съ свекровью своею Маланьею Ивановою въ торговыя Спасскія бани, и въ тѣхъ банѣхъ оной мужъ ее парился въ мускихъ, а она де Каптелина съ свекровью въ женскихъ, и вышедъ де изъ тѣхъ бань, на дорогѣ оной мужъ ее взялъ у ней Каптелины платье ее женское, фижмы крашенинныя, юбку камчатую травчетую, душагрейку китайчетую женскую и надѣлъ на себя для смѣху; и какъ де она Каптелина съ онымъ своимъ мужемъ и съ свекровью будутъ близь своего двора, вышеписанной де сотской Гордѣ Никитинъ попался имъ на дорогѣ и сталъ ее Каптелину называть курвою и ударилъ ее ногою въ брюхо и таскалъ за волосы и сбилъ съ нее чепецъ штофной съ позументомъ золотнымъ шапку соболью верхъ камчатой зеленой, и означенной же де сотской взялъ

ее Каптелину и мужа ее привелъ на Съѣзжей дворъ, а его де сотского она Каптелина не бивала и кто билъ и за галстукъ кто давилъ ли не знаетъ и шапки де съ рукавицами у него не бралажъ, и кто его сотского билъ такъ же и шапку съ рукавицами кто взялъ ли, того она Каптелина не видала де; а какъ де она Каптелина съ мужемъ своимъ и съ свекровью шли изъ бани, шуму и крику не было, и бабъ де никакихъ кромѣ ее Каптелины и свекрови съ мужемъ ее не было де и на дворъ ихъ не и хаживали, только де какъ ее Каптелину и мужа ее взялъ оной сотцкой на Съѣзжей дворъ, и въ то де число пошла на дворъ ихъ вышеписанная свекровъ ее Маланья Иванова.

Въ семъ допросѣ сказала она Каптелина всесущую правду и ничего не утаила, а буде сказала что ложно и за то указила бы Ея Императрицына величества учинить ей указъ, чего будетъ достойна.

1725 году Марта въ 5 день, вѣдомства Полицымейстерскихъ дѣлъ команды господина капитана Теприцкого, да прапоршика господина Хрущова Съѣзжева двора отставной пушкарь Максимъ Ермолаевъ, да жена его Каптелина Тихонова дочь, которые держались подъ карауломъ по приводу сотского Гордѣя Никитина въ шуму и въ дракѣ по приказу господина капитана Теприцкого и прапорщика господина Хрущова, отданы на росписку отцу его родному Анненкова полку отставной первой роты прапорщику Ермолаю Матвѣеву въ томъ, что какъ его впредь спросятъ и ему росписчику помянутого сына его и съ женою на Съѣзжей дворъ поставить, а буде не поставитъ и на немъ росписчикѣ взятъ будетъ штрафъ что Ея Императрицыно величество укажетъ, а за означенной шумъ и драку помянутому Максиму Ермолаеву учинено наказаніе бить батожъемъ. По сей роспискѣ Анненкова полку отставной прапорщикъ Ермолай Матвѣевъ, да села Тайнинского оброчной крестьянинъ Евдокимъ Григорьевъ означенныхъ отставного пушкаря Максима Ермолаева да жену его Каптелину Тихонову дочь на росписку взяли, а вмѣсто ихъ по ихъ велѣнію росписался писецъ Петръ Сидоровъ, а оной Евдокимъ живетъ въ Понкратьевской слободѣ на дворѣ посацкого Ѳедора Ѳедорова сына Фегурова.

III.

Въ Московскую Полицыместерскую Канцелярію.

Изъ команды капитана Рыкачева да Подпоручика Павлова.

Доношеніе.

Сего 725 году апрѣля въ 16 день вѣдомства Московской Полице-

местерской Канцеляри во опредѣленную команду въ Сьѣзжей дворъ изъ за Калужскихъ воротъ пятидесяцкой Михайла Щепетильниковъ привелъ жилицу Дарью Иванову дочь, да при ней мужеска полу дву человѣкъ да женску да дѣвку на которыхъ показалъ онъ Щепетильниковъ въ извѣтѣ своемъ что прiѣзжаютъ къ ней ночью многи люди и чинитца въ томъ ее домѣ шумъ и крикъ; о чемъ явно въ извѣтѣ его показаньемъ.

И оные два человѣка въ Сьѣзжемъ дворѣ допросомъ себя показали города Кашина посацкiе люди Михайломъ зовутъ Еремѣевъ сынъ, прозванiе не имѣетъ, да братъ его двоюродной Савелей Козминъ и сказали что изъ того города высланы они въ Москву для каменного строенiя на цехоутной дворъ, а объ отпускѣ никакого указу и отъ богомистровъ пропускного писма у нихъ не имѣетца.

И оные приводные два человѣка съ его пятидесяцкимъ приводомъ и съ ихъ допросными рѣчми въ Московскую Полицыместерскую Канцелярiю при семъ доношенiи посланы... означенная Дарья а салдатцкая жена... и показанная дѣвка Ирина свобожены до указу на росписку. Капитанъ Рыкачевъ.

1725 году Апрѣля 23 дня записавъ въ книгу взять въ повытье присланныхъ людей и ихъ приводъ и допросные рѣчи осмотря принять и оныхъ людей до указу отдать подъ караулъ и по сему дѣлу доложить по реэстру.

.... Апрѣля въ 16 въ ночи въ четвертомъ часу ночи въ командѣ господина капитана Ивана Матвѣевича Рыкачева съ товарищи, пришедъ на Сьѣзжей дворъ изъ за Калужскихъ воротъ пятидесяцкой Михайла Щепетильниковъ съ десяцкими Сергѣемъ Ларiоновымъ, съ Петромъ Лукьяновымъ, съ Васильемъ Ларiоновымъ, пришедъ на Сьѣзжей дворъ, извѣщали словесно, а въ словесномъ своемъ извѣсте показали, о чемъ слѣдуютъ ниже сего пункты.

1.

Сего апрѣля противъ 11 числа, въ третьемъ часу, усмотрѣлъ я съ десяцкими своими на дворѣ Хамовой слободы у теглеца Тимофея Смирнова за Калускими вороты въ своей сотнѣ незнаемо какихъ людей мужеска полу два человѣка, да женского полу дву человѣкъ одна женска, а другая дѣвка, а какова чину про то они невѣдомы; да того двора жилицу Дарью Иванову дочь для того что къ ней жилицѣ прiѣзжаютъ и приходятъ ночью многiе люди, а мы отъ того по по-

данной инструкцы опасны, а на Съѣзжемъ дворѣ неявились и на томъ дворѣ чинился шумъ и крикъ.

2.

И чтобъ намъ отъ того какова штрафа не взыскалось, дабы сей нашъ извѣтъ и приводъ на Съѣзжемъ дворѣ записать, а ихъ приводныхъ людей принять и допросить какова они чину и для чего приходятъ и естли покормежные письма или подшпорты. Къ сему извѣту десяцкой Сергѣй Ларіоновъ и вмѣсто пятидесяцкого Михайла Щепетильникова... велѣнію руку приложилъ.

И тогожъ числа въ Съѣзжей дворъ приняты и допрашиваны, а въ допросѣ сказали:

Зовутъ ее Дарьею Иванова дочь. Отъ роду ей тритцать лѣтъ.

Отецъ де ее былъ гостиной сотни тяглецъ Иваномъ звали Ивановъ сынъ денежнаго двора.

Родина отца ее и ее Дарьина въ Москвѣ въ приходѣ церкви Воскресенія Христова что въ Кадашевѣ, въ своемъ дворѣ и отецъ ея отдалъ замужъ Московского уѣзду села Покровского вотчины блаженные памяти царицы Прасковьи Ѳеодоровны за оброчного крестьянина Алексѣя Львова сына Уздиникова, и послѣ того отецъ ее умре тому лѣтъ съ десять, а мужъ ее былъ взятъ въ салдаты и опредѣленъ былъ въ полкъ полковника Казина и въ томъ полку служилъ лѣтъ съ десять и въ томъ полку умре тому нынѣ четвертой годъ; а послѣ смерти мужа своего жилище она имѣетъ съ того числа въ Москвѣ, въ приходѣ церкви Ризъ Положенія что за Калужскими вороты въ домѣ зятя своего родного умершаго Тимофея Петрова сына Смирнова и у сына его Семена Смирнова и по нынѣ по свойству безъ записи для береженія двора ихъ.

6.

А пропитаніе де оная Дарья получаетъ отъ своего промыслу вяжетъ чулки и прядѣтъ нитки для продажи.

7.

А сего де апрѣля противъ 17 числа пустила она Дарья во оной дворъ города Кашина посацкихъ людей Михаилу Еремѣева, Савелья Козмина для ночеванія на одну ночь по знакомству для того что

прежъ сего они у нее вдовы стояли, а пошпортовъ у нихъ изъ того города отъ бургомистровъ ей вдовѣ не показали, а естли у нихъ или нѣтъ, того она Дарья не знаетъ.

8.

И тогожъ 26 числа къ ней вдовѣ пришли Ингермаланского полку салдатцкая жена вдова Анна Андрѣева дочь, да салдацкая жъ дочь дѣвка Ирина Никонова дочь по знакомству жъ чтобъ она пустила ихъ къ себѣ жить.

9.

И по тѣмъ де ихъ словамъ она Дарья... ночевать какъ и показаннымъ кашинцамъ чтобъ ей ихъ записать заутра въ Съѣзжемъ дворѣ.

10.

И тое де ночи пришедъ пятидесяцкой Михайла Щепетильниковъ съ десяцкими ее Дарью и вышеозначенныхъ четырехъ человѣкъ и взявъ отвелъ на Съѣзжей дворъ, а въ какомъ дѣлѣ, того она Дарья незнаетъ.

11.

А о кромѣ тѣхъ людей у ней Дарьи не было и прежъ сего никто кромѣ оныхъ людей не начевывалъ, а шуму и крику у ней не бывало и другихь пришлыхъ людей никто не хаживалъ.

12.

А ежели она Дарья сказала что ложно или отъ кого въ чемъ изобличена будетъ, повинна она Дарья чему будетъ достойна. Къ сему допросу Манетнаго Денежнаго двора кузнецъ Степанъ Ѳедоровъ вмѣсто салдатки Дарьи Иванова дочери по ея велѣнію руку приложилъ.

И противъ ее Дарьиныхъ допросныхъ речей вышеозначенная салдатка Анна Андреева дочь да салдатка яжъ дочь дѣвка Ирина Никанова дочь сказали тѣжъ рѣчи что и она Дарья въ допросѣ своемъ показала.

А прежъ сего де они Анна и Арина въ приводѣ и въ подозритель-

ствѣ нигдѣ не бывали, воровъ и разбойниковъ и ихъ пристанищь не знаютъ. Къ сему допросу соцкой Иванъ Ивановъ вмѣсто вышеозначенныхъ салдатки Анны Андреевой дочери, да салдацкой дочери Анны Никоновой по ихъ велѣнію руку приложилъ.

И въ семъ допросѣ показали они всю сущую правду, а буде сказали ложно или что утаили и за то повинны они чему будутъ достойны.

....Числа. По сему вышеозначенному извѣту приводные люди мужеска полу въ Съѣзжей дворъ приняты и два человѣка порознь допрашиваны, а въ допросѣ сказали.

1.

Зовутъ его Михаиломъ Еремѣевъ сынъ Колашниковъ.

2.

Отъ роду себѣ сказалъ дватцать пять лѣтъ.

3.

Родина отца его и его въ городѣ Кашинѣ, а отецъ его былъ въ томъ городѣ записной каменщикъ, Еремѣемъ звали Ивановъ сынъ, и какъ изъ того города отецъ его висланъ былъ въ Таганъ городъ для каменного дѣла, и въ томъ городѣ отецъ его умре тому пятнацать лѣтъ.

4.

А послѣ смерти отца своего онъ Михайла остался съ матерью своею во отцовскомъ домѣ и въ томъ городѣ живетъ нынѣ въ посадѣ.

5.

И въ нынѣшнемъ де 725 году апрѣля прошедшаго перваго на десеть числа изъ того города по Ея величества Государыни Императрицына указу, онъ Михайла съ братомъ своимъ двоюроднымъ Савельемъ Кузминымъ висланъ въ Москву для каменного строенія на цехоутной дворъ, а объ отпускѣ ему, такъ и брату его указу никакого не дано, потому что и прежъ сего указовъ и пропускныхъ писемъ не давывали.

а что... объявленныхъ людей для ночеванія къ себѣ... записей и безъ объявленія въ Московской Полицымейстерской канцеляріи пустила, и въ той де ея винѣ воля... величества Государыни Императрицы. Къ сей... ставкѣ пищикъ Семенъ Протопоповъ вмѣсто женки Арины Ивановой по ее прошенію руку приложилъ.

Въ протоколѣ Апрѣля 30 дня 725 году подъ нумеромъ 2480, написано:

По указу Ея величества Государыни Императрицы по присланному изъ команды капитана Рыкачева доношенію и по роспроснымъ рѣчамъ салдацкой Алексѣевской жены Уздинского вдовы Дарьи Ивановой дочери, да города Кашина каменщиковъ Михайла Еремѣева, Савелья Козмина, приговорили вышеобъявленной салдацкой женѣ Дарьѣ по инструкціи двадесять осмаго пункта и по присланной изъ Санктъ Питербурха изъ Главной Полицы вѣдомости за держанія въ домѣ умершаго зятя ее Тимофея Смирнова, въ которомъ она Дарья жила по свойству вышеписанныхъ каменщиковъ Михайлы и Савелья безпоручной записи и безъ объявленія въ Полицымейстерской Канцеляріи вмѣсто штрафа учинить при барабанномъ бою наказанье, противъ оного двора бить морскими кошками нещадно, а оныхъ каменщиковъ Михайлу и Савелья, также и ее Дарью, по учиненіи наказанья, изъ Московской Полицымейстерской Канцеляріи свободить съ росписками для того въ держаніи у себя безъ поручныхъ записей вышеписанныхъ людей и сама не запиралась; да она жъ Дарья скаскою объявила: штрафа де ей за оное держанія по инструкціи платить за скудостію не чѣмъ, а оные каменщики роспросами показали: изъ вышеписанного де города Кашина пришли они въ Москву по утру Ея величества Государыни Императрицы для каменной работы на цехаузной дворъ, а пашпортовъ де имъ не дано для того что на предь сего пашпортовъ никому ихъ братьи каменщикомъ не давывали, а пришедъ де въ Москву зашли ночевать къ вышеписанной Дарьѣ, а въ присланной изъ Санктъ Питербурха изъ Главной Полицымейстерской Канцеляріи вѣдомости написано: по указу публикованному въ народъ въ 718 году предложено дабы безъ явного свидѣтельства и безъ добрыхъ порукъ и безъ объявленія въ Канцеляріи Полицымейстерскихъ дѣлъ никому никого въ домы свои ни на одну ночь не пускать, а ежели кто въ такихъ противностяхъ явитца и оные жестоко будутъ штрафованы, биты кнутомъ и сосланы на каторгу, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе на Его Императорское величество; и по тому указу Санктъ Питербурскіе жители о прибывшихъ и отъѣзжающихъ къ нимъ въ домы людемъ доношеніямъ объявляютъ, а

у которыхъ бываютъ пойманы или приличатца въ житьѣ безъ объявленія въ Канцеляріи Полицымейстерскихъ дѣлъ, кромѣ показанныхъ важныхъ винъ, и на оныхъ ежели не въ воровствѣ и не подозрительной человѣкъ, за такихъ за держаніе безъ объявленія берутца разные денежные штрафы по разсмотрѣнію отъ пяти рублевъ до ста рублевъ и выше, а кому платить не чимъ и тѣмъ чинитца наказаніе, вмѣсто кнута, бьютъ на рынкахъ морскими кошками; того ради по силѣ оной вѣдомости вышеписанной женкѣ Дарьѣ наказаніе учинить бить при барабанномъ бою морскими кошками, а объявленныхъ каменщиковъ такъ же и оную Дарью, по учиненіи наказанія, свободить съ росписками и приговорили, а при свободѣ взявъ съ нихъ приводные деньги по указу и записать въ приходъ.

Тотъ протоколъ за подписаніемъ рукъ полковника и оберъ-полицымейстера господина Грѣкова и подполковника господина Фустова.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ главѣ первой.

1) «Les vices d'un peuple sont, s' j'ose le dire, toujours cachés au fond de sa lègislation: c'est là qu'il faut touiller pour arracher la racine productive de ses vices». (*Oeuvres complètes d'Helvétius*, 1818, *De l'esprit*, 141 — 142). «La masse d'une nation n'est jamais remuée que par la force des lois»; «c'est par la réforme des lois qu'il faut commencer la réforme des moeurs» (ibid. 145). „Tout l'art du législateur consiste donc à forcer les hommes, par le sentiment de l'amour d'eux-mêmes, d'être toujours justes les uns envers les autres“ (ibid, 216 — 218). „Toute sage législation qui lie l'intérêt particulier à l'intérêt public et fonde la vertu sur l'avantage de chaque individu, est indestructible“. (*De l'homme*, 500—501). (Сравн. *De l'esprit*, 159, 201).

2) При такихъ условіяхъ Гельвеціусъ требуетъ прежде всего измѣненія формы правленія. Faute de cette vue, le fameux czar Pierre n'a peut être rien fait pour le bonheur de sa nation». (*De l'esprit*, ch. XVIII, *Principaux effets du despotisme*, 357).

3) *De l'homme*, 430.

4) „L'homme reçoit deux éducations: celle de l'enfance; elle est donnée par les maîtres; celle de l'adolescence; elle est donnée par la forme du gouvernement où l'on vit et les moeurs de sa nation. Les préceptes de ceux parties de l'éducation sont-ils contradictoires: ceux de la première sont nuls“. (*De l'homme*, 595). „Propose-t-on, dans un gouvermemeut vicieux un bon plan d'education: les préceptes de cette éducation nouvelle sont-ils en contradiction avec les moeurs et le gouvernement; ils sont toujours réputés mauvais“. (ibid., 598).

5) *Исторія цивилизаціи въ Англіи*, переводъ Бестужева-Рюмина и Тиблена, изд. 2-ое, II, 105.

6) Ibid., 118. Еще Вильгельмъ Гумбольдтъ въ своемъ *Опытѣ о границахъ государственной дѣятельности*, возставалъ противъ полицейскаго воздѣйствія на нравы.

7) Ibid., I, 208.

8) *Matter*: De l'influence des moeurs sur les lois et de l'influence des lois sur les moeurs, *1832*. Ср. *Dumarsais*: *Essai sur les préjugés, ou de l'influence des opinions sur les moeurs et sur le bonheur* (первое изданіе 1750 года).

[9]) *Matter*, 12—13, 15, 23, 25.

[10]) «La législation de Lycurgue s'est maintenue, grâce aux moeurs qu'elle a rencontrées et grace à celles qu'elle a formées». (Ibid., 99). Ср. 93.

[11]) «On l'a bien dit: les lois, à la longue, forment les moeurs, c'est-à-dire les habitudes» (153). Ср. 122, 135, 139, 147. Далѣе Маттеръ говоритъ, что улучшеніе дурныхъ нравовъ законодательнымъ путемъ встрѣчаетъ чрезвычайныя затрудненія (169); онъ понапрасну ищетъ въ лѣтописяхъ человѣчества законовъ, которые преобразовали бы развращенные нравы (438). Ср. *Дюмарсе* (изд. 1822), стр. 111, 129, 130.

[12]) «La monarchie absolue exerce sur les moeurs une influence profondément corruptrice» (ibid., 181). Ср. 184: „et tel est le caractère moral de la monarchie constitutionelle, ou républicaine, que les institutions, si elles valent mieux que les moeurs, élévent celles-ci à elles, ou subissent leur action». *Дюмарсе*, 133, 135. Ср. *Бэнъ*: *Логика общественныхъ наукъ*, русск. переводъ, 19, 28.

[13]) Ibid., 237 — 238, 244, 247, 258. „Pour exercer de l'influence sur les moeurs la législation a besoin d'être progressive, c'est-à-dire de se mettre à la hauteur des moeurs". (259).

[14]) Напримѣръ, Маттеръ утверждаетъ, что Лудовикъ XIV измѣнилъ нравы французскаго общества („il fit des moeurs nouvelles"), наложивши личный отпечатокъ первоначально на дворъ, а черезъ его посредство на остальное общество (64—65). *Лекки* (*Lecky*: *History* of *european morals*, second edition) прямо признаетъ вліяніе учрежденій на нравственный строй народной жизни: „In Rome, however, there were three great causes which impeded the normal development — the Imperial system, the institution of slavery, and the gladiatorial shows" (I, 272). Ср. „Not unfrequently too, by a curious moral paradox, political crimes are closely connected with national virtues. A people who are submissive, gentle and loyal, fall by reason of these very qualities under a despotic government; but this uncontrolled power has never failed to exercise a most pernicious influence on rulers, and their numerous acts of rapacity and aggression being attributed in history to the nation they represent, the national character is wholly misinterpreted" (Ibid., 159). Токвилль выражается не совсѣмъ опредѣленно о вліяніи законодательства на нравы, то не придавая ему большаго значенія, то, на оборотъ, отводя ему роль главнаго фактора въ народномъ развитіи: «Je suis convaincu que la situation la plus heureuse *et les meilleures lois* ne peuvent maintenir une constitution en dépit des moeurs, tandis que celles-ci tirent encore parti des positions les plus défavorables et des plus mauvaises lois. L'importance des moeurs est une vérité commune à laquelle l'étude et l'experience ramènent sans cesse. Il me semble que je la trouve placée dans mon esprit comme un point central, je l'aperçois u bout de toutes mes idees» (*Tocqueville*: *De la démocratie en Ameriqueé*, seizième édition, II, 246); «j'ai dit que le succès des institutions démocratiques aux Etats-Unis *tenait aux lois elles mémes* et aux moeurs plus qu' à la nature du pays» (ibid., 247). Ср.: «Le despotisme, qui, de sa nature, est craintif, voit dans l'isolement des hommes le gage le plus certain de sa propre durée, et il met d'ordinaire tous ses soins à les isoler. Il n'est pas de vice du coeur humain qui lui agrée autant que l'égoisme: un despote pardonne aisément aux gouvernés de ne point l'aimer, pourvu qu' ils ne s'aiment pas entre

eux» (Ibid., III, 168). „Le despotisme, qui est dangereux dans tous les temps, est donc particulièrement à craindre dans les siècles démocratiques“ (Ibid., 169). *Лоранъ* находитъ, что могущество государства особенно обнаруживается въ дѣятельности правосудія („La puissance de l'État se manifeste surtout dans l'action de la justice sociale“, *Laurent: Études sur l'histoire de l'humanit*, deuxième édition, V, 37). *Гербертъ Спенсеръ* приводитъ много случаевъ безсилія законодательныхъ предписаній англійскаго правительства (*Описательная соціологія*, переводъ проф. Лучицкаго, 165, 167, 169, 170, 195).

15) Особенно важны для насъ замѣчанія о необходимости въ монархіи аристократическаго класса („Point de monarque, point de noblesse; point de noblesse, point de monarque“), объ отношеніи монархіи къ духовенству (*De l'esprit des lois*, L. II, ch. IV). «C'est une régle générale que les grandes récompenses dans une monarchie et dans une république, sont un signe de leur décadence par ce qu'elles prouvent que leurs principes sont corrompus, que, d'un côté, l'idée de l'honneur n'y a plus tant de force; que, de l'autre, la qualité de citoyen s'est affaiblie» (L. V, ch. XVIII). «Le principe de la monarchie se corrompt lorsque l'honneur a été mis en contradiction avec les honneurs, et que l'on peut être à la fois couvert d'infamie et de dignités». (L. VIII, ch. VII). „Le gouvernement absolu produit l'oisivité, et l'oisivité fait naître la politesse“. (L. XIX, ch. XXVII). Cp. L. III, ch. V. (характеристика придворныхъ).

16) Онъ мѣтко говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что уравненіе общественнаго положенія и смягченіе нравовъ—факты соотносительные. (*De la démocratie*, III, 263).

17) *Stein*: *Verwaltungslehre* 1883, V. Theil, 24. „Aller Begriff der Sitte im weitesten Sinne bedeutet nun eben jener Process der Bildung, insofern ich ihn nicht mehr als Bewegung, sondern als inneren, ruhenden *Zustand* betrachte“ (Ibid., 16); «keine Sitte ist etwas Ursprüngliches, sondern stets die Consequenz bestimmter Ursachen» (ibid., 19—20). Въ другомъ мѣстѣ Штейнъ приравниваетъ *Gesittung* съ *цивилизаціей* (*Verwaltungslehre*, VI, 2). Cp. *Hegel*: *Grundlinien der Philosophie des Rechts*, 1840: „Die Sittlichkeit—die konkrete Identität des guten und des subjektiven Willens, die Wahrheit derselben“ (202). Для Гегеля государство, какъ извѣстно,—„Wirklichkeit der sittlichen Idee“. Штейнъ устанавливаетъ тройственное развитіе общества, начиная съ простой общительности (die Geselligkeit) черезъ нравы въ собственномъ смыслѣ (die Sitte) до правоваго порядка (Rechtsordnung), съ преобладанія личнаго начала до торжества противоположнаго (*System der Staatswissenschaft, die Gesellschaftslehre*, 212). Объ отношеніи юридическаго къ нравственному ср. *Trendelenburg*: *Naturrecht auf dem Grunde der Ethik*, 2 Aufl., 21. Авторъ рѣшительно высказывается противъ обособленія законнаго и нравственнаго («So muss denn die Scheidung des Legalen und Moralischen, des Gesetzlichen und Sittlichen, welche zu äusserlicher Gesetzespünktlichkeit der Pharisäer führt, aufgegeben werden»). Одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ писателей, Клавель (Clavel), называетъ нравы коллективнымъ сознаніемъ: „La conscience collective, autrement dit les moeurs“ (*La nouvelle Revue*, 15 avril 1881. *La morale individuelle et la morale sociale*). Клавель настаиваетъ на различеніи нравственныхъ и юридическихъ отношеній: „il faut distinguer, dans le domaine du bien et du mal social entre l'éthique réglant les rapports des membres de la société et le droit traitant des rapports du citoyen avec la cité“. Клавель указываетъ на великое значеніе нравовъ, которые образуются инстинктомъ подражанія, и

признаетъ большое вліяніе законодательства, прибавляя, что самые законы суть результатъ развитія ума и познанія. Ср. одно изъ первыхъ сочиненій о нравахъ, *Essai sur les moeurs* Вольтера (*Oeuvres complètes*, 1865, III): «L'empire de la coutume est bien plus vaste que celui de la nature; il s'étend sur les moeurs sur tous les usages; il répand la variété sur la scène de l'univers: la nature y répand l'unité; et établit partout un petit nombre de principes invariables: ainsi le fonds est partout le même, et la culture produit des fruits divers». (609). Въ сочиненіи новѣйшихъ французскихъ писателей мы встрѣчаемъ не рѣдко повтореніе указаній на естественность извѣстныхъ дѣйствій и требованій, на законы природы: «S'il y a eu, s'il y a encore des moeurs réputées infâmes, c'est la meilleure preuve, sans doute, qu'elles sont contraires à la nature» (*Eschenauer*: *La morale universelle*, deuxième edition, 1882, 116). Между нравами и законами названный писатель признаетъ тѣсное соотношеніе (154). Г. Стронинъ дѣлитъ нравы на интеллектуальные и моральные. Нравы, говоритъ онъ, „суть не что иное, какъ привычки воли, а привычки эти могутъ проявляться то въ склонностяхъ ума, то въ склонностяхъ чувства". (*Исторія общественности*, 644). Ср. 657 и др.

18) *Rudolph von Ihering*: *Der Zweck im Recht*, zweiter Band, 3, 4, 10. „Es wäre ein sauber Zustand, der sich da bei für das Recht ergeben wurde". *Ср. К. Д. Кавелинъ (Задачи этики)*: „Нравы, обычаи, привычки обусловлены сожительствомъ людей въ обществѣ и государствѣ, имѣютъ своимъ источникомъ потребности организованнаго быта людей и слѣдовательно относятся къ области права, отъ котораго отличаются только случайными признаками, больше по недоразумѣнію, чѣмъ по существу дѣла. Подъ правомъ мы привыкли понимать лишь нормы, юридически обязательныя для всѣхъ и каждаго и установленныя общественною или государственною властью подъ страхомъ судебныхъ или административныхъ взысканій и наказаній за ихъ нарушеніе. Очевидно, что и въ этомъ случаѣ видовое понятіе неправильно возведено въ родовое; ибо что же такое общественные нравы, обычаи, привычки, какъ не нормы, обязательныя для внѣшнихъ поступковъ, отступленіе отъ которыхъ влечетъ за собою невыгодныя или, по крайней мѣрѣ, непріятныя послѣдствія,—нормы, созданныя и охраняемыя отъ нарушеній не публичною властью, а мнѣніемъ извѣстной группы людей"? По поводу отдѣленія К. Д. Кавелинымъ области юридической (внѣшнихъ поступковъ) отъ моральной (внутреннихъ поступковъ) ср. *Гольцевъ*: *Нравственность и право* (*Русская Мысль*, 1885, апрѣль).

19) „Sitte ist also die im Leben des Volks sich bildende verpflichtende Gewohnheit" (II, 23). „Sitte sowohl wie Recht weisen auf die allgemeine Ordnung hin, der subjectivistische Sinn beider ist ein übertragener". (II, 22).

20) «Ein *gesitteter* Mann kann höchst unsittlich sein, es ist nur der äussere Schliff, den er der Erziehung verdankt, den wir mittelst dieses Prädikats constatiren, die Kenntniss und Befolgung der Sitte» (ibid., 37).

21) *I. Das Sittliche* (Selbstverläugnung, Selbstlosigkeit); *II. Das Erlaubte* (Selbsterhaltung, Selbstbehauptung); *III. Das Unsittliche* (Selbstsucht, Eigennutz). Послѣднія двѣ области охватываются родовымъ понятіемъ: эгоизмомъ.

22) «Die Sitte ist die Sicherheitspolizei des Sittlichen (*Der Zweck im Recht*, *II*, *Die prophylaktische Bestimmung der Sitte*, 261—262).

23) „Die feine Sitte gewährt jedem, der ihn betritt, der volle Gefühl der Sicherheit" (ibid., 266). «Der Anspruch auf Höflichkeit ist das jus der Per-

sönlichkeit im Sinne der Sitte» (ibid., 483). Ср. 268 (*Die Disciplinirung des Streits*). Іерингъ указываетъ на значеніе въ дѣлѣ нравовъ эстетической точки зрѣнія (*Die Sitte im Munde der Sprache*, *Nord und Süd*, 1881, april). Въ нравахъ—тактъ, въ нравственности—совѣсть, въ прекрасномъ—вкусъ, въ мірѣ правовыхъ явленій—юридическій тактъ.

24) „Ist die Gesellschaft das Zwecksubject des Sittlichen, so ist die Staatsgewalt als Vertreterin derselben in erster Linie berufen, das Sittliche zu verwirklichen und zu fördern" (*Der Zweck im Recht*, II, 107).

25) „Liberté c'est avant-tout dignité" (*Dupont-White*: *La centralisation*, 346).

Къ главѣ второй.

1) *Записки Желябужскаго*, 5.

2) Ibid., 16.

3) Ibid., 19.

4) *Дневникъ Корба*, 77—78.

5) Ibid., 281.

6) *Костомаровъ*: Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа, въ XVI и XVII, столѣтіяхъ, 99.

7) Ibid., 103, 108, 115.

8) *Дневникъ Корба*, 282—283.

9) Очеркъ домашней жизни и нравовъ, 128.

10) *Записки Желябужскаго*, 21—22.

11) *Корсаковъ*: Воцареніе императрицы Анны Іоановны, 24.

12) *Забѣлинъ*: Домашній бытъ русскихъ царей, 206—207.

13) *Стоюнинъ*: Наша семья и ея историческія судьбы. (*Вѣстн. Европы*, 1884, январь).

14) *Дневникъ Корба*, 56. *Веберъ* (*Das veränderte Russland*, 1738.), отмѣчаетъ въ 1714 году: «Die Lustig-und Unsinigkeit der Russen in diesen Tagen (Das-Oster-Fest) ist unbeschreiblich und wer nich ein dutzend Räusche ausschläfft, hat ihrer Meynung nach keine andächtige Ostern gehalten», (6).

15) *Соловьевъ*: Исторія Россіи, т. XIII, 227.

16) *Записки Желябужскаго*, 125.

17) Ibid., 117.

18) *Брикнеръ*: Исторія Петра Великаго, 286.

19) *Перри*: Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, 168. Фокеродъ говоритъ: «Вообще ничто во всѣхъ чужеземныхъ нововведеніяхъ не представлялось Русскимъ смѣшнѣе того, какъ когда говорятъ имъ о правилахъ чести (point d'honneur) и желаютъ, во имя того, убѣдить ихъ сдѣлать что-нибудь, или отъ чего-нибудь отказаться. Были бы также совершенно напрасными всякія старанія убѣдить ихъ, что мнѣніе какой-нибудь личности, не имѣющей права имъ приказывать, иногда можетъ сдѣлать ихъ счастливыми или несчастливыми,

или можетъ ихъ вынудить совершить такое дѣло, которое противно ихъ интересамъ. (*Фокеродъ*: *Записки*, *Русск. Арх.* 1883, кн. II; 1422—1423).

[20]) *Сборникъ Импер. русск. историч. Общ.*, *т. XXXIX*, 248—249, 272. Ср. *Устряловъ*: *Исторія царствованія Петра Великаго*, III, 192, 194—195.

[21]) *Перри*, idem., 130. Ср. отзывъ Соловьева, *Исторія Россіи*, *XVI* 106—107.

[22]) *Карновичъ*: Истор. разсказы и бытовые очерки, 238.

[23]) *Хмыровъ*: Графиня Е. И. Головкина и ея время, 16.

[24]) *Берхгольцъ*: Дневникъ, I, 103.

[25]) Ibid., IV, 73.

[26]) *Сборникъ Истор. Общества*, XXXIX, 80.

[27]) Ibid., 378.

[28]) *Карновичъ*, назв. соч., 244.

[29]) *Русская Старина*, 1872, VI.

[30]) Ibid., 1874, XII, *Иванъ Носовичъ*: Всепьянѣйшій соборъ. Г. Ровинскій (*Русскія народныя картинки*, V., 261—262) говоритъ, что всепьянѣйшій соборъ—«шутовство дикое, злое, пошлое и, прежде всего, безпросыпно-пьяное».

[31]) *Записки Вебера*, Русскій Архивъ, 1872, №№ 7 и 8, стр. 1340—1341.

[32]) *Дневникъ*, IV, 23.

[33]) *Корбъ*, 113.

[34]) *Соловьевъ*, XVIII, 188.

[35]) *Сборникъ Историч. Общества*, III, 333.

[36]) *Н. А. Поповъ*: Татищевъ и его время, 531.

[37]) *Пыпинъ*: Изученія русской народности (*Вѣстникъ Европы*, 1882, ноябрь).

[38]) *Пекарскій*: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I; 25.

[39]) *Русскій Архивъ*, 1872, №№ 7—8, 1333. Въ письмѣ къ Ромодановскому Петръ требуетъ сыскать въ Москвѣ карлъ и прислать въ Петербургъ на свадьбу Волкова. Къ письму приложена роспись, изъ которой оказывается, что у царицы и вельможъ находился 31 карла, въ томъ числѣ у Ивана Нарышкина три, у нѣкоторыхъ по два, у большинства по одному. (*Русскій Архивъ*, 1865, 53).

[40]) „Der Tzarj stiess ihn oftmals öffentlich mit dem Fusse fort, und prügelte ihn wie einen Hund, so dass die Umstehenden meynten, es wäre um ihn geschehen. Aber allemal den folgenden Morgen wurde wieder Friede gemacht“ (*Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode kaisers Peters des Grossen*, Erster Theil, 1777, Riga, 256). Веберъ такъ характеризуетъ петровское время: „Es ist nicht zu läugnen, dass Russland wenig Städte und viel Wald und Wüsten hat; dass der meiste Theil des Landes unfruchtbar oder besser zu reden unbeackert liegen bleibt; aber eine der vornehmsten Ursachen dessen ist dass das Land von Menschen in diesem Kriege erschöpft ist, und die übrige wegen der Tyranney ihrer Amt-und Edelleute weder Lust noch Hertz haben, Hand anzulegen, und nur auf ihr kümmerliches tägliches Auskommen gedencken“. (*Das veränderte Russland*, 1738—1740, 33). Бояре (дворяне) по отношенію къ крестьянамъ заявляли такія же права и требованія, какъ царь къ нимъ (ibid., § 170).

[41]) *А. Н. Пыпинъ*: Русская наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ (*Вѣстникъ Европы*, 1884, VII).

[42]) Отмѣтимъ по этому случаю ужасный фактъ. Степанъ Богдановичъ Глѣбовъ, обвинявшійся въ связи съ царицей Евдокіей Өедоровной, былъ пытанъ

кнутомъ, горячими угольями, раскаленнымъ желѣзомъ; три дня былъ привязанъ къ доскѣ, убитой гвоздями; наконецъ живой посаженъ на колъ... Глѣбовъ молчалъ до конца своихъ мученій. Черезъ три года, по царскому указу, его проклинаетъ святѣйшій синодъ. (*Русская Старина*, 1876, II).

43) Петръ заставилъ Екатерину смотрѣть на отрубленную голову Монса (*Андреевъ*: Екатерина I, *Осьмнадцатый вѣкъ*, III).

44) *Есиповъ*: Жизнеописаніе князя А. Д. Меншикова (*Русскій Архивъ*, 1875, № 9).

45) Ibid. (*Русскій Архивъ*, 1875, № 12).

46) *Соловьевъ*: Исторія Россіи, XVI; 9.

47) Ibid., 232.

48) Ibid., 232—233.

49) *Соловьевъ*, XVIII; 155.

50) *Мрочекъ-Дроздовскій*: Областное управленіе въ Россіи XVIII вѣка, 347.

51) *Русскій Архивъ*, 1865, 983—986.

52) *Алекторовъ*: Исторія Оренбургской губерніи, 2 изд., 13—16.

53) «C'est une chose surprenante que ceux, à qui ce brave monarque fait le plus de bien, sont ceux qui violent les lois los premiers» (*Сборникъ Р. И. Общества*, III; 387—388). Депеша написана 2 сентября 1724 года.

54) *Чистовичъ*: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, 119.

55) Ibid., 112—113.

56) *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ*, I; 362. Въ 1709 г. митрополитъ нижегородскій и алатырскій, смиренный Исаія, обращался съ слѣдующею просьбою: «указалъ бы меня Великій Государь, меня богомольца своего взять къ Москвѣ, также и Силивестра, прелюбодѣя духовнаго, и новаго блядливаго Арксакія, что былъ Троицы Сергіева монастыря архимандритъ, и кто надлежитъ съ нимъ Силивестромъ прелюбодѣемъ и новымъ Арксакіемъ блядливымъ, что прелюбодѣствуетъ съ моею духовною невѣстою Нижегородскою церковію противно закону нашему и нашей благочестивой Греческой церкви», и т. д. Такъ велся споръ двухъ митрополитовъ изъ-за одной каѳедры. (*Чтенія*, 1884, III).

57) *Соловьевъ*, XV; 105.

58) *Соловьевъ*, XVI; 17.

59) *Мрочекъ-Дроздовскій*, назв. соч., 331.

60) *Сборникъ Истор. Общества*, III; 361, 382.

61) *Соловьевъ*, XVI; 18.

62) *Русскій Архивъ*, 1867, XII; 1708—1720.

63) *Хмыровъ*: Графиня Е. И. Головкина и ея время, 91.

64) *Das veränderte Russland*, 57—58.

65) *Чистовичъ*, назв. соч., 71—72.

66) Ibid., 185—186.

67) *Соловьевъ*, XV; 116—117.

68) *Др. Росс. Вивл.*, часть XVII; 103.

69) *Сборникъ Ист. Общества*, томъ 40-й, 428.

70) *М. И. Семевскій*: *Слово и Дѣло*. (Второе изданіе).

71) *Есиповъ*: *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія*, I; 359.

72) Ibid., II; 110. Г. Есиповъ (*Тяжелая память прошлаго*, 46) праводитъ слѣдующее письмо, за которое пытали: «Отъ вѣды, отъ великіе кузни, отъ

льстиваго измѣненія, отъ великаго паденія, о како прельстихомея о како приведохомея, како слышавши писанія не вразумихомея, како слышавши проповѣдника ругахомея; тѣ бо и тогда связанны вещми житейскими желаючи вѣка сего, и тѣбо удобь преступятъ къ діаволу знаменуется пріемши начертанія сквернаго. Бога Богоборца мѣста животворящаго креста Спасова и тѣбо удобь вложны будутъ съ діаволомъ во тьму кромѣшну». Г. Ровинскій говоритъ: «Петръ пыталъ всѣхъ, безъ разбора и часто безъ всякой надобности, когда дѣло было уже совершенно ясно. Коллекція пыточныхъ инструментовъ въ его время находилась въ приказѣ, что у церкви Петра и Павла, отчего и взялась пословица: живетъ правда у Петра и Павла» (*Русскія народныя картинки*, IV; 401). Въ случаѣ смерти подъ пытками отъ судей не требовалось даже канцелярской отписки (ibid., 402).

[73]) *Слово и Дѣло*, 10—12.

[74]) Ibid., 13—17, 25—26, и др.

[75]) *Н. Поповъ: В. Н. Татищевъ и его время*, 49—50.

[76]) См., напримѣръ, *Русская Старина*, 1885, августъ (*Тайная канцелярія въ царствованіе Петра I*). Иностранецъ свидѣтельствуетъ тѣмъ не менѣе, что Петра любили въ народѣ: «Le seizième le Czar arriva à Moscow Sur le midi (декабрь 1707 г.), au bruit du canon des remparts, et fut reçu a vec une joye universelle après nne absence de deux ans» (*Voyages de Corneille Le Brun*, 1718, Amsterdam).

Къ главѣ третьей.

[1]) *Сборникъ Р. И. Общества*, III., 439. Ле-Фортъ писалъ 14 іюля 1725 года: «Il n'y a plus moyen de définir la conduite de cette cour; du jour la nuit, hors d'état de vaquer au soin de tout, tout languit, rien ne se fait, chacun est rebuté, nul ne veut prendre quelque affaire sur soi, crainte des suites, qui n'augurent rien de bon. On se plaint, on gémit, tout est dans l'inaction; une flotte en mer et une cour étrangère qui prédomine, qui se mêle de tout et veut donner la loi, partout mécontement d'une régence, qni n'a en vue que ses plaisirs pour procurer», etc. (ibid, 415).

[2]) *Осмнадцатый Вѣкъ*, книга II. *Письма о Россіи въ Испанію дука де-Лирія.*

[3]) Ibid, книга III. «Der Hof war unter dieser Regierung (Екатерина I) sehr glänzend» (*Materialien*, I, 338). Сама императрица въ послѣдніе годы жизни много пила крѣпкихъ напитковъ (ibid., 339).

[4]) *Сборникъ Историческаго Общества*, V., 430—431., ср. 461—462.

[5]) *Записка Манштейна* (*Русская Старина*, 1875, апрѣль—декабрь).

[6]) *Вейдемейеръ: Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи*, 106. Физельдекъ говоритъ, что дворъ Анны былъ самый роскошный въ Европѣ. «Doch vergingen mehrere Jahre ehe man es dahin bringen konnte dass Kostbarkeit mit Harmonie des Ganzen und mit Geschmack verbunden gewesen wäre» (*Materialien*, II, 279).

[7]) *Е. Бѣловъ: Отношенія Фридриха II, до вступленія его на престолъ, къ русскому двору*, съ 1739 по 1740 годъ. (*Древняя и Новая Россія*, 1875, № 8). Маркизъ де-ла-Шетарди говоритъ, что Биронъ «любитъ роскошь, которую онъ же и ввелъ при русскомъ дворѣ». (*Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи*, переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ, съ примѣ-

чаніями и дополненіями Пекарскаго, 1). Въ запискѣ Лалли кардиналу Флери (ibid., 20) мы читаемъ: «Цѣль русскаго двора (1738 годъ) бросить пыль въ глаза цѣлой Европы». Время изобиловало фантастическими проектами, на которые уходило много средствъ. «Государство истощено роскошью, введенною при дворѣ, дурнымъ управленіемъ министерствъ, переводомъ за-границу суммъ, которые дѣлали и дѣлаютъ иностранцы и даже высшее дворянство, наконецъ безплодная распущенность, тщеславіе и суетность разорнютъ государство». (ibid., 24). Бодрильяръ правъ, утверждая, что «on à plutôt diminué qu'exagéré la part du luxe et de la cupidité dans les crimes du despotisme» (*Baudrillart*: *Histoire du luxe*, I., 125).

[8]) *Шубинскій*: Императрица Анна Іоанновна (*Р. Старина*, 1873, III).

[9]) *Чистовичъ:* Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, 272—273.

[10]) *Русская Старина*, 1871, XII. За здравіе импермтрицы, въ день празднованія ея коронаціи, пили, ставши на колѣни. См. письмо къ императрицѣ гр. Семена Андреевича Салтыкова, *Русская Бесѣда*, 1860, II, 181—183.

[11]) *Шубинскій*: Императрица Анна Іоанновна, придворный бытъ и забавы (*Русская Старина*, 1873, мартъ).

[12]) *Андреевъ*: Представители власти въ Россіи послѣ Петра I., 74.

[13]) «J'aurai de la peine à désigner, combien depuis la dernière correction les Russes paraissent soumis et dociles à exécuter quelque ordre, qui leur soit prescrit et émané du cabinet dont Munnich s'avoue membre, et certainement le parti étranger a le dessus et tient les rênes» (*Сб. Ист. Общ.*, V., 450).

[14]) *Вейдемейеръ*, назв. сочиненіе (изданіе 4-е), Часть II., 98—103.

[15]) *Знаменскій* (*Приходское духовенство въ Россіи со времени Петра*) говоритъ, что вслѣдствіе этого гоненія множество церквей оставалось безъ причтовъ. Въ 1735 г. приказано было отсылать въ тайную канцелярію всѣхъ не бывшихъ у присяги, если во время исполненія этихъ присягъ имъ было не менѣе 8 лѣтъ отъ роду. Плети и каторга расточались по этому поводу въ ужасающихъ размѣрахъ (*Знаменскій*, 222—223).

[16]) *Записки князя Якова Петровича Шаховскаго*, изд. 1872 года, 26.

[17]) *Романовичъ-Славатинскій: Дворянство въ Россіи*, 59.

[18]) *Русская Старина*, 1872, іюнь, 949—951.

[19]) *Русская Старина*, 1873 года, іюль, *Изъ исторіи тайной канцеляріи*. Пекарскій (*Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи*) приводитъ возмутительные случаи расправъ по доносамъ. Такъ (въ 1737) совѣтникъ Тарбѣевъ, говорившій камергеру Бѣликову, что вся сила у Бирона, у иностранцевъ, былъ публично высѣченъ плетьми и сосланъ въ Камчатку. Анненкова и Скороходова, не донесшихъ, сослали навѣчно въ Азовъ (*Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи*, 50—51). Двадцатилѣтній Мартынъ Карловичъ Скавронскій подвыпилъ у себя дома и мечталъ, бесѣдуя съ прислугой, что бы онъ сдѣлалъ, еслибы былъ царемъ. Одинъ изъ крѣпостныхъ донесъ. Скавронскаго били плетьми, потомъ освободили. (*Михневичъ*, *Семейство Скавронскихъ*, *Истор. Вѣстн.* 1885, апрѣль, 78 — 81.) Пекарскій замѣчаетъ о страшномъ развитіи шпіонства и наушничества въ царствованіе Анны (*Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи*, 289).

[20]) *Бѣловъ*: *Отношенія Фридриха II*, etc. *Древняя и новая Россія*, 1875, VIII.

[21]) *Чистовичъ*, назв. сочиненіе, 353 — 354. Въ другой своей работѣ (*Рѣшиловское дѣло. Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеофилактъ Лопатинскій*) г. Чистовичъ,

сообщивши, что іеромонаха Іосифа Рѣшилова за разнорѣчія и важныя подозрѣнія лишили іеромонашества и монашества и отправили въ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію, замѣчаетъ: «Только за подозрѣнія! Несчастное время!» ([35]).

[22]) *Корсаковъ*: *Воцареніе императрицы Анны Іоанновны*, 302.

[23]) *Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ*, 1860, кн. II., 21–25.

[24]) *Соловьевъ*, XX., 418.

[25]) *Русская Старина*, 1877, VI., 398.

[26]) *Русская Старина*, 1876, IV., 735. Кіевскій митрополитъ Ванатовичъ протомился все царствованіе въ заключеніи за то, что въ царскій день не отслужилъ молебна (*Костомаровъ*: *Императрица Анна Ивановна и ея царствованіе*).

[27]) *Соловьевъ*, XIX., 174.

[28]) *Соловьевъ*, XXI., 198.

[29]) *Лазаревскій*: Очерки изъ быта Малороссіи XVIII вѣка (*Русскій Архивъ*, 1871, XI.).

[30]) *Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17 октября 1741 по 25 ноября 1741 года*, 207, 207—214. Былъ между прочимъ придворный «комедіантъ персидскаго манера» (должно быть фокусникъ).

[31]) Ibid. 240–248.

[32]) *Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи*, 64—65. Какъ грубы были дворцовыя шутки, свидѣтельствуетъ такой, напримѣръ, фактъ: Биронъ спросилъ у шута Педрилло (Пьетро-Мира): правда-ли, что ты женатъ на козѣ? Тотъ отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ, что его жена скоро родитъ. Анна велѣла шуту лечь съ козой на постель, весь дворъ долженъ былъ ихъ поздравлять и класть деньги подъ подушку. (*Шубинскій*: *Императрица Анна Іоанновна*, 343–344).

[33]) *Сб. Истор. Общества*, X, 380, 381.

[34]) *Соловьевъ*, XXVI, 238, стр. 203—204, томъ XXIV, 420—421.

[35]) *Сб. Истор. Общества*, VI, 449.

[36]) *Воспоминанія Вигеля*, I, 12.

[37]) *Сб. Истор. Общества*, VII, 204--205.

[38]) *Materialien*, III. Theil, I, Abtheilung, Frankfurt und Leipzig, 1788, 26.

[39]) *Васильчиковъ*: *Семейство Разумовскихъ* (*Осмнадцатый вѣкъ*, кн. II).

[40]) *Архивъ князя Воронцова*. кн. II, 17, 48, ср. 37–38, 39, 40.

[41]) Ibid, 125.

[42]) *Архивъ князя Воронцова*, кн. III, 591—592.

[43]) *Гротъ*: *Жизнь Державина*. II, 109–110.

[44]) *Архивъ князя Воронцова*, II, 449—471.

[45]) *Соловьевъ*. XXII, 264.

[46]) *Записки Позье* (*Р. Старина*, 1870, I, 67).

[47]) *Романовичъ-Славатинскій*: *Дворянство въ Россіи*, 230.

[48]) *Соловьевъ*, XII, 190—191.

[49]) *Записки князя Якова Петровича Шаховскаго*, 1872, 63. *Г. Знаменскій* (*Приходское духовенство въ Россіи*, 242–243) не одобряетъ дѣятельности императрицы по отношенію къ духовенству: «Елизавета дѣйствительно оказала въ свое царствованіе много милостей духовенству. Но, дѣйствуя единственно по движеніямъ своего религіознаго чувства, безъ всякой опредѣленной системы, она, подобно всѣмъ высокопоставленнымъ благочестивымъ женщинамъ, изли-

валась въ своемъ уваженіи и милостяхъ только въ отношеніи къ ближайшему къ ней высшему духовенству и очень мало думала о положеніи низменнаго класса духовнаго чина, разныхъ безвѣстныхъ и скромныхъ причтовъ въ приходахъ». Въ 1743 графиня Разумовская просила митрополита Рафаила Заборовскаго рукоположить ей священникомъ въ село Орловку, нѣжинскаго уѣзда, одного изъ ея лакеевъ, Богдановскаго: «оной Богдановскій какъ прежде, такъ и понынѣ, ко двору ея благопріятній и въ услугахъ нелѣнивій и добропорядочній». (*Знаменскій*, 26).

50) *Соловьевъ*, XXII, 28.

51) Ibid, 193, 272. Этотъ епископъ мучилъ соборянъ, держалъ ихъ по нѣскольку часовъ на льду босыхъ, совершая въ это время литургію (въ 1742 г.) Варсоноѳій умеръ на той же каѳедрѣ, въ 1759 году, архіепископомъ. (*Русская Старина* 1878, май, 185—190).

52) *Соловьевъ*, XXII, 145—146, ср. 146—147.

53) *Знаменскій*, 299.

54) Ibid, 411—424 и др.

55) *Знаменскій*, 391, 393.

56) *Соловьевъ*, XXIII, 145.

57) *Знаменскій*, 456.

58) *Соловьевъ*, XXII, 26—27. XXIII, 36—37. Нужда сильно принижала нравственный уровень духовенства. Священники на площадяхъ и на крестцахъ нанимались для совершенія требъ. Консисторія забирала такихъ священниковъ и наказывала ихъ плетьми. (*Соловьевъ*, XXII. 277). Ср. *Знаменскій* 749—751 и др.

59) Ibid, XXII, 186, XXIV, 352—353, XXII, 239.

60) *Есиповъ*; *Ванька Каинъ* (*Осмнадцатый вѣкъ*, книга II.)

61) Ванька убѣжалъ отъ Филатьева, котораго обокралъ. Вора поймали и возвратили помѣщику. Тотъ сковалъ его съ медвѣдемъ и не велѣлъ давать ѣсть. Дѣвушка, кормившая медвѣдя, потихоньку кормила и Ваньку. Другой поучительный фактъ: купеческій сынъ Иванъ Михайловъ остался малолѣтнимъ сиротою. За неплатежъ подушныхъ несчастнаго двѣнадцатилѣтняго мальчика посадили въ тюрьму, и онъ на цѣпи съ колодниками ходилъ за милостынею. Черезъ два года Михайлова выпустили. Конечно, для него оставалась только одна дорога — воровская.

62) *Соловьевъ*, XXIII, 237—238, XXIII, 135. Ср. названную статью г. *Есипова*. 12 мая 1737 года приведенъ отъ рогатокъ въ полицію крестьянинъ Боевъ и при немъ курица. Его стали бить кошками: не укралъ-ли (Боевъ принесъ изъ деревни курицу продавать). Въ 1728 г. полицеймейстерская канцелярія (въ Москвѣ) издала распоряженіе: «У рогатокъ караульни, гдѣ имѣются, всѣ сломать немедленно и раздать хозяевамъ по-прежнему, понеже, по усмотрѣнію полиціи, въ тѣхъ караульняхъ чинится пришлымъ людямъ пристань, отъ чего является всякое непотребство, а караульщикамъ, которые будутъ стоять у тѣхъ рогатокъ, для теплоты отвесть дворы, а гдѣ отведены будутъ, о томъ въ полицію ропортовать, понеже оное вмѣнено имъ будетъ въ постой». Въ хранящихся въ *Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи* дѣлахъ канцеляріи полицеймейстерскихъ дѣлъ (я печатаю нѣсколько такихъ дѣлъ въ приложеніи) встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія для характеристики нравовъ русскаго общества въ XVIII столѣтіи. 18 сентября 1722 г., у Воскресенскихъ воротъ, кричалъ караулъ дьякъ Иванъ Шатинъ на гардемарина Михаила Изъѣдинова. При

допросѣ объявилъ слѣдующее: у него съ Изъѣдиновымъ споръ о владѣніи нѣсколькими пустошами; челобитной подать не успѣлъ, а Изъѣдиновъ собирался ѣхать въ деревню; для того и кричалъ. Того же числа былъ приведенъ въ канцелярію компанейщикъ суконной фабрики Никита Яковлевъ. Брали его канониры по сыскной памяти для взыска пошлины по оконченному дѣлу, били и вели „*въ главную артиллерію*". Кричалъ на нихъ караулъ потому, что подсуденъ мануфактуръ-коллегіи. Съ приводца взяты приводныя деньги, Яковлевъ отосланъ въ *главную артиллерію.* 23 сентября 1724 году былъ приведенъ въ канцелярію полковой священникъ Степанъ Мартыновъ дѣвкою помѣщицы Поздѣевой, Аграфеною Наумовою. Священникъ нѣсколько дней ночевалъ въ домѣ Поздѣевой, въ ея отсутствіе. Ночью забралъ вещи, надѣлъ шубу Поздѣевой. Дѣвка закричала караулъ, сбѣжались сосѣди. Мартыновъ объяснилъ, что онъ былъ пьянъ, и тутъ же перешелъ къ обвиненію Поздѣевой: она сманила изъ Ярославля дѣвку «сносными государевыми зборными деньгами» (дѣвка украла деньги у отца). Потомъ попъ сознался, что показалъ ложно, *убоясь великаго иску.* Его отослали съ промеморіей въ духовную декастерію, тамъ не приняли и отправили къ члену синода. 2 марта 1725 года въ канцелярію были приведены, отъ москворѣцкихъ воротъ, два попа. Галицкаго уѣзда тушебина стана церкви Николая Чудотворца священникъ Петръ Терентьевъ кричалъ караулъ на попа Кіевской губерніи, мценскаго уѣзда, села Усоха, Семена Дмитріева: когда попъ Петръ былъ въ Москвѣ и служилъ въ церкви великомученика Никиты, что слыветъ въ Толмачахъ, по найму у г. Бибиковой, попъ Семенъ становился тогда въ попы и занялъ у Терентьева 2 рубля 16 алтынъ 4 деньги. Эту сумму до сихъ поръ не отдалъ, почему священникъ церкви Николая чудотворца и кричалъ караулъ. Попъ Семенъ объяснилъ, что не заплатилъ долга за скудостію. Произошла мировая.

63) *Даниловъ*: *Записки*, 34—35. Даниловъ сообщаетъ, что въ Артиллерійской школѣ (въ 1736 году) учителемъ математики былъ штыкъ-юнкеръ Алабушевъ, вѣчно пьяный. Онъ кое-что зналъ, но «содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ». Старый обычай славленія былъ еще въ силѣ. Такъ родственникъ Данилова, данковскій воевода Крюковъ, посылалъ сына и автора записокъ славить Христа по уѣзду. Возвращались они съ подводами припасовъ, получали и деньги. (*Даниловъ*: *Записки*, 30, 45). Въ 1759 году въ Москвѣ казненъ разбойникъ, князь Лихутьевъ (Ibid. 57).

64) См. *Русская Старина*, 1874, сентябрь и октябрь, *Наталья Ѳедоровна Лопухина.*

65) Въ Петербургѣ была учреждена при Елизаветѣ «строгая коммиссія о живущихъ безбрачно». Произошелъ разгромъ тайнаго публичнаго дома иностранки, извѣстной подъ именемъ Дрезденши. Коммиссія обвѣнчала профессора астрономіи Попова и ассесора мануфактуръ-коллегіи Ладыгина съ обольщенными ими дѣвушками. (*Даниловъ*: *Записки*, 65—67). Весьма характерно для времени обращеніе къ императрицѣ жены лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка прапорщика Ватазина. Она бьетъ челомъ Елизаветѣ Петровнѣ о чинѣ коллежскаго ассесора для своего мужа, товарища Костромскаго воеводы. «Умились, матушка,—пишетъ Ватазина,—прикажи указомъ. А я подведу вашему императорскому величеству лучшихъ собакъ четыре: Еполитъ да Жульку, Женету, Маркиза. Ей Богу, безъ милости не поѣду». Въ письмѣ къ Маврѣ Егоровнѣ Шуваловой Ватазина повторяетъ просьбу и обѣщаетъ прислать Жулію. «Еще же, милости-

вая государыня матушка, мужъ мой пишетъ ко мнѣ: досталъ такого славнаго кобеля, котораго по всей Костромѣ лучше нѣтъ, и тѣмъ вамъ услужу». Почтенная супруга помощника Костромскаго воеводы кончаетъ письмо такою угрозою: «А ежели вы, государыня матушка, милости не покажете, то пріѣхавши въ Кострому всѣхъ собакъ переведу и держать ихъ у себя не буду, коли онѣ, проклятыя, бещасны». (*Русскій Архивъ*, 1867, 189—191).

[66]) См. *Архивъ Князя Воронцова* IV, 251, 287, 294, 317, 353 и др. Указомъ императрицы послу графу А. Г. Головкину предписывается купить мартышку, слухи о которой дошли до дворца. (*Р. Ст.*, 1871, XI, 587). По смерти барона Ивана Черкасова нашли (1752 годъ) невскрытыми 570 пакетовъ съ бумагами, которыя присылались ему, какъ кабинетъ-секретарю, изъ сената. (*Русскій Архивъ*, 1865, 437).

[67]) *А. Барсуковъ*: *Жизнеописаніе князя Г. Г. Орлова* (*Русскій Архивъ*, 1873, кн. I.). Ср. характеристику Елизаветы у г. Васильчикова (*Семейство Разумовскихъ*, *Осмнадцатый вѣкъ*, кн. II). Въ статьѣ Шефера (въ *Historische Zeitschrift*, 1876, IV. Heft), переведенной въ *Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. Р.*, 1877, кн. II., и составленной по донесеніямъ графа Мерси Аржанто, также говорится о печальномъ состояніи двора. «Здѣшнее дворянство, обѣднѣвшее вслѣдствіе непомѣрной роскоши (слова Мерси Аржанто) и вообще обремененное неоплатными долгами, по необходимости должно изыскивать всякія средства чтобы помочь себѣ, главнымъ же образомъ прибѣгать къ насильственнымъ вымогательствамъ и противозаконнымъ притѣсненіямъ остальныхъ подданныхъ и торговыхъ людей».

Къ главѣ четвертой.

[1]) *Градовскій*: *Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія и генералъ-прокуроры*, 283.

[2]) *Кобеко*: *Цесаревичъ Павелъ Петровичъ*, 145, 146. Извѣстно крайнее пристрастіе императрицы къ лести (*Кобеко*, 146—147). Потемкинъ говорилъ Мальмсбюри: «Льстите, какъ можно больше, и не бойтесь въ этомъ пересолить».

[3]) Она не была напечатана. Г. Гротъ относитъ эту оду къ 1767 году.

[4]) *Сб. Р. Ист. Общ.*, VII, 115—119.

[5]) *Энгельгардтъ*: *Записки*, 10—11. «Въ придворной церкви у обѣдни, говоритъ Энгельгардтъ, сколько молодыхъ людей вытягивались, кто сколько-нибудь собою былъ недуренъ, помышляя сдѣлать такъ легко свою фортуну (свидѣтельство относится къ 1785 году). Частая перемѣна фаворитовъ каждаго льстила, видя, что не всѣ они были геніи, почти всѣ изъ мелкаго дворянства и неполучившіе тщательнаго воспитанія» (54).

[6]) *Н. Григоровичъ*: *Канцлеръ князь Безбородко* (*Русскій Архивъ* 1877, кн. I 36) *Письма Ростопчина къ С. Р. Воронцову* (*Р. Арх.* 1876, IX, 68 — 69); *А. Барсуковъ*: *князь Г. Г. Орловъ* (*Р. Арх.*, 1873, II).

[7]) *Дубровинъ*: *Пугачевъ и его сообщники*, I, 333; *Русскій Архивъ*, 1879, V, 45—47. Г. Дубровинъ считаетъ, что Орловы получили 70 милліоновъ на наши

деньги. См. г. *Куломзина*: *Государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II* (*Сб. Ист. Общ.*, V и VI), *Записки Грибовскаго*, изданіе второе, 5.

[8]) *Лордъ Мальмсбюри о Россіи въ царствованіе Екатерины II.* (*Русскій Архивъ*, 1874, депеша отъ 5 января 1778 года).

[9]) *Chantreau*: *Voyage philosophique, politique et littéraire*, etc. Paris, 1794. T. I, 41.

[10]) *Brückner*: *Katharina die Zweite*, 575. «Solche Dinge machen einen wüsten, peinlichen Eindruck. Ein derartiger Luxus erinnert an die Extravaganzen römischen Cäsarenthums» (576).

[11]) *Русскій Архивъ*, 1876, X, 162.

[12]) *Рибопьеръ*: *Записки* (*Р. Арх.* 1877, кн. I, 475, 476). Графъ Рибопьеръ былъ довольно страннаго мнѣнія о тонкости обращенія. Онъ восхваляетъ до небесъ вѣнское общество конца XVIII вѣка и самъ же приводитъ слѣдующій характерный случай. Графиня Rombescq, рожденная гр. Кобенцель, выучила по русски и произносила за столомъ такія выраженія, что гигантъ-гайдукъ, служившій у Рибопьера, ушелъ изъ комнаты и потомъ объяснялъ: «Помилуйте, старая халда ругается: совѣстно стало» (ibid., 489—490).

[13]) *Записки князя Ѳ. Н. Голицына* (*Р. Арх.* 1874, 1276).

[14]) *Сб. Ист. Общества*, XII, 322—323. Шерлей отмѣтилъ большое значеніе двора: человѣкъ, уѣзжавшій оттуда, терялъ значеніе. «Къ сожалѣнію, — прибавляетъ онъ, — я долженъ сказать, что русскіе до сихъ поръ не заявили способности искренно и лично привязываться къ тѣмъ, кто съ отличіемъ служилъ государству. Всѣ они самымъ низкимъ образомъ слѣдуютъ за любимцемъ, кто бы онъ ни былъ, и покидаютъ его съ той минуты, какъ участь его измѣняется» (ibid., 338).

[15]) Ibid., 248—249.

[16]) Графъ Сегюръ (*Записки*, 19) говоритъ иное: «Императрица не была ни слаба, ни недовѣрчива, и всякій въ ея царствованіе безопасно пользовался своимъ положеніемъ и саномъ, а потому для интригъ не было цѣли и мѣста при ея дворѣ». Сегюръ приводитъ любопытный отзывъ императора Іосифа: «Я вижу болѣе блеска, чѣмъ дѣла. Потемкинъ дѣятеленъ, но онъ болѣе способенъ начать великое предпріятіе, чѣмъ привести его къ окончанію. Впрочемъ, все возможно, если расточать деньги и не жалѣть людей» (ibid., 201).

[17]) *Дневникъ А. В. Храповицкаго*, 1874. Съ статьею Н. Барсукова.

[18]) *Осмнадцатый вѣкъ*, I, письмо № 74.

[19]) *Записки Позье*, *Русская Старина*, 1870, I, 115. Этого Позье Петръ III, бравшій у него взаймы деньги при Елизаветѣ, назначилъ своимъ ювелиромъ, съ чиномъ бригадира, чтобы Позье могъ всегда входить въ покои императора.

[20]) *Записки Гарновскаго* (*Русская Старина*, 1876, 30). Онъ сообщаетъ любопытный фактъ: Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, по предположенію придворныхъ, удалялся отъ двора. «Нѣкоторые признавали къ престолу приближеннымъ Милорадовича, а другіе Миклашевскаго». Суденковъ, имѣвшій тяжбу съ послѣднимъ, крайне было пріунылъ; но слухи не оправдались.

[21]) *Энгельгардтъ*: *Записки*, 108.

[22]) *Р. Архивъ*, 1875, X, 253 — 254. Императрица говоритъ далѣе: J'aime à vous faire plaisir, je n'aime pas non plus à vous refuser, mais je voudrais que pour une place pareille tout le monde dise: Voilà un bon choix et non

pas un miséralle choix d'un homme qui n'a pas l'idée de ce à quoi on veut l'employer».

[23]) *Русскій Архивъ*, 1864, III, 313. Вотъ фактъ, также характерный. Солдатъ жаловался императрицѣ, отъ полка, на злоупотребленія полковника. Графу З. Г. Чернышеву поручено разобрать дѣло, а солдата подержать у себя. Но у полковника были большія связи, и Чернышевъ отправилъ солдата «не въ ближнее мѣсто». Императрица свѣдала про это и спросила о дѣлѣ и о солдатѣ. Чернышевъ имѣлъ безстыдство отвѣтить: «Живетъ у меня; къ обѣду ему три блюда и къ ужину три, чарка вина, пива бутылка». Императрица вспылила: «Imposteur! меня спроси, гдѣ онъ» (*Воспоминанія Лубяновскаго*, *Р. Архивъ*, 1872, 3—4).

[24]) *Грибовскій*, 13.

[25]) *Р. Архивъ*, 1878, II, 1.

[26]) *Masson*: Mémoires secrets sur la Russie (изданіе 1863 года), 402—403.

[27]) *Р. Архивъ*, 1876, I, 112, IV, 412.

[28]) *Записки барона Димсделя о пребываніи его въ Россіи* (*Сб. Р. Ист. Общества*, II, 322).

[29]) *Записки Винскаго* (*Р. Архивъ*, 1877, I, 85).

[30]) *Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описаныя самимъ имъ для своихъ потомковъ*, I, 147.

[31]) Ibid., 654. Про это собраніе депутатовъ писалъ Ширлей 11 августа н. с. 1767 года: «Her Imperial Majesty arrived here from Kolomenskoi last saturday and to day, *a day that ought to be for ever sacred to Russia*, she went in great ceremony to hear the Divine service at the cathedral church where the States of the Empire were assembled», etc. Конуэ благодарилъ Ширлея за свѣдѣнія объ екатерининской коммиссіи, восхвалялъ императрицу и прибавилъ: «но я не знаю примѣра тому, чтобы самодержавный монархъ отказался отъ власти въ пользу своего народа» (*Сб. Ист. Общества*, XII, 304, 305, 316).

[32]) *Дворянство въ Россіи*, 442.

[33]) *Сб. Ист. Общ.*, VIII, 545.

[34]) Ibid., IV, 206. Императрица Екатерина не скрывала своихъ аристократическихъ симпатій. Еще въ молодости, при Елизаветѣ Петровнѣ, она считала необходимымъ поддерживать древніе роды пенсіями, майоратами, и т. п. (*Сб. Ист. Общ.*, VII, 83, 84). Отношеніе ея къ народу видно изъ письма къ Гримму, отъ 30 января 1775 года. «Городъ этотъ (Москва), какъ фениксъ, возраждается изъ пепла; народонаселеніе значительно уменьшилось вслѣдствіе чумы, которая похитила болѣе ста тысячъ человѣкъ. Но что объ этомъ толковать! Вы желаете имѣть планъ дома, гдѣ я живу», и. т. д. (*Р. Арх.*, 1878, IX).

[35]) *Сб. Ист. Общ.*, VIII., 557, 561; IV, 302—303, 375—377, 379, VIII., 533.

[36]) *Пугачевъ и его сообщники*, I, 304—305, 309—310.

[37]) *Сб. Ист. Общ.*, VII, 343.

[38]) *Соловьевъ*, XXV, 266.

[39]) *Болотовъ*, I, 726—728.

[40]) *Архивъ*, 1875, XI, 397—398. Отмѣтка на этомъ дѣлѣ: «приказать изволила, чтобы постараться перемѣстить сіи чины въ другія мѣста».

[41]) *Р. Архивъ*, 1876, V, 28. Характеристическій случай разсказываетъ г. Трефолевъ: рыбинскій села Горокъ помѣщикъ Бакунинъ билъ и забивалъ до смерти мущинъ и женщинъ. Въ 1778 году онъ оправдывался передъ судомъ «меланхоли-

ческимъ безпамятствомъ». Сосѣди-дворяне и мѣстный священникъ показали подъ присягой, что неоднократно видали Бакунина въ такихъ припадкахъ; но наблюденіе въ Ярославскомъ городническомъ управленіи не подтвердило этого показанія. Бакунина все таки посадили въ сумасшедшій домъ (*Р. Архивъ*, 1876, XI).

[42]) *Р. Архивъ*, 1872, V.

[43]) *Р. Архивъ*, 1876, XII, 409—410.

[44]) *Casanova: Mémoires*, éd. 1860, VI, 89—90.

[45]) *Соловьевъ*, XXIX, 136. Въ спискѣ много женщинъ. Массонъ говоритъ, что не онъ первый замѣтилъ въ Россіи бóльшую жестокость женщинъ сравнительно съ мущинами, и объясняетъ это явленіе тѣмъ, что женщины были еще болѣе необразованы и суевѣрны, чѣмъ мущины. (*Mémoires*, 201).

[46]) *Семевскій: Крестьяне въ царствованіе Екатерины II.*, 189; ср. 129, 132—134, 166, 244.

[47]) *Воспоминанія Лубяновскаго*, *Р. Арх.*, 1872, III—IV.

[48]) См. *Иконниковъ: Арсеній Мацѣевичъ* (*Р. Старина*, 1879, IV—VII.) Самъ Арсеній до смерти запыталъ ярославскаго игумена Трифона, которому было 85 лѣтъ (ibid, V, 6). Синодъ постановилъ: впредь пытать бережно. (*Проф. Барсовъ: Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ и дѣло объ отобраніи церковныхъ имѣній въ 1762—1763 г.* (*Р. Старина*, 1876, IV). Г. Барсовъ говоритъ, что Екатерина увлеклась въ дѣлѣ Арсенія «чувствами своего философскаго либерализма для того, чтобы нанести ударъ тому, что составляло одну изъ самыхъ законныхъ симпатій ея народа» (ibid, 736). Философскій либерализмъ, замѣтимъ мы, несовмѣстимъ съ пытками и тяжкимъ заточеніемъ, несовмѣстимъ ни съ какимъ насиліемъ и жестокостью.

[49]) *Сб. Ист. Общ.*, VII, 269—270.

[50]) Такъ Платонъ, будучи еще архіепископомъ, энергично вступился за пономаря, высѣченнаго управителемъ въ селѣ Петровскомъ-Разумовскомъ, Эльбигомъ, и добился того, что послѣдній принесъ повинную. (*Р. Арх.*, 1878, I., 28—30).

[51]) *Опатовичъ: Смоленское кладбище въ С.-Петербургѣ* (*Русская Старина*, 1873, VIII, 188—189).

[52]) *Добрынинъ: Записки* (*Р. Старина*, 1871).

[53]) *Р. Старина*, 1870, I, 413—414.

[54]) См., напримѣръ, *Соловьевъ*, XXVI, 149—150 (дѣло архимандрита Іуста и монаховъ Пыскорскаго (Пермскаго) монастыря.

[55]) Письма митрополита Платона въ *Р. Архивѣ*, 1864 г., стр. 1172—1175.

[56]) *В. И. Семевскій: Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка* (*Р. Старина*, 1877, VIII).

[57]) *Дубровинъ*, назв. соч. I, 362.

[58]) Ср. *Де-Пуле: Крестьянское движеніе при Павлѣ* (*Русскій Архивъ*, 1869, III, 538).

[59]) *Сб. Ист. Общ.*, VI, 140. Сѣвскій епископъ Кириллъ, о которомъ говоритъ Добрынинъ въ своихъ запискахъ, по вступленіи на каѳедру предписалъ священникамъ епархіи, «чтобы они въ церковь входили въ штанахъ и сапогахъ чистыхъ неотмѣнно и подъ опасеніемъ за неисполненіе неупустительнаго штрафа». (*Русская Старина*, 1876, VIII, 710). Дѣло происходило въ 1768 г.

[60]) *Историческій Вѣстникъ*, 1882, X.

61) *Осмнадцатый вѣкъ*, I, письмо, 161.

62) *Соловьевъ*, XXV, 272.

63) *Соловьевъ*, XXIX, 118.

64) *Сб. Ист. Общ.*, XIII, 396.

65) *Русская Старина,* 1872, I. Въ другомъ мѣстѣ (*О поврежденіи нравовъ въ Россіи*) Щербатовъ говорилъ: «Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное его мѣсто лестью и самствомъ наполнялось». Ешевскій (*О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Атеней*, № III) замѣчаетъ, что на достовѣрность фактическихъ указаній Щербатова можно положиться. Погодинъ говоритъ: «Трудно намъ потомкамъ такъ прославленныхъ предковъ, трудно объяснить, какимъ образомъ люди, извѣстные по своимъ неподдѣльнымъ талантамъ, слывшіе геніальными, прямѣе массы смотрѣвшіе на вещи и лучше ея уразумѣвшіе зерно правды,—такъ привязывались къ скорлупѣ, къ наружности, что подъ часъ для этой послѣдней забывали первую». (*Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ, очеркъ изъ исторіи русскаго образованія въ половинѣ XVIII вѣка*, *Русская Бесѣда*, 1860, I).

66) *Р. Архивъ*, 1876, IV, 399.

67) *Р. Старина*, 1876, IX, 50; XII, 707; VIII, 603. Ср. *Ѳ. М. Дмитріевъ*: *Сперанскій и его дѣятельность* (*Р. Архивъ*, 1868, 1541—1542); *Гречъ*: *Записки* (*Р. Архивъ*, 1873, III, 334).

68) Это написано въ 1765 году (*Сб. Ист. Общ.*, X, 56—57). Въ *Разныхъ замѣчаніяхъ по службѣ армейской* генералъ-поручика Ржевскаго, относящихся къ 1782 году, мы читаемъ: «обиды въ произвожденіяхъ честнымъ и заслуженнымъ офицерамъ, чинимыя для фаворитовъ или пронырливыхъ и проворныхъ тунеядцевъ, отняли всю охоту къ службѣ и погашаютъ все патріотство». (*Р. Архивъ*, 1879, III, 358).

69) *Кобеко*: *Цесаревичъ Павелъ Петровичъ*, 344—345.

Къ главѣ пятой.

1) *Хмыровъ*: *Царь Алексѣй Михайловичъ (Др. и Н. Россія*, 1875, X.).

2) Замѣчательно, что за убійство матерью незаконныхъ дѣтей *Уложеніе* назначаетъ смертную казнь (Гл. 22, ст. 26).

3) *С. Шпилевскій*: *О благоустройствѣ по уложенію и современнымъ ему памятникамъ (Временникъ общ. исторіи и др. р.*, книга 24, стр. 84).

4) П. С. З., I; указъ 13 сентября 1664 г.

5) П. С. З., III, указъ 23 декабря 1689 г.

6) П. С. З., I; грамота во Владиміръ, 25 октября 1650 г.

7) П. С. З., I; патріаршій указъ 16 августа 1655 г.

8) П. С. З., I. Указъ объявленъ стрѣлецкому приказу.

9) П. С. З., III; 26 декабря 1697 г.

10) П. С. З., IV. Указъ 30 декабря 1701 г.

11) *Подлымъ* не позволялось даже бань строить (П. С. З., IV; указъ 2 марта 1720 г.).

12) Сходное воззрѣніе въ новѣйшее время защищали нѣкоторые изъ нашихъ такъ называемыхъ славянофиловъ.

13) П. С. З., VII; указъ 30 января 1727 г.

14) П. С. З., XI.

15) Idem.

16) П. С. З., IV; 16 апрѣля 1702 г. Указомъ 6 декабря 1714 г. было однако предписано Сибирскому митрополиту Өеодору *уничтожать* кумировъ и кумирницы у Сибирскихъ инородцевъ.

17) См., напримѣръ, П. С. З., V; 8 февраля 1716, 17 февраля и 16 марта 1718, и др. Подтвержденіе ихъ встрѣчаемъ въ указахъ 16 апр. 1737, 14 авг. 1740 г., и т. д.

18) П. С З., VI; синодскій указъ 23 іюня 1721 г.

19) П. С. З., II.

20) П. С, З., IV.

21) П. С. З., V; 18 августа 1718 г. Подтвержденіе запрещенія монахамъ имѣть бумагу и чернила—П. С. З., VII; 19 января 1723 г.

22) П. С. З., VII; 15 янв. 1725.

23) П. С. З., VII; 14 октября 1725.

24) П. С. З., VII; 5 сент. 1723.

25) Подтвержено 5 апрѣля 1739 г.

26) П. С. З., VIII; 14 января 1730.

27) П. С. З., IX; 24 марта 1734.

28) П. С. З., V; 27 ноября 1717.

29) П. С. З., VII; 25 іюня 1723.

30) П. С. З., XI; 11 марта 1741.

31) П. С. З., XI; 16 декабря 1743.

32) Ibid., 28 апрѣля 1743.

33) П. С. З , XII; 22 іюня 1744 г

34) *Русская Старина*, 1871, IV; 530 - 531.

35) Русская Старина, 1872; XI.

36) П. С. З., томъ XVI.

37) Ibid., указъ 15 іюля 1762.

38) П. С. З., XVI; указъ 12 августа 1762.

39) Ibid., 29 ноября 1762 г.

40) П. С. З., XVI; 12 ноября 1764; XVII; 12 октября 1765.

41) П. С З., XVI; 12 октября 1765. По этому поводу были изданы: указъ Петра I, 16 августа 1724 (П. С. З., VII), указъ 6 апрѣля 1744 года, отмѣнявшій запрещеніе синода носить св. иконы въ дома, и др. Послѣдній былъ вызванъ общественнымъ негодованіемъ на мѣру, принятую синодомъ.

42) П. С. З., VI; 20 марта 1721 г., XII; 10 мая 1744, ibid., 18 октября 1744 года.

43) П. С. З., XVIII; 30 августа 1769 года.

44) П. С. З., XIX; 30 мая 1771 г.

45) П. С. З., XIX; 17 іюня 1773 года.

46) П. С. З., XXIII; 19 іюня 1796.

47) П. С. З., VIII; указъ 22 марта 1732.

48) П. С. З., X; наказъ о развратныхъ въ вѣрѣ.

49) П. С. З., X; указъ 3 іюля 1738 и 10 января 1739 г.

[50]) П. С. З., V; 7 мая 1715 г.

[51]) П. С. З., VI; 17 апрѣля 1721.

[52]) П. С. З , X; 26 ноября 1739.

[53]) П. С. З., IX; 12 іюня 1735.

[54]) П. С. З., XVI.

[55]) П. С. З., XVII; 10 февраля 1766 г.

[56]) П. С. З., XIX, 19 декабря 1774 года.

[57]) П. С. З., I; именной указъ 11 мая 1663.

[58]) Сборникъ имп. русск. истор. общества, т. XXXIX; 342.

[59]) П. С. З., VII; 15 января 1724 г.

[60]) П. С. З., IX; 22 іюня 1735 г.

[61]) П. С. З., 19 февраля 1689 г. Вмѣсто этого наказанія введено было отсѣченіе головы.

[62]) П. С. З. VI; 15 апрѣля 1721.

[63]) П. С. З , XI; 30 іюня 1740.

[64]) П. С. З., XI 23 августа 1742. Вопросъ вновь поднимается при Екатеринѣ II. (*Соловьевъ*, XXVI, 129—130): устанавливаются возрасты: 1) до 10 лѣтъ (отдавать для наказанія родителямъ *или помѣщикамъ*), 2) съ 10 до 15 лѣтъ (розги), 3) съ 15 до 17 (плети); до 17 лѣтъ пытокъ не производить.

[65]) Какъ извѣстно, онѣ существовали подъ разными названіями.

[66]) П. С. З , XVII; 11 сентября 1766 г.

[67]) Во французскомъ текстѣ сказано: «Contraire à ce qui est établi».

[68]) Соотвѣтствующаго слова нѣтъ во французскомъ текстѣ.

[69]) П. С. З., XVIII; 28 февраля 1768 г.

[70]) П. С. З., XVIII; 8 апрѣля 1768.

[71]) П. С. З., XXI; 8 апрѣля 1782 года.

[72]) П. С. З., XVIII; 11 августа 1767 г.

[73]) П. С. З., I; 22 января 1669 года.

[74]) П. С. З., II; 29 мая 1685 г.

[75]) П. С. З., IV; 4 нобря 1714 г.

[76]) 11 февраля 1720 г. (П. С. З.; VI). Эти указы о незаконорожденныхъ подтверждаются.

[77]) П. С. З., VIII; 11 декабря 1730 г.

[78]) П. С. З., XII; 18 октября 1744 г.

[79]) П. С. З., XII; П. С. З., XIII; 1 августа 1750 г.

[80]) 30 марта 1764 г. было отмѣнено въ прибалтійскихъ губерніяхъ публичное тѣлесное наказаніе въ церкви за прелюбодѣяніе. Основаніемъ отмѣны послужило то, что женщины отъ стыда рѣшались убивать незаконнорожденныхъ дѣтей (П. С. З., XVI). Ср. П. С. З., IX; указъ 1736 г., вводившій, наоборотъ, розги за прелюбодѣяніе.

[81]) Синодскій указъ 5 августа 1775 г. (П. С. З., XX) возстаетъ противъ часто совершавшихся браковъ малолѣтнихъ, а также дѣтей безъ согласія родителей, рабовъ безъ воли господъ. Синодскій же указъ 31 іюля 1779 г. (П. С. З., ibid.) вновь подтверждаетъ запрещеніе вѣнчать малолѣтнихъ. Запрещеніе опять повторяется 10 декабря 1781 г. (П. С. З., XXI).

[82]) Ср. объявленія отъ опекунскаго совѣта *о несчастныхъ и звѣрски—отверженныхъ младенцахъ*. П. С. З., XIX; 21 декабря 1772 г., манифестъ объ учрежденіи Воспитательнаго дома въ Москвѣ, П. С. З., XVI; 1 сентября 1763 г.

83) П. С. З., XXII; 2 марта 1784 г. Ср. *Загоровскій*: О разводѣ по русскому праву, 1884 г., 294

84) П. С. З., XI; 21 декабря 1743 г., XV; 31 августа 1760 г. *Уставъ благочинія*, 1782 г., ст. 220, и др.

85) П. С. З., XVI; 30 іюля 1764 г.

86) См. указъ 4 іюня 1719 г., П. С. З., V.

87) П. С. З., I; 5 іюня 1655 г.

88) П. С. З., II; 31 января 1685 г. Этотъ *вичъ* долго занималъ наше законодательство. 22 декабря 1765 г. указано, что при жалованныхъ грамотахъ писать или не писать *вичъ* зависитъ отъ усмотрѣнія ея величества. Ср. указъ 10 января 1774, П. С. З., XIX (грамоты Н. П. Панину, З. Г. Чернышеву, Г. Г. и А. Г. Орловымъ писать съ *вичемъ*).

89) П. С. З., II; 3 іюля 1681 г.

90) П. С. З., IV; 7 іюня 1700 г.

91) Петръ Великій требовалъ писать въ челобитныхъ «прямое дѣло, а лишняго и посторонняго ничего не писать». (П. С. З., IV; именной указъ 19 іюля 1700 г.).

92) П. С. З., XVI; 26 іюля 1763 г.

93) П. С. З., *ibid.*, 16 марта 1764 г.

94) П. С. З., XVIII; 31 октября 1767 г.

95) П. С. З., IX; 2 іюня 1733 г.

96) П. С. З., XV; 16 іюня 1761 г. Запрещается игра и въ указахъ 26 іюня того же года, 21 іюля 1763 г., 14 октября 1764 г.

97) П. С. З., XIX; 13 октября 1771 г.

98) П. С. З.; II; 26 февраля 1684 г., *ibid*, 20 октября того же года.

99) П. С. З.; III; 22 ноября 1698 г.

100) П. С. З., IV; 14 января 1702 г.

101) П. С. З., VII; 11 января 1721 г., XV; 26 іюня 1761 г., и др. XIX, 3 августа 1792, и др.

102) П. С. З., IX; 5 марта 1735 г.

103) П. С. З., IX; 6 мая 1736 г.

104) П. С. З., XI; 11 іюня 1743 г.

105) П. С. З., XXI; 12 іюля 1783 г.

106) П. С. З., XXIII; 9 ноября 1790, *ibid*, 18 марта 1792 г.

107) П. С. З., XXIII; 5 іюня 1791 г. Кн. Прозоровскій писалъ, что изъ этого выйдетъ одно забавленіе, «особливо же купечество и средній родъ людей таковымъ позорищемъ довольны будутъ». (31 мая 1792 г., *Арх. госуд. совѣта*, т. I, ч. 7).

108) Именнымъ указомъ 6 августа 1675 г. запрещено было носить платье и стричь волосы по иноземному. Князя Мосальскаго за то, что онъ подстригъ волосы на головѣ, записали изъ стряпчихъ по стрѣлецкому списку.

109) Объ обязательномъ ношеніи иностраннаго платья и бритьѣ бородъ и усовъ см. указы, 4 января 1700, 29 декабря 1714 г., 1 сентября 1715 г., 16 января 1705 г., 28 іюня 1723 и многіе другіе. Въ послѣдствіи петровскія распоряженія подтверждались (см. указъ 4 августа 1726 г., 19 февраля 1743 г.). Напомнимъ, что русское платье оставлено было крестьянамъ; сибирскимъ жителямъ дозволено носить одежду (и употреблять сѣдла) по желанію; уцѣлѣли и не подвергались оплатѣ бороды духовенства и крестьянъ. Для желавшихъ

сохранить бороду цѣною штрафа (50 рублей въ годъ) Петръ придумалъ особый костюмъ: «Зипунъ съ стоячимъ клееннымъ козыремъ, ферези и однорядку съ лежачимъ ожерельемъ (П. С. З., VI; 6 апрѣля 1722 г.).

110) П. С. З., III; 28 октября 1697 г.

111) П. С. З., II; 28 декабря 1681 г.

112) П. С. З., томъ XI.

113) П. С. З., XI; 11 марта 1742 г.

114) П. С. З., XI; 2 декабря 1743 г.

115) П. С. З., XII; 15 мая.

116) Ibid, 1 сентября 1746 г.

117) Было запрещено носить покойниковъ мимо дворца (П. С. З., XIV; 6 ноября 1775 г.). Такой же указъ былъ изданъ и 10 апрѣля 1740 г.

118) П. С. З., XXII; 24 апрѣля 1788 года.

119) П. С. З., XXV; 25 января 1798 года.

120) Русская Старина, 1870 г., II; 515—522.

121) П. С. З., I, 29 декабря 1655 г.

122) П. С. З., V; 23 октября 1713 г. За доносъ о корчемствѣ, по указу 15 сентября 1705 г., извѣтчикамъ назначалась ¼ часть. Запрещаетъ взятки и посулы и указъ 24 дек. 1714 г., «понеже многія лихоимства умножились». Указъ грозитъ тѣлесными наказаніями, конфискаціей имущества, шельмованіемъ смертною казнью.

123) П. С. З., V; 29 мая 1713 года.

124) П. С. З., VI; 22 іюня 1720 года.

125) П. С. З., VII; 24 января 1725 года.

126) П. С. З., XI; 13 марта 1740.

127) Противъ подобныхъ же злоупотребленій направлены указы 21 мая и 3 іюля 1742 года.

128) Указъ сенату, 16 августа 1760 (П. С. З., XV).

129) П. С. З., XVI; 18 іюля 1762 года. Ср. указъ 15 декабря 1763 года.

130) П. С. З., XVII; 11 ноября 1766 г.

131) 25 сентября 1702 г. (присылать съ *словомъ и дѣломъ* въ Преображенскій приказъ, къ Петру Юрьевичу Ромодановскому); 16 февраля 1721 (присылать туда же и потому же поводу колодниковъ); 18 апрѣля 1722 (синодскій, чтобъ пресѣчь въ монахахъ дерзость говорить *слово и дѣло* по маловажнымъ дѣламъ) и др.

132) П. С. З., XVI; 19 октября 1762 г.

133) П. С. З., V; 25 января 1715 г.

134) Подмѣтныя письма часто имѣли въ виду поднять на смѣхъ полицію, заставляя ее по долгу и понапрасну ждать въ указанныхъ мѣстахъ подозрительныхъ людей, и т. п. Указъ 9 ноября 1724 года предписываетъ всѣмъ распечатывать письма незнакомыхъ людей, въ присутствіи принесшаго ихъ.

135) П. С. З., VII; 24 февраля 1726 года, VIII; 27 марта 1728 г.

136) П. С. З., VIII; 16 апрѣля 1730 г.

137) П. С. З., IX; 15 февраля 1733 года

138) П. С. З., XI; 25 іюня 1742 года.

139) См. указъ 23 декабря 1713 года.

140) П. С. З., XV; 22 февраля 1762 г.

141) П. С. З., XVI; 8 іюня 1764 г.

142) П. С. З., XIX; 11 января 1774 г.

Къ главѣ шестой.

[1]) Но денегъ на просвѣщеніе разума тратилось мало. Въ рукописяхъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (*Портфель № 18 Миллера*) находятся свѣдѣнія о расходахъ на московскій университетъ въ 1760 г. (*Liste der Universität zu Moskau*): они равнялись 29,099 р. 37 к. Нужно прибавить, что университетъ былъ въ то время и среднимъ учебнымъ заведеніемъ (студентовъ и учениковъ считалось 500 человѣкъ, при этомъ три студента и семь учениковъ были при театрѣ). Грибовскій (стр. 95) сообщаетъ о предубѣжденіи Екатерины II противъ московскаго университета и объ отказѣ Шувалову въ деньгахъ на университетъ.

[2]) *А. Н. Пыпинъ*: Русская наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ (*Вѣстникъ Европы*, 1884, VII).

[3]) *Незеленовъ*: Литературныя направленія въ екатерининскую эпоху (*Историческій Вѣстникъ*, 1884, VII).

[4]) *Русская Старина*, 1871, іюнь, 725—726.

[5]) *Г. Шугуровъ*: Радищевъ и его книга (*Русскій Архивъ*, 1872, V).

[6]) *Б. Гнв.*: рецензія на названное сочиненіе г. Незеленова, въ *Древней и Новой Россіи*, 1875, XI.

[7]) *Сборникъ Ист. Общества*, II, 103, 104. Бантышъ-Каменскій пишетъ Куракину, что Новикова и его друзей обвиняютъ въ перепискѣ съ Якобинцами, и прибавляетъ: «Если такъ, скажите же теперь по совѣсти, не черные ли суть сіи люди»? (*Р. Архивъ*, 1876, XI, 273). Ср. отзывъ Ростопчина о Новиковѣ (*Русскій Архивъ*, 1875, IX, 75).

[8]) *Незеленовъ*: *Николай Ивановичъ Новиковъ*, 5, 6.

[9]) О значеніи нашей повременной печати и литературы вообще въ екатерининское время см. *Незеленовъ*, назв. сочиненіе, предисловіе, 159, 167, 168—170 и многія другія страницы. Изданія Новикова имѣли, какъ извѣстно, весьма значительный успѣхъ. Бѣлинскій говоритъ, что «въ царствованіе Екатерины литература существовала только при дворѣ; ею занимались потому, что государыня занималась ею. Плохо пришлось бы Державину, если бы ей не нравились его *Посланіе къ Фелицѣ* и *Вельможѣ*; плохо бы пришлось Фонъ-Визину, еслибъ она не смѣялась до слезъ надъ его *Бригадиромъ* и *Недорослемъ*: мало бы оказывалось уваженія къ пѣвцу *Бога* и *Водопада*, еслибъ онъ не былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ». (*Сочиненія*, I. 59) Сходный взглядъ высказываетъ Добролюбовъ (*Сочиненія, I, Собесѣдникъ Любителей Русскаго Слова*).

[10]) *Незеленовъ*: *Н. И. Новиковъ*, 67. «Большая часть государственныхъ людей этого вѣка, говоритъ одинъ изслѣдователь, были дѣловые эпикурейцы, лишенные всякой связи съ народомъ. Нѣсколько женскихъ царствованій развили въ нашемъ высшемъ обществѣ вкусъ къ блестящему и изящному, эксцентричность и склонность къ удовольствіямъ». Даже самые выдающіеся люди часто ни во что ставили народъ. (*Г. Уманецъ*: *Понятовскій и Рѣпнинъ*, *Др. и Н. Россія*, 1875, VIII).

[11]) *Незеленовъ*, 11—12, 16.

[12]) *Сб. Ист. Общ.*, VII, 347. Ср. *Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.*, 1858, I, 101—104. Императрица замѣчаетъ однако, что раболѣпство персонъ въ нижнихъ мѣстахъ неописанное, и что отъ этого страждетъ интересъ государства.

Въ началѣ царствованія свободомысліе Екатерины II выражалось очень опредѣленно. Такъ въ отвѣтѣ на замѣчаніе Сумарокова по поводу *Наказа*, будто «нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ»,— императрица справедливо замѣтила: «И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи». (*Сб. Ист. Общ.*, X, 85—86)

[13]) Вотъ одинъ изъ множества фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, до какой степени у насъ была необезпечена личность въ прошломъ вѣкѣ: «Нѣкоторая женщина Тардіе (переводъ изъ французской *Утрехтской газеты*) имѣла безстыдность подъ продерзостнѣйшими отговорками отказать въ новомодныхъ галантереяхъ, которыхъ у ней съ стороны императрицы требовать присылано». Тардье была арестована, но затѣмъ «прощена» императрицей Елизаветой. (*Архивъ кн. Воронцова*, III, 653).

[14]) *К. Арсеньевъ: Царствованіе Екатерины I*, 14.

[15]) *Соловьевъ*, XVIII, 186. Служебная честь имѣетъ, какъ извѣстно, мало общаго съ гражданскимъ достоинствомъ. Петръ I грозилъ наказаніями не только тому, кто требовалъ при церемоніяхъ мѣста выше своего ранга, но и поступавшему наоборотъ: «Равной же штрафъ и тому слѣдуетъ, кто кому ниже своего рангу мѣсто уступитъ, что надлежитъ фискаламъ прилежно смотрѣть, дабы тѣмъ охоту подать къ службѣ и онымъ честь, а не нахаламъ и тунеядцамъ получать. Вышеписанной штрафъ какъ мужескому, такъ и женскому полу необходимо за преступленія надлежитъ». (*Пункты къ табели о рангахъ*, *Сб. Ист. Общ.*, XI, 414).

[16]) *Чтенія*, 1860, кн. III, 41—49. Какъ на отрадныя исключенія, слѣдуетъ указать на Рѣпнина, Еропкина и П. И. Панина, которые отказывались отъ даренныхъ имъ имѣній.

[17]) *Сочиненія*, I, 219.

[18]) *Г. Иловайскій: Графъ Яковъ Сиверсъ* (*Русскій Вѣстникъ*, 1865, I, 26). По мнѣнію г. Иловайскаго съ царствованія Екатерины II. происходитъ значительное, но внѣшнее улучшеніе: «Вообще Екатерина и лучшіе дѣятели ея царствованія впервые внесли въ нашу оффиціальную жизнь элементъ цивилизованныхъ формъ, смягчавшихъ прежнія, до крайности жесткія отношенія управлявшихъ къ управляемымъ» (ibid., 36). Улучшенная форма прикрывала однако ветхое содержаніе правительственной дѣятельности. Когда Сиверсъ обратилъ вниманіе Екатерины II на бѣдственное положеніе сельскаго духовенства и рекомендовалъ установленіе для него небольшаго жалованья и раздачу земельныхъ участковъ, то получилъ отъ императрицы немилостивый отвѣтъ. Между тѣмъ при существованіи крѣпостнаго права предлагавшіяся Сиверсомъ мѣры дѣйствительно могли освободить сельское духовенство отъ горькой бѣдности и унизительной зависимости отъ помѣщиковъ.

[19]) *Записки*, 115.

[20]) *И. В. Лопухинъ: Записки* (*Чтенія*, 1860, кн. II, 9—10). Шешковскій на допросѣ студента Невзорова заявилъ: «Государыня приказала тебя бить четвертнымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣчать». «Не вѣрю, сказалъ Невзоровъ, чтобъ это приказала государыня, которая написала *Наказъ коммиссіи о сочиненіи Уложенія*» (ibid., 51).

[21]) *Алекторовъ: Ист. Оренб. губерніи*, 32, 41.

[22]) *Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II* (*Русская Старина*, 1874, I).

[23]) *Masson*, 390—391.

[24]) *Осмнадцатый вѣкъ*, I.

[25]) Ibid., письмо семьдесятъ первое. Въ отвѣтъ на письмо императрицы отъ 7 декабря 1773 года, опять о томъ, чтобы «не болтали», Волхонскій пишетъ, кто онъ приказалъ «оберъ-полицеймейстеру употребить надежныхъ людей для подслушиванія разговоровъ публики въ публичныхъ соборищахъ, какъ то въ рядахъ, баняхъ и кабакахъ, что уже и исполняется; а между дворянствомъ также всякіе разговоры примѣчаются». Въ письмѣ къ Гримму, отъ 1 октября 1778 г., императрица писала: «Уже давно въ дѣйствіяхъ моихъ я не обращаю вниманія на двѣ вещи и не принимаю ихъ вовсе въ разсчетъ: во первыхъ людскую благодарность и во вторыхъ исторію». Въ письмѣ къ тому же лицу отъ 30 іюля 1779 года Екатерина подсмѣивается надъ синодомъ, членовъ котораго она заставила посѣщать италіанскую оперу: «Святѣйшій синодъ былъ на вчерашнемъ представленіи, и они хохотали до слезъ вмѣстѣ съ нами». Очень характерно слѣдующее выраженіе императрицы: «De l' argent, c'est tout... les rois même finissent par respecter ceux qui se sont enrichis» (*Сб. Ист. Об.* II, 411).

[26]) *Р. Архивъ*, 1878, VIII, 472.

[27]) Отмѣтимъ по этому случаю утѣшительный фактъ. Въ 1769 году, въ Ярославлѣ, была напечатана публикація, вызывавшая желающихъ стать заплечнымъ мастеромъ. Не оказалось ни одного желающаго. Принуждены были насильно взять палачомъ одного изъ посадскихъ людей. (*Р. Архивъ*, 1868, 1064—1068). Ср. П. С. З., II, боярскій приговоръ отъ 16 м. 1681.

[28]) *Русская Старина*, 1877, май.

[29]) *Сб. Ист. Общ.*, XIII, 298.

[30]) *Архивъ кн. Воронцова*, XII, 9, 48. Ср. 62.

[31]) *Гречъ*: *Записки* (*Р. Архивъ*, 1873, III, 289—290). Н. П. Панинъ писалъ къ С. Р. Воронцову, отъ котораго Павелъ потребовалъ отставки: «Si je croyais, mon cher comte, que vous eussiez besoin de consolations, je vous dirais, qu'il n'y a personne en Russie, dans toute la rigueur du terme, qui soit à l'abri es vexations et des injustices; que la tyrannie est à son comble et qu' il suffit, d'avoir un caractère noble pour donner de l'ombrage et s'exposer à des avanies». «Dans les affaires juridiques, on donne souvent l'ordre aux juges de faire gagner le procès à un tel, sans égard aux lois». (*Архивъ кн. Воронцова* XI, 112).

[32]) *Р. Старина*, 1870, 515—522: *Указы и распоряженія, состоявшіеся въ царствованіе Павла*. Ср. *Р. Старина*, 1871, IV, 530—531, V, 640, 1877, XI, XII.

[33]) *Карновичъ*: *Аббатъ Жоржель въ Россіи* (*Старая и Новая Россія*, 1878, XII).

[34]) *А. Н. Пыпинъ*: *Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I*, изд. 2, 51. Къ превосходной характеристикѣ, даваемой г. Пыпинымъ (стр. 50—60), прибавлять нечего.

[35]) Для примѣра укажу: *Р. Архивъ*, 1878, I, 30—34.

[36]) *Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ*, III, 764—765.

[37]) Ibid., 377, 474—477. А. И. Бибиковъ писалъ фонъ-Визину, 29 ноября 1744 года, изъ Казани: «Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее него-

дованіе; а Пугачевъ—чучела, которою воры яицкіе казаки играютъ». Въ томъ же письмѣ: «Я дьявольски трусилъ за своихъ солдатъ, чтобы они не сдѣлали также, какъ гарнизонные: не сложили оружія передъ мятежниками». (*Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова*, Москва, 1865, 76). Высшее дворянство относилось къ небогатымъ или захудалымъ дворянамъ съ крайнимъ высокомѣріемъ и наглостію. Въ московскомъ *Архивѣ Министерства Юстиціи* есть, напримѣръ, длинное дѣло (въ Судномъ Приказѣ) по жалобѣ, отъ 26 марта 1759 года, поручика Дмитрія Петрова Кузминскаго на гвардіи капитана-поручика графа Ѳедора Алексѣева Апраксина. Графъ псовою охотою потолочилъ озимый хлѣбъ у Кузминскаго. Тотъ пришелъ съ жалобою къ графу, въ его домъ на Знаменкѣ, Апраксинъ страшно разбранилъ Кузминскаго: «Ты де сукинъ сынъ дворянинишка смѣешь ли ему запрещать охотитца псовой охотой»; затѣмъ графъ позвалъ собакъ, которыя искусали жалобщика, разорвали у него парикъ и кафтанъ. Апраксинъ это отвергалъ. Кузминскій точно оцѣниваетъ разорванные кафтанъ и парикъ.

38) Г. *Языковъ*: «*Недоросль» на сценѣ и въ литературѣ* (*Ист. Вѣстникъ*, 1882, X).

39) *О. П. Левицкій*: *Семейныя отношенія въ Юго-Западной Руси въ XVI—XVII вв.* (*Р. Старина*, 1880, XI). Ср. *Всеподданнѣйшее прошеніе Воейковой*, 17 марта 1786 (*Арх. кн. Воронцова*, XXVI, 308—314); тамъ же (225—329 жалобу на графа Каховскаго.

40) *Абевега русскихъ суевѣрій*, etc. 46. Многое, вошедшее въ эту книгу, перепечатано въ другомъ сочиненіи прошлаго вѣка: *Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ при бракосочетаніяхъ*, etc., СПБ., 1797.

41) *Р. Архивъ*, 1878, I, 39.

42) *Сб. Ист. Общества*, IV, 169.

43) *Р. Старина*, 1871, XII, 683—684.

44) *Г. Есиповъ*: *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія*, II, 171—172.

45) *Ровинскій*: *Русскія народныя картинки*, V, 143, 263.

46) Ibid., 317 — 318. Ср *Н. Данилевскій*: *Россія и Европа*, 1871, 281 — 282. *Т. Кояловичъ* (*Исторія русскаго самосознанія*, 130) говоритъ: „Послѣ страшнаго разгрома русской интеллигенціи, систематически продолжавшагося 60 лѣтъ (со смерти царя Ѳеодора и до Елисаветы Петровны — 1682 — 1740) время Елисаветы и Екатерины II было по преимуществу интеллигентное“.

47) *Русская Старина*, 1885, декабрь, 480.

48) См., напримѣръ, записки Пишчевича (*Чтенія въ Общ. Ист. и др. Росс*. 1882, кн. II, 461).

49) Державинъ разсказываетъ слѣдующій случай (относится къ первымъ годамъ царствованія Екатерины II). Къ нему и къ жившему съ нимъ родственнику хаживала дочь приходскаго дьякона. Въ одинъ вечеръ, «когда она вышла изъ своего дома, отецъ или матерь, подозрѣвая ее быть въ гостяхъ у сосѣдей, упросили бутошниковъ, чтобъ ее подстерегли, когда отъ нихъ выдетъ. Люди ихъ и Блудова увидали, что бутошники позаугольно кого-то дожидаются; спросили ихъ; они отвѣчали грубо, то вышла брань, а потомъ драка; а какъ съ двора сбѣжалось людей болѣе, нежели подзорщиковъ было, то первые послѣднихъ и поколотили. Съ досады на таковую неудачу и чтобъ отмстить, залѣзли они въ крапиву на оградѣ церковной, чрезъ которую должна была проходить несчастная грація. Ее подхватили отецъ и мать, мучили плетью и, по науче-

нію полицейскихъ, велѣли ей сказать, что была у сержанта Державина. Довольно сего было для крючковъ, чтобы прицѣпиться. На другой день, когда онъ часу по полудни въ первомъ ѣхалъ изъ Вотчинной Коллегіи, гдѣ былъ по своимъ дѣламъ, въ каретѣ четвернею, и лишь приближался только къ своимъ воротамъ, то вдругъ ударили въ трещетки, окружили карету бутошники, схвативъ лошадей подъ уздцы, и не объявя ничего, повезли чрезъ всю Москву въ полицію. Тамъ посадили его съ прочими арестантами подъ караулъ. Въ такомъ положеніи провелъ онъ сутки. На другой день по утру ввели въ судейскую. Судьи зачали спрашивать и домогаться, чтобъ онъ признался въ зазорномъ съ дѣвкою обхожденіи и на ней женился; но какъ никакихъ доказательствъ, ни письменныхъ, ни свидѣтельскихъ, не могли представить на взводимое на него преступленіе, то, проволочивъ однако съ недѣлю, должны были со стыдомъ выпустить, сообща однако за извѣстіе въ полковую канцелярію, гдѣ таковому безумству и наглости алгвазиловъ дивились и смѣялись. Вотъ каковы въ то время были полиція и судьи»! (*Державинъ: Записки*, 39).

[50]) Мать Сумарокова жаловалась на непочтительное обращеніе сына. Екатерина II пишетъ московскому главнокомандующему, чтобы онъ призвалъ къ себѣ Сумарокова и напомнилъ ему объ участи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Андрея Бестужева-Рюмина, съ котораго, по желанію отца, сняты были ордена и чины. Бестужевъ-Рюминъ былъ кромѣ того сосланъ въ Свирскій монастырь, «гдѣ бы онъ, конечно, — говоритъ императрица князю М. Н. Волхонскому, - и пробылъ до смерти своей, еслибы самъ отецъ передъ смертію его оттуда не испросилъ, и то не инако какъ чтобъ по желанію отца быть ему подъ опекою и въ деревни свои не въѣзжать» (*Осмнадцатый вѣкъ*, I, 85). Сумарокову было въ это время (1767 годъ) пятьдесятъ лѣтъ. Ср. *Дѣло о разводѣ генералъ-поручика Сиверса съ женою Елизаветою* (*Архивъ князя Воронцова*, XXVI, 277—307).

[51]) Жестокостью нравовъ отличалась въ XVIII столѣтія и Польша, и Западная Европа. Во время извѣстнаго возстанія въ западной (польской) Украйнѣ, *Коливщины*, Гонту, одного изъ предводителей казацкаго возстанія, казнили слѣдующимъ образомъ: «Катъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней сдиралъ съ него живаго кожу до пояса; потомъ отрубывалъ руки и ноги, облупилъ голову, насолилъ ее солью и опять натянулъ кожу на черепъ». Чтобъ Гонта не кричалъ,—ему набили ротъ землей. Это звѣрское истязаніе происходило въ 1768 г. (*Максимовичъ: Сказаніе о Коливщинѣ*, *Р. Архивъ*, 1875, V). Поль Лакруа говоритъ, что въ Парижѣ, въ XVIII вѣкѣ, смертная казнь собирала массу любопытныхъ («Une grande exécution était toujour, à Paris surtout, une espèce de fête pour le peuple, qui se montrait avide d'y assister et d'en bien voir tous les détails»). Даже Вольтеръ писалъ: «Les supplices sont malheureusement nécessaires: il faut effrayer le crime» (*Paul Lacroix*: *XVIII Siècle*, I, 309 etc.). Когда у насъ Мировичу была отрублена голова, то народъ, «необвыкшій видѣть смертной казни и ждавшій по чему-то милосердія государыни, когда увидѣлъ голову въ рукахъ палача, единогласно ахнулъ и такъ содрогся, что отъ сильнаго движенія мостъ поколебался и перила обвалились» (*Державинъ*: *Записки*, 34). Именно отвычка отъ жестокихъ зрѣлищъ подобнаго рода произвела благодѣтельное измѣненіе въ нравахъ; отмѣнена же у насъ была смертная казнь не по требованію общественнаго мнѣнія, а по волѣ императрицы.

[52]) *Г. Стоюнинъ*: *Наша семья и ея историческія судьбы* (*Вѣстникъ Европы*, 1884, январь).

[53]) *Записки Державина*, 339—341, 341—342. Ср. 365—367 и 370—378 (Дѣло Завадовскаго).

[54]) *А. Н. Корсаковъ*: *Степанъ Ивановичъ Шешковскій* (*Ист. Вѣстникъ*, 1885, декабрь).

[55]) *Пекарскій*: *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ*, I, 32. Г. Брикнеръ замѣчаетъ: „Der Mangel an politischen Institutionen, welche, unabhängig von Alter, Geschlecht und Capacität der jeweiligen Machthaber, einen gedeihlichen Fortschrift verbürgen konnten, drohte oft mit Unheil» (*Katharina die Zweite*, I, 4). Посошковъ (*Сочиненія*, I, 175) говоритъ. «Паки немалая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ».

[56]) *Хмыровъ*: *Царь Алексѣй Михайловичъ* (*Др. и Н. Россія*, 1875, XII). „Если съ трудомъ измѣнялись законы, то еще съ большей медленностію измѣнялись нравы, обычаи и понятія, измѣненіе которыхъ во многомъ зависитъ отъ измѣненія законовъ и учрежденій. При отсутствіи всякаго обезпеченія правъ личности, высшіе легко могли обижать и притѣснять низшихъ, а низшимъ оставалось только униженіемъ вымаливать себѣ снисхожденія» (*Хлѣбниковъ*: *О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи*, 248). Приведенные нами факты показываютъ, что это въ значительной степени справедливо и по отношенію къ XVIII столѣтію. «Повторять съ иностранцами, будто бы русскій народъ ненавидѣлъ образованность и вести его къ просвѣщенію можно было только страхомъ, насиліемъ, или, какъ вы ражаются ученые нѣмцы,—просвѣщеннымъ деспотизмомъ,—было бы клеветою на русскій народъ» (*Костомаровъ*: *Царевичъ Алексѣй Петровичъ*, *Др. и Н. Россія*, 1875, I).

[57]) Посошковъ говорилъ: «крестьяномъ помѣщики невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно» (*Сочиненія Ивана Посошкова*, I, 183).

[58]) *В. О. Ключевскій*: *Боярская Дума древней Руси*, 11.

[59]) *Ешевскій*: *О поврежденіи нравовъ въ Россіи* (*Атеней*, 1858, III).

[60]) Ср. *Ключевскій*, назв. соч., 275—276, 294—298, 304, 305. И. Д. Бѣляевъ говоритъ, что кончина Петра II—«самымъ нагляднымъ образомъ высказала въ какомъ беззащитномъ и жалкомъ положеніи находилось тогдашнее русское общество». Пять членовъ верховнаго тайнаго совѣта, никого не спросясь, порѣшили призвать на престолъ лицо, не имѣвшее на то наслѣдственныхъ правъ (*Русское общество отъ кончины Петра Великаго до Екатерины II*, *Библіотека для Чтенія*, 1865, № 3).

[61]) Ср. любопытную книгу *Jacoby*: *Études sur la selection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme*, 1881. «Puisque c'est le pouvoir qui conduit les races souveraines à la dégénérescence, il faut supposer que plus il est grand, plus la décadence morale, intellectuelle et physique sera manifeste» (X). Ср. 25—32. Гюйо замѣчаетъ: «Le culte des Césars était chez les Romains le signe d'un état moral inférieur réagissant sur cet état même, il les avilit encore, les dégrada davantage» (*Guyau*: *Esquisse d'une morale*, 65).

[62]) Г. Загоскинъ указываетъ на слѣдующій примѣръ вліянія правительственной дѣятельности на явленія народной жизни: «Съ началомъ XVIII вѣка смяг-

чается суровое отношеніе правительства къ расколу и его послѣдователямъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣже становятся теперь и случаи самосожигательствъ раскольниковъ». При Елизаветѣ Петровнѣ усиливаются строгости, и число самосожженій вновь увеличивается (*Н. Загоскинъ*: *Самосожигатели*, *Литературный Сборникъ* «Волжскаго Вѣстника», томъ I, выпускъ I, 168, 169).

[63]) На излишество правительственнаго вмѣшательства въ дѣло просвѣщенія и на происшедшій отъ этого вредъ для самостоятельности въ умственномъ и нравственномъ отношеніи указываетъ Щаповъ (*Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа*, 54).

[64]) *Г. Тарасовъ*: *Исторія русской полиціи и отношенія ея къ юстиціи* (*Юридическій Вѣстникъ*, 1884, январь).

[65]) *Г. Чичеринъ*: *Собственность и государство*, 96. Бенжаменъ Констанъ (*Cours de politique constitutionelle*, 1837, 112) говоритъ, что всякій законъ, предписывающій доносы (délation, dénonciation), не есть законъ. А наше законодательство XVIII вѣка переполнено подобными предписаніями.

[66]) *Задачи этики*, 93—94.

[67]) *К. Д. Кавелинъ*: *Сочиненія*, I, 369. Бриггенъ, превознося владычество нѣмцевъ съ Петра I до Елизаветы, такъ объясняетъ причину неудачи ихъ «цивилизаторской» роли (это Биронъ-то!) «наслѣдниковъ по духу» Петра Великаго: «Dieses Land war eben nicht reif das zu tragen, was man ihm aufbürdete, materiell zu schwach um ein europäischer Grossstaat zu sein, intellectuell zu roh um europäisshe Formen des Lebens mit lebendigem Inhalt zu füllen» (*Brüggen*: *Wie Russland europäisch wurde*, 1885, Leipzig, 487). Такой отзывъ не мѣшаетъ Бриггену признать, что Волынскій и другіе русскіе люди ясно видѣли ложный путь, избранный правительствомъ (то есть нѣмцами съ Бирономъ во главѣ). Бриггенъ называетъ оффиціальную Россію прошлаго вѣка—«der despotische Beamtenstaat in europäischer Tracht» (494).

[68]) *А. Н. Пыпинъ*: *Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I*, изд. второе, 1—2. «Въ мрачный періодъ отъ смерти Петра до Екатерины II, въ эти *сатурналіи деспотизма*, по выраженію Карамзина, общество наравнѣ съ народомъ оставалось пассивнымъ зрителемъ придворныхъ переворотовъ, хотя уже являются сильные политическіе умы, какъ Волынскій, люди съ обширнымъ знаніемъ внутреннихъ отношеній Россіи, какъ Татищевъ, и наконецъ возникаетъ нѣкоторое броженіе политическихъ понятій въ самомъ обществѣ: въ той оппозиціи, которая при воцареніи Анны высказалась со стороны русскаго *шляхетства* противъ замысловъ олигархіи и закончилась полнымъ возстановленіемъ самодержавія, въ этой оппозиціи были однако и мысли объ граниченіи монархическаго правленія» (ibid., 5 — 6). Г. Пыпинъ указываетъ на тотъ страшный вредъ, который былъ произведенъ присоединеніемъ къ старой традиціи «нѣмецкаго канцелярскаго деспотизма». О правленіи Екатерины II историкъ говоритъ въ слѣдующихъ выраженіямъ: «Просвѣщенный деспотизмъ Екатерины, къ сожалѣнію, не былъ такъ широкъ и искрененъ, какъ былъ, напримѣръ, у Іосифа II, и уже въ самомъ началѣ Екатерина впадала въ противорѣчія съ собой и отвергала свои философскія идеи, какъ скоро ихъ вліяніе обнаруживалось въ обществѣ какими нибудь ничтожными проявленіями самостоятельности» (ibid., 9).

[69]) Подьячій Петръ Исаковъ показывалъ, что Шакловитый приказывалъ пытать и вырѣзывать языки. «И онъ де то и учинилъ; а языкъ, вырѣзавъ, при-

везли къ нему для оправданья. И онъ тотъ языкъ велѣлъ бросить» (*Розыскныя дѣла о Өедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ*, I, 157—158).

[70]) См., напримѣръ, огромное дѣло по извѣту на стольника Андрея Безобразова, котораго обвиняли въ томъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ сыскалъ волхва Дороөейку, чтобы на Петра, на царицу Наталью Кирилловну и Нарышкиныхъ «напустить по вѣтру, вражески, чтобъ по немъ, Андреѣ Безобразовѣ, тосковать». Этого Дорожку и другаго волхва (также коновала) Өедку постановлено было сжечь въ срубѣ. Приговоръ приведенъ въ исполненіе 8 января 1690 года (*Розыскныя дѣла о Өедорѣ Шакловитомъ*, II, 1—12, 278, 301—302) Ср. тамъ же дѣло о Неплюевыхъ и Воробинѣ.

[71]) 30 іюля 1723 года изданъ былъ, напримѣръ, собственноручный указъ императора генералъ-полицеймейстеру: съ жителей Петербурга, не бывшихъ на своихъ баржахъ во время водяной ассамблеи, предписывалось взыскать по 50 рублей штрафу. Указъ обѣщаетъ на слѣдующій разъ строгое наказаніе, если кто не явится для увеселеній по сигналу (*Архивъ Прав. Сената*, I, № 1263). Слѣдуетъ отмѣтить и такой прогрессъ въ воззрѣніяхъ законодателя. Въ началѣ прошлаго вѣка конфискація движимаго и недвижимаго имущества преступниковъ (государственныхъ и уголовныхъ) была обычнымъ явленіемъ. Императрица Екатерина II высказывалась (*Наказъ*, ст. 141) за описываніе на государя только благопріобрѣтеннаго имущества, и то въ рѣдкихъ случаяхъ. О разрушительномъ вліяніи конфискаціи на частныя богатства ср. *Карновичъ*: *Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи* (2 изданіе, 37). Богатства и создавались иной разъ конфискаціями. Такъ, напримѣръ, послѣ казни Волынскаго разбогатѣлъ одинъ изъ его судей, И. И. Неплюевъ (*Карновичъ*, назв. соч., 204).

